U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PGR 1959
Book .P48
N
YUDIN COLLECTION

Without cover

НОВЫЯ ПОВѢСТИ

Н. Ф. ПАВЛОВА.

1/20

PAVLOV, NIKOLAĬ FILLIPOVICH

NOVYIA POVTESTI

НОВЫЯ ПОВѢСТИ

Н. Ф. ПАВЛОВА,

Не испытуй сердца человѣческаго.
(Изъ законовъ Ману.)

МАСКАРАДЪ. ДЕМОНЪ. МИЛЛІОНЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Гуттенберговой типографіи.
1839.

PG3337
.P3N6
1839

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Января 10 дня 1839 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

I

МАСКАРАДЪ.

I

Въ первыхъ числахъ прошлаго Января, въ одномъ изъ старинныхъ домовъ Москвы, въ одиннадцать часовъ вечера, мужчина лѣтъ шестидесяти, невысокаго роста, худощавый, стоялъ небрежно, прислонясь къ мраморному

подножію огромной порфировой вазы. Заботливая судьба очертила около него небольшой магическій кругъ, мимо котораго иные проходили съ благоговѣйной робостью и куда никто не осмѣливался вступать; но такая оборона отъ многолюдной толпы, всегда разсѣянной, всегда невнимательной, не могла защитить отъ разныхъ поклоновъ и привѣтствій: они тревожили безпрестанно это безпечное положеніе, этотъ отдыхъ старика. Онъ иногда въ отвѣтъ гостямъ только что улыбался, только что протягивалъ руку, а иногда и совсѣмъ отдѣлялъ свое тѣло отъ мрамора. Впрочемъ, блестящая суматоха маскарада, великолѣпное разнообразіе костюмовъ, женская красота — ничто не отвлекало его вниманія отъ одного предмета, отъ особенной забавы. Онъ не вслушивался въ пискливые, искаженные голоса, не ловилъ этихъ дивныхъ, заманчивыхъ словъ, брошенныхъ на

воздухъ, прошептанныхъ на ухо, не разгаданныхъ никѣмъ, но зароненныхъ въ чье нибудь сердце. Онъ наслаждался по своему. Я беру его теперь въ любопытную минуту шумнаго вечера и, можетъ быть, въ самую счастливую минуту старости. Разжалованный временемъ изъ актеровъ въ зрители, безъ участія въ рѣзвой дѣятельности бала, безъ сочувствія къ мелочнымъ восторгамъ, къ мелочному отчаянью, къ милліонамъ этихъ взглядовъ и надеждъ, которые сверкали передъ нимъ въ вальсѣ или разгорались въ кадриляхъ, онъ вѣрно вспомнилъ бы невозвратимые годы, пожалѣлъ бы, что нѣтъ у него болѣе сердца для всѣхъ впечатлѣній и головы для всякаго замысла, еслибъ не нашелъ тутъ пищи, необходимой для старческой жизни, утѣшенія, единственнаго въ нѣкоторыя лѣта; еслибъ не зналъ, куда помѣстить ему усмѣшку разочарованія и язвительное

слово опыта. Невольное равнодушіе, благопріобрѣтенную безчувственность, старикъ долженъ же употребить въ дѣло, долженъ же при случаѣ похвастать своимъ несчастнымъ преимуществомъ; а потому какъ онъ радъ, если можетъ кольнуть васъ за ошибку, подшутить надъ опрометчивостью, предсказать неудачу и глядѣть на огненныя заблужденія молодости. Кто ничего уже не ждетъ, тотъ любитъ доказывать себѣ, что всякое ожиданіе— суета, вздоръ; и старикъ лелѣялъ эту благосклонную мысль, когда тѣшился надъ едва притаеннымъ нетерпѣніемъ двадцати-лѣтней вдовы, своей очаровательной племянницы. Она, драгоцѣнный камень въ роскошной оправѣ фантастическаго наряда, стояла по другую сторону вазы. Тутъ былъ центръ бальнаго міра, тутъ былъ вечерній геній, который металъ въ толпу цвѣты поэзіи. Около нея тѣснились маски: то,

какъ Исторія, надоѣдали ей правдой, то, какъ Повѣсть, старались лгать обольстительно. Они сыпали свое бѣглое краснорѣчіе, силились перебить, затереть, перешумѣть другъ друга; но странно, никому не удавалось подстрекнуть искренняго любопытства молодой вдовы. Никто не отыскалъ этого вѣрнаго звука, который манитъ за собою воображеніе женщины, отъ котораго непремѣнно встрепенется она и вдругъ увидитъ только васъ, и пойдетъ, мечтая, за вашимъ привлекательнымъ звукомъ, и броситъ всѣхъ, и посреди непроходимаго многолюдства уединится съ вами: спрячется за колонной, присядетъ на незамѣтный стулъ, отдастъ вамъ свой слухъ, свое зрѣніе, свою душу и спроситъ: кто вы? . . . и потеряется весело въ лабиринтѣ вашего маскараднаго вымысла.—

Правда, одна маска заставила ее огля-

нуться пристально. Эта маска была одѣта въ широкое черное платье, вышитое золотыми блестками. Остроконечная шапка, обвитая знаками зодіяка, въ рукѣ золотой прутикъ, поясъ, унизанный спереди бриллiянтами и сморщенныя черты страшной старухи —вотъ остальныя подробности наряда. Впрочемъ, взглядъ ея разногласилъ рѣзко съ поддѣльной наружностью, потому что мелькалъ молодо въ прорѣзахъ накладнаго лица. Долго она стояла молча, неподвижно, но часто шевелился ея золотой прутикъ, какъ будто онъ одинъ принималъ всѣ впечатлѣнія, все, что переносили ей глаза и уши, —эти доносчики души. —Она видѣла, она перечла, можетъ быть, сколько живописныхъ щеголей поглядывало на юную вдову издали, въ промежуткахъ головъ, съ явнымъ желаніемъ доступить поближе; но изнѣженные шаги, вѣжливыя сердца не годились, чтобъ сра-

жаться противъ толпы. Она видѣла, какъ иной офицеръ, полный силы и забвенія, врѣзывался въ эти ряды непріятелей, падалъ съ неба въ середину тѣснаго круга, и звонко пристукнувъ шпорой, и нѣжно наклонивъ свой мужской станъ, чтобы сравнять его съ прелестнымъ ростомъ женщины, уносилъ ее на дерзкой рукѣ... Я не знаю, какимъ образомъ картина чужаго торжества ложилась на душу этой маски, и что̀ скрывалось подъ нею—красота или безобразіе. Только не всѣ тайны міра были извѣстны волшебницѣ, потому что въ ея осанкѣ, въ ея ледяномъ спокойствіи обнаруживалось сосредоточенное любопытство, намѣреніе наблюдать. Она не старалась привлечь на себя чьего-либо вниманія, не искала легкихъ утѣхъ женскому самолюбію, но, напитанная какой-то непроницаемой думой, медленно и важно повертывалась, слѣдуя за всѣми движеніями

рѣзвой вдовы. Въ эту минуту жизнь мнимой колдуньи поглощалась совершенно сіяньемъ чужой жизни; въ эту минуту она напоминала то несмѣтное число людей, пущенныхъ на свѣтъ безъ собственнаго дѣла, безъ собственной физіономіи, а во славу или въ проклятіе другихъ, людей понятныхъ только возлѣ кого нибудь, и безъ кого нибудь невозможныхъ, какъ спутникъ безъ планеты, какъ зависть безъ славы, какъ мщенье безъ обиды. Наконецъ маска, вѣроятно соскучась отъ бездѣйствія, выдвинулась изъ за вазы и вмѣшалась въ толпу. Если не льзя было дѣлать догадокъ по измѣненіямъ ея лица объ измѣненіяхъ ея мыслей, то, по крайней мѣрѣ, золотой прутикъ намекалъ нѣсколько о внутреннихъ волненьяхъ незнакомки. Прежде онъ вертѣлся у нея въ рукахъ, какъ единственное существо, которое назначала она въ мученики своихъ причудъ, шутокъ или до-

сады;—теперь упалъ вдоль ея стана и, блистая, протянулся спокойно на черномъ платьѣ, какъ будто, по приказу своей повелительницы, уступалъ мѣсто ея другой игрушкѣ.

Маска подошла къ вдовѣ.

«Графиня,» сказала она, согнувшись старухой, поддѣлываясь къ этому выговору, которому время учитъ насъ даромъ, и таинственно касаясь почти уха той, съ кѣмъ говорила, «я читаю въ вашемъ сердцѣ, всѣ изгибы его открыты моей наукѣ: вы смѣетесь, а вамъ скучно, вы надѣетесь, а ваша надежда—дымъ»...

Графиня повернула голову и взглянула черезъ плечо на маску, какъ женщина, готовая встрѣтить всякое нечаянное нападеніе искусственными пріемами опытнаго лица.

«Есть люди,» продолжала шопотомъ неотвязчивая колдунья, «на которыхъ не дѣйствуютъ и ваши глаза.»

—Право?—При этомъ словѣ Графиня улыбнулась съ восхитительнымъ простодушіемъ.

«А, вы не догадываетесь! . . да, я знаю, что вы несчастны, а помочь вамъ не льзя. . . Хотите-ли, я объясню что было и что будетъ?».

—Я не люблю доискиваться смысла въ томъ, чего не понимаю съ перваго раза. — И Графиня отвернулась такъ проворно, какъ будто поняла.

Ихъ тотчасъ раздѣлили. Маска пропала. Шумно другія заступали ея мѣсто. Между тѣмъ племянница защищалась также отъ нѣмыхъ нападеній дяди. Колдунья хотѣла испугать женщину

злымъ всезнаніемъ, но женщина боялась добрыхъ насмѣшекъ. Въ то время, когда рвали на части ея вниманіе, когда языкъ и улыбка ея поспѣвали на всѣ стороны, въ то время ни хаосъ словъ, ни мельканье лицъ, ни ослѣпительная пестрота не могли вполнѣ овладѣть ею. Она не забывала ни на минуту, что въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ испытующій старикъ.

Ласково и насмѣшливо глядѣли на нее его маленькіе пронырливые глаза. Они безпрестанно прокладывали себѣ новую, воздушную тропинку: тамъ черезъ голову карлы, который подвертывается къ великану, тамъ между обольстительныхъ плечъ, сквозь чудныхъ локоновъ, и безпрестанно пробирались къ Графинѣ, только не заставали ея въ расплохъ. Она отгадывала заранѣе ихъ появленіе, она встрѣчала ихъ съ такимъ же дальновиднымъ, не-

постижимымъ проворствомъ съ какимъ часовой предчувствуетъ офицера, съ какимъ подчиненный ловитъ на балѣ взглядъ забывчиваго и разсѣяннаго начальника, чтобы поклониться ему въ десятый разъ. Что ни дѣлалось около нея, о чемъ ни говорили съ нею, ей виднѣлся дядя, и взгляды ихъ сталкивались, и она, казалось, торопливо повторяла ему на языкѣ своего милаго лица: «Я тутъ, тутъ всѣ»... но этимъ суетливымъ желаніемъ отразить шутку, этой охотой обороняться, этой вѣчной готовностью къ отвѣту, Графиня измѣняла себѣ, потому что оправдываться не значитъ ли признаваться? — И было такъ. — «Тутъ всѣ». А какъ скоро она освобождалась изъ подъ вліянія магнитной насмѣшки, которая, при всемъ своемъ радушіи, при всей невинной ничтожности, потрясла цѣлое зданіе женской гордости, вызывала на нестерпимую откровенность и по милости

которой женщина рада бы простоять весь балъ возлѣ вазы;—какъ скоро заслоняли старика и онъ изчезалъ въ приливахъ маскарада, о!... въ эту секунду лорнетъ Графини приросталъ къ ея глазамъ; ея любопытный и яркій взоръ вспыхивалъ свободой, обнималъ разомъ всю залу, впивался бѣгло въ черты каждаго, хотѣлъ проскользнуть къ дверямъ, ошарить углы... Въ эту секунду она слышала и шорохъ далекихъ шаговъ и скрыпъ кареты, она видѣла и чувствовала всѣхъ.... Я не говорю объ окружающихъ. Съ ними графиня поступала, какъ съ сочиненіемъ пріятеля, потому что улыбалась съ восторгомъ, чуть ли не именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они надѣялись на слезу. Но лорнетъ падалъ съ глазъ, но вдохновенная секунда—недолго; опять дядя, опять кавалеры, дамы... Чтобы расплатиться съ ними за украденное мгновеніе, надо было твердить имъ безъ

умолку: «Я ваша, мой слухъ, мой языкъ, моя душа принадлежатъ вамъ,» —и Графиня щедрѣе разбрасывала слова, пристальнѣй взглядывала, живая, опрометчивая, обворожительная своей всенародной привѣтливостью, своимъ дешевымъ участіемъ.

На ней было бѣлое газовое платье. Крѣпко прильнувъ къ ея пышной груди, къ гибкому стану, оно раскидывалось вдругъ на тысячу небрежныхъ складокъ, и широко, и важно ниспадало потомъ до ея ногъ, гдѣ обвивалась около него легкая серебряная гирлянда виноградныхъ кистей. Какъ перевязь Рыцаря, какъ подарокъ любви или награда за подвигъ, опускался нѣжно съ ея праваго плеча подъ лѣвую руку розовый шарфъ и на немъ свѣтилась продольная кайма, серебряные листья винограда. Темнорусые волосы своими причудливыми кудрями не мѣшали полно-

му сіянью красоты, не накидывали тѣней на мечтательную бѣлизну лица, но спокойно, но просто уложенные по вискамъ, оставляли переднюю часть головы для другихъ украшеній природы и всѣ соединялись сзади въ одну густую, горизонтальную косу, на которой носилось по сторонамъ два газовыхъ вуаля, розовый и бѣлый, усѣянные двумя мірами серебряныхъ звѣздъ. Нѣсколько дрожащихъ локоновъ отпадало отъ этой косы, украденной у древней Греціи, съ головы Діаны. Въ рукѣ у Графини былъ букетъ изъ разноцвѣтныхъ анемоновъ, называемыхъ будто бы по-Русски вѣтреницами, а на лбу сверкала утренняя звѣзда изъ бриллiантовъ. Однако же ничто въ ней, кромѣ дѣвственныхъ красокъ наряда, не напоминало невиннаго утра, патріархальной простоты разсвѣта. Это была скорѣе звѣзда вечера, которая не умиляетъ души, а будитъ воображеніе и свѣтитъ

безсонницѣ. Ея главную красоту составляли блестящіе глаза, блестящіе въ точномъ значеніи слова. Вѣчно въ искрахъ, вѣчно въ лучахъ, они не давали возможности вглядѣться въ ихъ цвѣтъ. Богъ знаетъ, откуда берется у насъ этотъ необыкновенный блескъ, это явленіе Юга. Зависитъ ли онъ отъ матеріальнаго устройства органа, отъ чистоты стеклянной влаги, отъ прозрачности роговой оболочки, или сквозится тутъ какая нибудь надменная часть души; только никогда не приписывайте его неугасимой чувствительности сердца. У насъ на Сѣверѣ блестящіе глаза вѣроломнѣе тусклыхъ,—это не наша природа, это обманъ, искушеніе, это яркая вывѣска все той же родной зимы, это тотъ же снѣгъ, но снѣгъ подернутый солнцемъ.

И Графиня не потупляла глазъ.... существо, которому судьба велѣла про-

лестись рѣзво надъ землей и не замѣтить, что тамъ дѣлается и не зацѣпится ни за одну горесть. Ея длинныя, переломленныя къ верху рѣсницы, ея дивно скругленный, чуть чуть приподнятый, алый подбородокъ — всѣ ея черты тянулись гордо къ небу: и стоило вамъ быть у ногъ ея, чтобъ она васъ не увидала. — Теперь, мнѣ кажется, не льзя не отгадать, какимъ образомъ подѣйствовали на нее щекотливыя слова маски и что̀ она чувствовала, когда неугомонный дядя, медленно опуская правую руку за жилетъ, а въ лѣвой перебирая часовую цѣпочку и, какъ жеманная невѣста, наклонивъ двусмысленно голову, сказалъ самымъ сострадательнымъ тономъ:

«Другъ мой, ужь половина двѣнадцатаго,» и вкрадчиво приподнялъ глаза на племянницу. Много было смыслу въ замѣчаніи старика, судя по ея умной,

безпечной и сколько можно веселой усмѣшкѣ.

Но что отвѣчать на истину, которая понятна и кстати? Какъ не наказать за правду? Графиня ударила его по пальцамъ своимъ букетомъ, бросила кому-то на плечо лѣвую руку, скользнула раза два и исчезла, сливаясь съ радужными отливами костюмовъ. Музыка невидимаго оркестра стройными звуками разлеталась въ благоуханномъ пространствѣ залы. Я ошибаюсь, это была не зала, самая безхарактерная комната въ домѣ!... Что такое зала? голыя стѣны, рядъ стульевъ, площадь, гдѣ семейная жизнь не оставляетъ ни слѣдовъ, ни воспоминаній. Это была гостиная, обращаемая иногда въ залу, это была зала въ старинномъ уборѣ гостиной. Она сохранилась еще въ томъ видѣ, какой нравился предкамъ; ея не исказилъ еще новый вкусъ и не ограби-

ло разоренье. Легкій сводъ потолка, расписаннаго клѣтками, опирался на карнизъ, который, съ своими завитками Коринѳскаго ордена, смѣло высовывался впередъ и рѣзко отдѣлялъ округлую форму, подобіе неба, отъ плоскихъ линій земли. Въ вышинѣ, на противоположныхъ концахъ было два таинственныхъ углубленія, загороженныхъ ослѣпительными рѣшетками безчисленныхъ свѣчь. Золотыя стрѣлы амура сверкали изъ подъ шелковыхъ тканей надъ высокими и узкими окнами. Тяжелая бронза горѣла на малахитахъ и мозаикахъ.—Но что болѣе всего могло изумить разборчиваго жителя Москвы, это предметы искусствъ, разсыпанные щедрою рукой, богатство, траченное не на однѣ чувственныя наслажденія, это каминъ карарскаго мрамора, Итальянской работы, это южное изящество вазъ, это картины, которыя отъ самаго карниза вплоть до штофныхъ дивановъ и

креслъ, мятыхъ нѣкогда бабушками, покрывали всѣ стѣны. Не было промежутка, гдѣбъ вы опомнились отъ волшебнаго обаянія мраморовъ, свѣта и живописи. Тамъ монахъ на молитвѣ Рубенса, тутъ портретъ Фанъ-Дейка, Венера Тиціяна.... и еслибъ вамъ захотѣлось злобно заглянуть подъ эти картины, вы не встрѣтилибъ подъ ними голыхъ признаковъ мелкой расчетливости: подъ ними тотъ же дорогой штофъ, то же гордое богатство, которое золотитъ для себя, а не для васъ. Наполните же эту гостиную или залу костюмами всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ и женской фантазіи, одушевите блистательной толпою, лучшими перлами Москвы и забудьте, что есть другой міръ, другая жизнь, и отдохните, безъ грѣха, отъ лохмотьевъ, отъ уличной грязи человѣчества, отъ безтолковыхъ неурожаевъ. Бросьте сюда Графиню съ ея розовымъ и бѣлымъ вуалями, ко-

торыя вьются въ вальсѣ такъ близко возлѣ полу-обнаженныхъ плечъ.....

Когда кавалеръ примчался съ нею на прежнее мѣсто, тутъ явилось новое лицо. Шутливый старикъ вышелъ на время изъ своей роли, добросердечная радость смѣнила выраженіе насмѣшки и онъ, дружески сжимая руку гостя, говорилъ:

«А, докторъ, вотъ наконецъ и вы; давно ли воротились? Я думалъ, вы совсѣмъ пропадете, забудете меня....»

Потомъ отшатнулся назадъ и опять облокотился на мраморъ. Докторъ потупилъ умные глаза, вручилъ свою руку въ полное распоряженіе хозяина дома и стоялъ окаменѣлымъ поклономъ. Первая встрѣча послѣ долгой разлуки, какая бы ни была короткость между людьми, начинается всегда не тѣмъ,

чѣмъ кончилось знакомство при разставаніи, а обыкновенно тяжелыми пріемами недовѣрчивой вѣжливости, особенно со стороны человѣка, который ниже своего пріятеля, и еще пуще со стороны доктора, который радъ случаю быть съ вами похолоднѣе, потому что долженъ бояться дружескихъ связей: дружба платитъ однѣми чувствами, монетой сердца. Его значительная наружность представляла странныя противорѣчія: бѣлый галстухъ, единственный въ маскарадѣ, и сѣрыя, разтрепанныя бакенбарды; глубокія морщины на лбу и тонкія, черныя брови; остатки волосъ на затылкѣ и на вискахъ, кое гдѣ сѣдые, кое-гдѣ черные, въ такомъ состояніи упадка, что видно было — нѣчего или нѣкогда о нихъ хлопотать, и красныя щеки, признакъ вѣчнаго аппетита у докторовъ. Онъ началъ мало по малу оживать, какъ статуя Пигмаліона и приходить въ первобытное

положеніе, т. е. становиться на ту ногу, на какой принятъ былъ въ этомъ домѣ съ незапамятныхъ временъ. Докторъ былъ изъ Русскихъ Нѣмцевъ, а потому говорилъ по-Русски лучше чѣмъ Русскіе, а потому, можете представить, какъ отвѣтъ его на привѣтствіе хозяина сперва показался въ видѣ боязливаго отростка, потомъ пустилъ корни, потомъ разросся много-вѣтвистымъ деревомъ и обнялъ всѣ здоровыя части общества. Больные, дѣло знакомое, надоѣли ему. Онъ объявилъ, что едва успѣлъ переодѣться, что сей часъ изъ Петербурга, и уже нѣсколько разъ два пальца его опускались въ незакрываемую табакерку и нѣсколько разъ глубокомысленно останавливались на воздухѣ. Чѣмъ болѣе выказывалъ онъ свое краснорѣчіе, тѣмъ примѣтнѣе слушалъ себя: привычка, которая тутъ была кстати, потому что его собесѣдникъ скоро переставалъ слушать. Графиня, завидя наконецъ док-

тора, бросилась къ нему, пожала по-мужски его руку и обрадовалась; но ея появленіе дало тотчасъ другой оборотъ разговору и настроило мысли дяди на прежній ладъ.

«Я крайне доволенъ, что вы пріѣхали» сказалъ онъ печально; «мнѣ нужно серьёзно поговорить съ вами о здоровьи племянницы....»

«Пожалуста, не слушайте дядюшки» перервала она, и чтобы вытѣснить его изъ разговора, подвинулась къ Доктору. «Не правда ли, костюмъ Черкешенки прекрасенъ.»

—Прекрасенъ—отвѣчалъ Докторъ, которому не видно было Черкешенки, закрылъ табакерку, и улыбнулся такъ искусно, что его улыбка не показалась бы дерзкой, если Графиня въ самомъ дѣлѣ больна, и глупой, если здорова.

Въ это время одна маска вздохнула около нея, тихо простонала ей на ухо: «увы, онъ не будетъ» и скрылась.

«Вотъ видите» продолжалъ хозяинъ дома, «на ваши обыкновенныя средства я не надѣюсь, да и гомеопатія не годится, развѣ магнетизмъ....»

Докторъ улыбнулся яснѣе.

«Да что же намъ здѣсь дѣлать, сядемъ-те въ вистъ.... Ольга, другъ мой, не сердись, ужь я не виноватъ....»

Музыка проиграла ритурнель Французской кадрили и какой-то офицеръ сталъ передъ Графиней въ нѣмомъ ожиданіи. Она смѣялась, поглядывая на всѣ стороны. Вдругъ еще маска въ бѣломъ домино, — это была вѣроятно союзная держава,—проворно подошла къ ней, заслонила кавалера, прошеп-

тала: «вотъ онъ» и взглянула на двери. Графиня быстро отвернулась отъ дверей, глаза ея не смотрѣли уже никуда, ея лицо успокоилось, съ него изчезли суетливость, нетерпѣніе, но не выразилось на немъ это спокойствіе счастія, эта увѣренность, что достигнута цѣль, за которой нѣтъ другой. Какая-то плѣнительная робость мелькнула въ ея движеніяхъ и какая-то задумчивость въ чертахъ! . . . Гдѣ таинственная колдунья, гдѣ злая пророчица, предсказавшая сей часъ, что онъ не будетъ? . . Они увидятъ его и ее. Здѣсь такъ свѣтло, такъ много свидѣтелей для торжества. . . Графиня подала руку кавалеру и разсѣянно повела его въ ту кадриль, которая составилась недалеко отъ входа въ залу. . . Онъ что-то повторялъ ей: «нашъ визави, нашъ визави;» только этого, кажется, она и не слыхала. — Ея дядя отправлялся въ дальнія комнаты, а Докторъ тянулся за нимъ.

« Кто это? »

— Въ первый разъ вижу.

Этотъ вопросъ съ отвѣтомъ размѣняли между собой, скользнувъ другъ возлѣ друга въ первой фигурѣ кадрили, прекрасная Еврейка и одинъ сочинитель, который писалъ прозою и котораго всѣ называли стихотворцемъ. У сочинителей про кого на балѣ ни спроси, никого не знаютъ.

«Какъ хорошъ!» сказала молодая Турчанка, приподнимая лорнетъ, «въ немъ есть что-то à la fra diavolo.»

—Вотъ что вамъ нравится,—произнесъ съ глубокимъ чувствомъ собственнаго достоинства ея картинка-кавалеръ, шаркнувъ проворно впередъ, чтобъ начать вторую фигуру и поглядывая съ отчаяннымъ разочарованіемъ на зеле-

ный листокъ, воткнутый въ петлю его фрака.

«Да, Левинъ человѣкъ богатый» отвѣчалъ кому-то круглый и угрюмый старикъ, стукнулъ двумя пальцами о табакерку и взглянулъ въ потолокъ съ видимой увѣренностью, что на этой ярмаркѣ словъ онъ одинъ сказалъ дѣло.

Четыре глаза смѣрили тотчасъ ростъ богатаго.

Между тѣмъ иные кавалеры доказывали своимъ юнымъ дамамъ, что онъ носитъ усы такъ; что онъ никогда не былъ военнымъ, а иные утверждали настойчиво, что онъ служилъ въ гвардіи.

Одна Графиня, хотя изъ танцующихъ она пришлась едва ли не ближе всѣхъ къ дверямъ, одна Графиня

не обращала никакого вниманія на посторонніе предметы, но, полная свѣтской нѣжности, занималась офицеромъ, который выпалъ ей на часть и отличался удивительной молчаливостью, занималась такъ усердно, какъ будто хотѣла непремѣнно добиться звуковъ его голоса и пробудить душу, вѣроятно чуткую только къ великимъ подвигамъ войны.

Многія маски, вытѣсненныя кадрилями, разбрелись шумѣть по сосѣдственнымъ комнатамъ, гостинная стала какъ-то свѣтлѣй, картины какъ-то великолѣпнѣй, — это была минута безотчетной поэзіи, торжественная минута роскоши: какое-то единство изящества одушевляло прелестные образы, разноплеменныя одежды и мирило Западъ съ Востокомъ, прошедшее съ настоящимъ: какія-то видѣнья, околдованныя музыкой, проносились мѣрно

передъ памятниками умершаго искусства; какая-то жизнь, изорванная на безчисленныя доли, но неугомонная, но вѣчно новая, вѣчно говорливая, рѣзвилась тутъ въ насмѣшку неподвижной, окаменѣлой красотѣ мраморовъ и живописи. И еслибъ вы, чтобы дополнить эту массу жизни, вздумали сблизить обѣ ея стороны, посмотрѣть на изнанку ея праздничнаго платья, на эти признаки неминуемаго разрушенія, эти смертныя пятна, которыя тщательно прячетъ она, танцуя, подъ золото да подъ жемчугъ; еслибъ вы причудливо съ одного конца залы перекинули свой взглядъ на другой, черезъ мелкое поколѣніе нашего вѣка, то на этомъ пестромъ полотнѣ, подъ яркими лучами свѣта, изъ самой глубины картины, рѣзко выставилась бы спокойная фигура высокаго мужчины въ черной Венеціянѣ.

За чѣмъ онъ тутъ? за чѣмъ это лицо полу-прекрасное, полу-страдальческое, намекъ о горькой тайнѣ, о язвахъ души?... Какъ быть!... мы не умѣемъ уже страдать въ четырехъ стѣнахъ и выплакивать себѣ тамъ невидимыхъ утѣшителей... Не поддѣлался ли онъ съ намѣреніемъ подъ героевъ Байрона, чтобъ еще разъ представить намъ каррикатуру на нихъ и блеснуть сердцемъ, заглохшимъ подъ пепломъ страстей?... нѣтъ, эта мода прошла: надо равняться со всѣми, смѣшно быть занимательнымъ, потому что наши дерзкіе, глубокомысленные Наполеоны, наши мрачные, разсѣянные Байроны, ходячія Элегіи — всѣ извѣрились, ни у кого не было за душой ни тяжкихъ думъ, ни нѣмаго отчаянія.

Левинъ стоялъ у дверей. Все танцовало передъ нимъ. Длинные усы и ростъ давали ему мужественный видъ.

На блѣдныхъ и худыхъ щекахъ показывались два алыхъ пятна. Замѣтно было, что онъ старался за туалетомъ привести въ надлежащій порядокъ свои густые волосы; но искусственная прическа не удается никогда геніяльности и несчастію. Въ противоположность впечатлѣнію отъ усовъ и роста, кожа его лица сохраняла еще всю привлекательность слабости, всю прозрачность невинности: — вообще что-то тихое, святое выражали его черты, какъ будто онъ явился на балъ подъ вліяніемъ изнурительной болѣзни, которая,— прежде чѣмъ успѣетъ положить на васъ клеймо безобразнаго разрушенія, прежде чѣмъ станетъ болѣе и болѣе соединять тѣло съ землею,—отнимаетъ сперва у плоти ея животную вещественность, сотретъ съ лица грубыя краски, потушитъ въ глазахъ сладострастный огонь и на одно мгновеніе поблѣднѣлая красота сдѣлается нѣжнѣе, угасающій взоръ добродѣтельнѣе.

Левину было лѣтъ тридцать. Онъ пріѣхалъ въ Москву мѣсяца за два до этого маскарада. Его знали немногіе и знали только — богатъ онъ или бѣденъ, молодъ или старъ, служитъ или въ отставкѣ, женатъ или нѣтъ, т. е. эти пошлыя измѣненія жизни, эти обыкновенныя оттѣнки, эту выпуклую поверхность, приклеенную къ выгодамъ корыстнаго общества. Самъ же по себѣ человѣкъ, рядъ мыслей и чувствъ, которыя онъ прожилъ — кому нужны?... Левинъ ограничился тѣснымъ кругомъ знакомства и часто бывалъ у дяди Графини. Видая его въ свѣтѣ, не льзя было рѣшить, къ чему онъ болѣе равнодушенъ—къ людямъ или къ уединенію. Рѣдко оживлялись его большіе, томные глаза, но это походило на вспышку болѣзни. Часто онъ улыбался, но это была улыбка ласки, а не удовольствія. — О чемъ бы ни стали говорить ему, онъ слушалъ все съ

одинаковымъ вниманіемъ и охотно погружался въ разсматриваніе каждаго предмета. Казалось, что въ его сердцѣ доставало теплоты, а въ его умѣ объема для цѣлаго міра, но между тѣмъ никогда порывовъ, никогда желанья намекнуть о себѣ, никогда любимой, исключительной мысли, чтобъ было на что нанизать разбросанныя жемчужины образованной бесѣды. Точно, онъ отъ вихря впечатлѣній не уберегъ и не хотѣлъ уберечь ничего. Это былъ Англичанинъ холодно любопытный и непотрясаемый, это было вѣжливое море, которое радушно принимаетъ всякую рѣку, да на которомъ потомъ не сыщешь ея слѣда.

Между лицъ, такъ похожихъ одно на другое и не отмѣченныхъ особенною чертой, гдѣ очень часто случается встрѣтить странное выраженіе нравственнаго бездѣйствія, взгляды

безъ мысли, движенья безъ воли; гдѣ есть у души какой-то свой опіумъ, предохраняющій ее отъ безпрестаннаго существованія — Левинъ поразилъ Графиню.

Прекрасная женщина не любитъ вѣритъ искренности равнодушія; и за однимъ словомъ Левина она пророчила себѣ еще тысячу, притаенныхъ, сберегаемыхъ для неяснаго случая... Но сколько твердости, сколько свѣтскаго притворства нужно было ей, когда онъ также пристально смотрѣлъ на бездѣлку, которая попадалась ему подъ руку, какъ и на лучшее произведеніе Творца: когда своимъ безпощаднымъ участіемъ проводилъ уровень по всему, что окружало его, не умѣя отличать скуки отъ веселья, красоты отъ безобразія. И эта самая комната, гдѣ теперь танцовала Графиня, стараясь не замѣтить его присутствія, эта комна-

та нѣсколько разъ была свидѣтельницей ея мученій, тѣмъ болѣе невыносимыхъ, что онѣ замирали уединенно въ ея сердцѣ. Если онъ разговаривалъ съ ея дядей о пожарѣ въ Лондонѣ, объ Испанскихъ дѣлахъ, то ей не доставалось уже ни одного взгляда — и бѣдная, чтобы напомнитъ о себѣ, должна была впутываться въ Испанскія дѣла. Если онъ садился возлѣ нея за столомъ — это дѣлалось такъ нечаянно; но и тутъ стоило кому нибудь отнестись къ нему съ разсужденьями о погодѣ, чтобъ она увидѣла всю его готовность отвѣчать.

Однажды они остались вдвоемъ. Это было вечеромъ. Перегорѣлыя головни рухались въ каминѣ, огонь часъ отъ часу разноцвѣтней, воздушнѣй, перебѣгалъ по раскаленнымъ угольямъ, все менѣе и менѣе касаясь ихъ поверхности. Разговоръ, начатой еще при сви-

дѣтеляхъ, перерывался, потухалъ, — неприличный этимъ призракамъ воображенія, которыя накопились посреди умирающаго пламени, этимъ призракамъ сердца, которыми блестящіе глаза женщины населяли великолѣпное уединеніе. Разговоръ пресѣкся. Левинъ сидѣлъ небрежно въ совершенномъ забытьи, голова его закинулась назадъ, ноги вытянулись и вдругъ онъ началъ вглядываться въ Графиню, какъ будто искалъ живыхъ чудесъ, вздумалъ воплотить воспоминанія, требовалъ чего нибудь несбыточнаго, и остановился на ней, и захотѣлъ успокоиться. Она вспыхнула и торопливо нагнулась шевелить уголья, потомъ приподнялась, тихо упала въ кресла; черезъ ихъ старинныя ручки живописно перебросились кисти ея рукъ, какимъ-то неизъяснимымъ упоеніемъ освѣтилось ея волшебное лицо: она завладѣла всѣмъ его существомъ, всѣми взорами, всѣми та-

инствами души.... Прошло нѣсколько секундъ и Графиня задрожала... Онъ весь поблѣднѣлъ, глаза его подернулись глубокимъ уныніемъ, пристальнѣй, пристальнѣй вглядывались въ нее и, казалось, подвигались къ ней; волосы безпорядочнѣй раскидывались на головѣ, онъ былъ и ужасенъ и жалокъ...

«Что съ вами, вамъ дурно?» вскрикнула Графиня, хватаясь за колокольчикъ и оглядываясь на всѣ стороны: ей стало страшно въ этой огромной комнатѣ, на единѣ съ высокимъ мужчиной.

Но когда боязливо обернулась къ нему, передъ нею былъ опять прежній Левинъ. Онъ очень спокойно грѣлся у камина и расхваливалъ его барельефы.

Графиня обомлѣла, вдвинула пальцы

одной руки между пальцевъ другой, прижала ихъ къ поясу, выпрямилась какъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка передъ гувернанткой и взглянула Богъ знаетъ куда... Это былъ у нея взглядъ безъ блеска, взглядъ души, странствующей въ мірѣ догадокъ... Чего она испугалась? взрыва ли созрѣвшей страсти, припадка ли головокруженія или собственной мечты?... Конечно, послѣ въ памяти женщины осталось только то, что онъ невыносимо пристально смотрѣлъ на нее; и, любопытная въ этихъ случаяхъ, какъ Русскій читатель, которому объясни все: «за чѣмъ, почему, для чего, правда ли?» она старалась нѣсколько разъ заставить Левина растолковать ей подозрѣваемую причину заманчиваго явленія.

«Ахъ, не подходите такъ близко къ камину» сказала однажды Графиня, «вамъ опять сдѣлается дурно, какъ тогда...»

—Когда же это? я не помню,—отвѣчалъ Левинъ, продолжая съ убійственнымъ однообразіемъ перевертывать листы какой-то книги, и искры прекрасныхъ глазъ пропадали даромъ, какъ зерно брошенное въ безплодную землю.

Онъ былъ непостижимъ, холоденъ, невнимателенъ; между тѣмъ, что же бы ему, кажется, дѣлать у старика, если онъ не надѣялся тутъ встрѣчать Графини, которая, хотя жила въ особенномъ домѣ, но также часто стала ѣздить къ родному дядѣ? Отъ чего же онъ былъ такъ сговорчивъ? — Стоило пригласить его во Французской театръ, на бульваръ, на балъ — онъ готовъ всюду... правда, никогда не должно было испытывать его и оставлять ему что нибудь на догадку. «Я ужо буду тамъ, я завтра поѣду туда» эти слова гибли, какъ не при немъ сказанныя:

онъ не бывалъ *тамъ* и не попадалъ *туда*. Графиня волновалась.

Въ чаду шумной зимы, въ сіяньи молодости, красоты, богатства и полной свободы, она воспитала у себя мечту о своемъ всемогуществѣ, мечту, необходимую женщинѣ и писателю, чтобъ оттолкнуть отъ нихъ мысль о безутѣшной слабости; но нѣжное дитя ея воображенія притаилось испуганное при встрѣчѣ съ человѣкомъ крѣпкимъ этой жизнью дѣйствительной, этой насмѣшливой силой, этой властью на дѣлѣ, отъ которой потупляются глаза и ноетъ сердце. Напрасно она являлась передъ нимъ въ соблазнительныхъ превращеніяхъ дня, въ нарядахъ утра, обѣда и вечера, придуманныхъ съ легкостью того же вкуса и съ мученіями того же чувства: чудеса роскоши, плѣнительныя формы природы, зимній румянецъ, таинственное мерцанье взоровъ сквозь

черный вуаль, ласковая мысль, одѣтая въ образованное слово, движенья, устроенныя по движеньямъ вашимъ — всѣ эти лучи не долетали въ тотъ заколдованный кругъ, гдѣ стоялъ неподвижный Левинъ. — Часто брался онъ за шляпу, когда Графиня входила и брался такъ медленно, такъ смѣло, что даже не льзя было подозрѣвать въ немъ страха, внушеннаго благоразуміемъ, намѣренья уйти поскорѣй отъ искушенія.—Едва онъ переступалъ тогда за дверь, дядя начиналъ тотчасъ подсмѣивать надъ племянницей, и она оставалась у него долѣе обыкновеннаго, но, уѣзжая, не садилась уже торжественно посереди кареты, а закутывалась въ салопъ и уютно жалась въ углу.—Впрочемъ, какъ философъ беретъ изъ міра только тѣ событія, которыя могутъ улечься подъ гнетъ его системы, такъ Графиня силилась подмѣчать только тѣ поступки Левина, въ кото-

рыхъ думала видѣть что-то угодное ея прихотливой волѣ. Это была минута, когда творческая проницательность женщины достигаетъ невѣроятнаго развитія. Все, что есть безсмысленнаго въ человѣческомъ днѣ, шаги, не направленные никуда, взгляды, бросаемые безъ цѣли, по произволу привычки, всему въ Левинѣ Графиня дала смыслъ, всему удѣлила души изъ своей живительной фантазіи.

Она толковала себѣ его каждое слово и въ каждомъ словѣ отъискивала себя. Чтобъ отнять у него эту неуклончивость, которая ей особенно нравилась; чтобъ лишить его независимости, которая оскорбляетъ всякаго, — она самовольно вычеркивала изъ его прежней жизни, изъ его ежедневнаго существованія движенія, понятія, чувства, пріобрѣтенныя не отъ нея и не при ней.

Многіе уже проникли въ ея тайну, многіе шептали ей по маскараду язвительные намеки — и Графиня забрасывала себя своими же словами, когда Левинъ показался въ дверяхъ залы, гдѣ родилась эта повѣсть.

Онъ поклонился ей издали, не имѣя возможности подойти, и потомъ она потеряла его.

Въ толпѣ равнодушіе замѣтнѣе, на балѣ женщина требовательнѣе. Онъ не пріютился постороннимъ зрителемъ къ ея кадрили, онъ не выжидалъ въ отдаленіи, молчаливый, остолбенѣлый, ея скользкаго взора... Шумные перевороты маскарада свели наконецъ Графиню съ Левинымъ.

«Вамъ скучно, вы не танцуете?» сказала она, поднимая на него скромные взоры, оробѣвшіе въ первый разъ,

и прикладывая къ губамъ свой букетъ. Что-то искреннее было въ ея положеніи и въ ея голосѣ. Она ждала отвѣта со всѣмъ вниманіемъ, какое только можно оказывать другому наединѣ, — она, которая обыкновенно оглядывалась по сторонамъ и искала около себя цѣлаго міра, когда говорила.

Левинъ, судя по его виду, стоялъ передъ нею въ какомъ-то раздражительномъ состояніи души: томные глаза его блестѣли, щеки разгорѣлись; но краска ихъ, ограниченная рѣзкими чертами, лежала пятнами, не исчезая постепенно въ бѣлизнѣ лица. — Опять странное явленіе, опять что-то похожее на сцену у камина.

— Я не скучаю на балахъ—отвѣчалъ онъ и, чтобъ можетъ быть отклонить отъ себя безполезныя покушенія Графини, прибавилъ:—мнѣ весело съ людь-

ми, посмотрите какъ много ихъ здѣсь, и я ни отъ кого ничего не жду.—

Графиня обернулась къ стѣнѣ, гдѣ могла не встрѣтить ничьего лица, опустила букетъ на раму картины и, разглядывая ее, продолжала:

«Съ вами не должно говорить: мы всѣ думаемъ, что своимъ присутствіемъ, своимъ разговоромъ приносимъ хоть сколько нибудь удовольствія, если не счастія...»

—Э, Графиня, будьте великодушны; не уже ли вы не позволите, чтобъ осталось на землѣ хоть одно существо, чье счастье не зависѣло-бъ отъ васъ? Когда всѣ говорятъ вамъ правду, за чѣмъ хотите вы, чтобъ одинъ солгалъ?...

Левинъ опустилъ глаза и началъ перебирать въ рукѣ кружева своего домино. Графиня отворотилась....

Прошло нѣсколько минутъ, она оставалась еще на томъ же мѣстѣ и разглядывала еще ту же картину. Привычка знать про себя, что дѣлается на сердцѣ и беречь въ неприкосновенномъ однообразіи гладкую поверхность, выставляемую нами вседневно на показъ обществу,—покинула ее.

Она искала опоры для растревоженныхъ мыслей; но люди, костюмы, фигуры, прикованные къ холсту, ускользали изъ подъ ея взоровъ, только вдали виднѣлась ясно мелькающая голова, освѣщенная всѣми лучами огней, двигался призракъ, который мѣшалъ ей жить. Изъ этого міра, гдѣ она давала законы, гдѣ она требовала жертвъ, Графиня перенеслась въ міръ самоотверженія, — теперь она была готова на пожертвованія, на униженія, сопряженныя съ каждымъ искреннимъ чувствомъ, на слезы, встрѣчаемыя

смѣхомъ, на все, что потомъ назвали бы любовью.

Въ это время выступила изъ толпы знакомая маска, мрачная колдунья, и въ ушахъ Графини раздался нестерпимый шопотъ:

«Не слѣдите его глазами, гробъ не помѣшалъ бы вамъ, да есть письмо, ужасное письмо...»

Маска едва касалась паркета, держала на плечѣ золотой прутикъ, и взгляды ея хохотали.

Графиня отвѣчала что-то неотступнымъ кавалерамъ, пожала руку какой-то дамѣ, потомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ Левинъ, потомъ отвернулась отъ этого ослѣпительнаго огня, отъ бездушнаго великолѣпія, подошла къ окну и мель-

комъ взглянула на небо: тамъ были свои огни, свое великолѣпіе, тамъ въ пустынѣ мрака сіяли звѣзды, бриллiанты неба — та ярче, та темнѣе, а за ними другія, другія, которыхъ не видно, отъ которыхъ свѣтъ не дошелъ еще до насъ съ сотворенія міра.... и мысль ея потонула мгновенно въ этой бездонной глубинѣ, гдѣ есть Всемогущая Воля; да какъ же перенести ее на землю?

Между тѣмъ въ гостинную показались многія не нужныя лица, съ выраженіями своей печали и своей радости. Лицо доктора было чрезвычайно одушевлено, и вѣроятно Графиня приписала бы это одушевленіе поэтическому дѣйствію проигрыша, еслибъ не поразило ее новое обстоятельство, и приятное и горькое. Она видѣла какъ докторъ бросился къ Левину, схватилъ его руку и только что не обнялъ, только что не разцаловалъ знакомаго. Она видѣла какъ

непостижимое впечатлѣніе, которое произвелъ и докторъ на Левина, — эту нѣжность къ сѣдымъ волосамъ, къ морщинамъ, какой не оказывалъ онъ никогда къ ея улыбкѣ, къ ея взгляду, ко всему, что есть юнаго въ красотѣ и прекраснаго въ юности. Завистливо улыбалась Графиня, отказываясь отъ мазурки. Долго танцовала она, выжидая минуту, чтобъ подойти къ доктору и не встрѣтиться съ Левинымъ. Наконецъ суматоха передъ мазуркой, перемѣщенье пожилыхъ особъ, тасканье стульевъ, дали ей возможность сказать доктору нѣсколько словъ.

«Вы знаете его?» спросила она съ торопливымъ любопытствомъ.

—Знаю,—многозначительно отвѣчалъ докторъ, какъ человѣкъ, который догадался съ разу, о комъ идетъ рѣчь, и потомъ пустился превозносить Ле-

вина до небесъ; но Графиня пресѣкла тотчасъ этотъ залпъ краснорѣчивыхъ похвалъ.

«Мнѣ нужно съ вами поговорить, подите за мной...»

Мелькнула и бросила доктора. Онъ началъ шевелиться на мѣстѣ, сталъ продираться, тихо ступая впередъ, не задѣвая никого и стараясь высовываться наружу, чтобъ не выпускать Графини изъ глазъ.... Быстро шла она, часто оглядывалась назадъ и тайкомъ мучила свой букетъ, когда должна была останавливаться по милости доктора, который, не замѣтивъ въ ней признаковъ близкой смерти и напитанный съ ногъ до головы вѣжливостью, покачивался вдали, какъ корабль, отгоняемый вѣтромъ отъ сверкающаго маяка.

Наконецъ Графиня отдохнула: докторъ выбрался на Божій свѣтъ и ускорилъ шаги.

Передъ ними тянулся длинный, свѣтлый рядъ комнатъ, этихъ безъименныхъ, безполезныхъ и восхитительныхъ комнатъ, куда иногда пріятно уйти изъ залы, чтобъ броситься на диванъ. Тамъ уже не бродили маски, не встрѣчались утомленныя лица. Кое-гдѣ слѣды ветхости, портретъ бабушки, обдавленныя кресла — все напоминало старину, все говорило о темныхъ событіяхъ семейной жизни, отъ которой не осталось ни преданій, ни кольчуги, ни меча, ничего, кромѣ мечтательной увѣренности, что, можетъ быть, также какая нибудь Графиня убѣгала сюда, терзаемая тѣмъ-же чувствомъ. Она отворила дверь, вошла.... За этой дверью не было уже яркаго освѣщенія — только въ двухъ прозрачныхъ вазахъ бѣлаго

мрамора томился огонь, на кругломъ столикѣ съ бронзовымъ ободкомъ теплилась этрусская лампа, да по ковру протянулась широкая полоса свѣта. На стѣнѣ висѣло овальное зеркало въ золоченой рамѣ, кушетка была покрыта барсовой шкурой и возлѣ стояло два вольтеровскихъ кресла. Докторъ заглянулъ туда, и какая-то странная нерѣшимость затруднила его походку. Казалось, онъ не зналъ — входить ему или нѣтъ. Звуки мазурки доносились волшебно до его слуха. . . . Передъ нимъ уютная комната, уединеніе, таинственный сумракъ и обворожительная женщина. . . Она его одного взяла изъ многолюдной залы . . . Можетъ быть, онъ вспомнилъ свою молодость. . . . но нѣсколько волосъ, двѣ-три морщины попались ему въ зеркалѣ на глаза. Докторъ опустилъ голову, открылъ табакерку, уставился въ нее и, переминая двумя пальцами свой ароматическій табакъ, двинулся за Графиней.

Но каково было его изумленіе!... Онъ едва успѣлъ ступить черезъ порогъ, какъ она схватила его за обѣ руки, и слезы потекли по ея щекамъ....

II

«Что вы, Графиня, что съ вами? успокойтесь!» говорилъ остолбенѣлый докторъ, а между тѣмъ правая рука его, точно отдѣленная отъ туловища и послушная давнишней привычкѣ, старалась высвободиться сама собою,

чтобы, по всему вѣроятію, освидѣтельствовать пульсъ разстроенной женщины, гдѣ непремѣнно должна была заключаться тайна непостижимыхъ слезъ. Всякій торопится объяснить по своему, отъ чего люди плачутъ и смѣются; у всякаго есть своя особенная, любимая и единственная причина, которой приписываетъ онъ всѣ разнообразныя явленія на человѣческомъ лицѣ: одинъ деньгамъ, другой душѣ, третій пульсу.

Первое движеніе Графини было искренно; первый взрывъ сердца, размученнаго любопытствомъ и оскорбленнаго явной холодностью, разорвалъ эти оковы, которыя такъ пристойно, но вмѣстѣ и такъ насильственно, связываютъ женскія уста, сдерживаютъ шаги. Далеко отъ нарядной залы, отъ вычурной образованности, въ комнатѣ, назначенной, кажется, для первобытныхъ изліяній души, Графиня стояла

во всей простотѣ неутѣшной печали; она смотрѣла на доктора сквозь свои крупныя слезы, сжимала ему руки и безпрестанно спрашивала:

— Кто онъ? кто онъ? объясните мнѣ его.

Врачъ тѣла силился составить изъ своихъ словъ рецептъ для взволнованной души и все просилъ Графиню, чтобъ она успокоилась, но на нее не дѣйствовали уже лекарства увѣщаній.

— Докторъ, мой лучшій другъ, не смѣйтесь надо мной,—продолжала она, чуть, чуть проводя тремя бѣлыми, тонкими, прозрачными пальцами по своему лбу. Голова ея тихо наклонилась назадъ; тихо изъ полу-открытыхъ губъ вылетало судорожное дыханіе; утомленныя вѣки опали, и черныя, длинныя рѣсницы кинули отъ себя тѣнь. Въ

этомъ чудномъ забытьи, въ этомъ обольстительномъ изнеможеніи, усыпленная тишиной, полусвѣтомъ:—Я несчастна, истинно несчастна—сказала она и дерзкимъ и робкимъ шопотомъ, потомъ встрепенулась, потомъ отскочила отъ доктора, бросилась въ волтеровскія кресла и закрыла лицо руками. Слезы такъ и закапали на розовый шарфъ.

Положеніе ея друга становилось затруднительно и жалко!.. Женщина въ минуту искренности, въ страстную минуту, обращалась къ нему, какъ къ мертвому камню, какъ къ человѣку, который не долженъ имѣть ни своихъ мыслей, ни своихъ желаній. Она спряталась съ нимъ ото-всѣхъ только за тѣмъ, чтобъ онъ слушалъ ее, или говорилъ ей о другомъ, она требовала отъ него машинальнаго слуха или машинальнаго языка, она зачеркивала его

собственное существованіе, какъ Наполеонъ зачеркивалъ Бурьеня, когда разговаривалъ съ нимъ, или лучше съ собою, о своихъ баснословныхъ замыслахъ! . . Несчастіе быть другомъ! . . горькое положеніе быть повѣреннымъ Наполеона и двадцатилѣтней вдовы! . . Докторъ млѣлъ на мѣстѣ, смотрѣлъ на слезы и, казалось, не понималъ ихъ: жаркія слезы всепожирающаго самолюбія такъ похожи на теплыя слезы любви.

«Оставьте его, Графиня, не думайте о немъ».

—Отъ чего? отъ чего?—спросила она поднимаясь изъ креселъ, и глаза ея высохли разомъ. Докторъ молчалъ, шершилъ по ковру правой ногою и разглядывалъ носокъ своего сапога.

—Это не женская причуда, спасите меня. . . . Докторъ, мой милый докторъ,

я была за-мужемъ, но я чувствую. . . Боже мой, да что же это за непостижимый человѣкъ! —

Тутъ Графиня пересказала въ несвязныхъ отрывкахъ свое знакомство съ Левинымъ, но подробно, свѣжо и ясно обрисовывала всѣ его странности — странности, которыя нѣсколько дней назадъ она умѣла еще толковать въ свою пользу, и которыя теперь, вдругъ, представились ей во всей наготѣ убійственнаго, отчаяннаго смысла. Не имѣя силы признаться себѣ, что некому ей помочь, она жаловалась, тосковала, досадовала, просила, — точно докторъ былъ одаренъ этимъ баснословнымъ всемогуществомъ, какого требуетъ отъ васъ женщина, когда приходитъ къ вамъ съ своимъ горемъ. Впрочемъ, его пристальная задумчивость, важность осанки дѣйствительно внушали такое мнѣніе и могли поддерживать женскую

мечту. Узнавъ, что Графиня не больна, что ея разстройство происходитъ не отъ физической причины, онъ пересталъ суетиться и затихъ;—однако же все участіе, къ какому можетъ привыкнуть лицо, посвященное съ раннихъ лѣтъ на угожденіе другимъ, настроиваемое каждый день подъ ладъ чужой болѣзни, вѣжливая внимательность и проблескъ глубокой, печальной думы,— все это выражалось въ особѣ доктора, все показывало, что онъ слушалъ неравнодушно, — только иногда, изрѣдка, легкій стукъ его ногтей о табакерку, — признакъ внутренняго, невольнаго спокойствія, признакъ подспудной гордости, съ какой мы встрѣчаемъ чужую бѣду,—нарушалъ нѣсколько стройность его наружности, и противорѣчилъ видимому сліянію его души съ душею Графини. Наконецъ она назвала колдунью. Нетерпѣнье такъ и замелькало въ ея глазахъ, вопросы такъ и посы-

пались одинъ за однимъ; но едва мучительныя слова: «гробъ и ужасное письмо» сорвались у нея съ языка, едва она потребовала ключа къ этой загадкѣ, какъ лицо доктора вспыхнуло. Женская ли искренность, похожая на ласки ребенка растрогала его до дна, или страшное воспоминаніе явилось передъ нимъ въ живомъ образѣ? Онъ вышелъ изъ своего раздумья, онъ былъ уже не холодный врачъ съ полезными совѣтами, съ притупленными чувствами и съ вѣчной діэтой, — нѣтъ, его умныя, важныя черты, клоки его сѣрыхъ волосъ получили другое значеніе.

«Ахъ, Графиня, о чемъ вы спрашиваете у меня? это длинная исторія страданій съ небывалой развязкой!.. Какъ мнѣ отвѣчать вамъ? Что значитъ, если я скажу два, три слова? они не удовлетворятъ вполнѣ вашего любопытства, вамъ не льзя будетъ по-

нятъ всего ихъ ужаснаго смысла? — Что значитъ, если я скажу: такой-то умеръ? похоже-ли это выраженіе на самое дѣло, подѣйствуетъ ли оно на васъ? Надо стоять у кровати умирающаго и слѣдить всѣ приготовленія къ смерти.»

Докторъ бросился поднимать цвѣты, которые уронила Графиня.

— Ахъ, ради Бога, скажите все, я рада васъ слушать,—говорила она тоскующимъ голосомъ, падая опять на спинку креселъ, и этимъ движеніемъ раскидывая живописно свои газовыя вуали. Она искала мѣста попокойнѣе, какъ въ душную лѣтнюю ночь ищешь на постели мѣста похолоднѣе.—Пощадите меня, не заставляйте доказывать, что я приступаю къ вамъ не изъ пустаго любопытства. Я не могу жить, не объяснивъ себѣ его. Докторъ! я не

выпущу васъ отсюда, разскажите мнѣ все, что онъ думалъ, чувствовалъ, все что съ нимъ было.

«Послушайте, Графиня, отвѣчалъ докторъ, смотря на нея съ умиленіемъ, вы такъ молоды, что я боюсь произвесть на васъ впечатлѣніе, которое будетъ совершенной новостью для вашего сердца. Иныя мысли, чувства и мученья грѣхъ передавать такой женщинѣ, какъ вы.»

— Я не ребенокъ,—сказала Графиня полу-улыбаясь.

«Потомъ, я не знаю, имѣю-ли право располагать чужою тайной. . .»

— Я думаю,—перервала Графиня, и проворно выпрямилась,—вы должны вѣрить, что я не измѣню вамъ, если я вѣрю, что вы не измѣните мнѣ.

Докторъ сѣлъ.

— Я встрѣтила человѣка занимательнаго... меня терзаютъ имъ... Я желаю знать обстоятельства, которыя довели его до такого страннаго состоянія, и прошу васъ... вотъ все... Не заботьтесь обо мнѣ и не думайте утомить моего вниманія. Я не пойду въ залу, тамъ и жарко и несносно. Вы не танцуете, до ужина долго.

Послѣднее убѣжденіе, казалось, сильно подѣйствовало на доктора. Графиня сидѣла на самомъ краю креселъ и не спускала съ него глазъ, а онъ смотрѣлъ въ полъ и нюхалъ табакъ. Тонкій лучъ, отблескъ отъ милліона лучей, проскользнувъ сквозь неплотно-притворенныя двери, свѣтился одинокій тамъ на узорахъ темнаго ковра, тамъ на позолотѣ зеркала. Отголосокъ громкой музыки, слабый, унылый, от-

давался въ этой мрачной и злобной комнатѣ, гдѣ приготовлялись анатомическимъ ножемъ слова вскрывать чужую душу, гдѣ хотѣли добраться до всего, что есть привлекательнаго въ чужомъ несчастіи, гдѣ копился какой-то заговоръ противъ живаго свѣта, одушевленныхъ звуковъ и безпечной веселости.

«Но, Графиня, какъ же мазурка?» спросилъ докторъ, поднимая вдругъ голову.

— Ахъ, Боже мой, я не хочу танцовать.

«Но вашъ дядюшка?

— Онъ подумаетъ, что я уѣхала.

«Вы знаете одно изъ обстоятельствъ его жизни и, вѣроятно догадываетесь, что значитъ гробъ на языкѣ колдуньи.»

Графиня облокотилась и, горизонтально наклонивъ лицо, прилегла щекой къ ладони. Докторъ помѣстился въ креслахъ какъ можно удобнѣе, приложилъ ко лбу конецъ своей продолговатой табакерки, нахмурился и продолжалъ:

«Но ея другое слово!.. не могу постигнуть, почему извѣстно ей существованіе этого письма!.. Кто она!.. что за чудесная женщина!.. Какимъ образомъ удалось ей проникнуть въ самую страшную глубину семейной жизни и подглядѣть эту невиданную сцену, у которой не было свидѣтелей, кромѣ тусклой лампады, да образа Спасителя!.. ахъ, Графиня, зачѣмъ оставили вы веселую залу, прекрасное общество и мѣсто вашего торжества?.. Грѣхъ вамъ, если вы заставляете меня говорить изъ угожденія минутной досадѣ, минутному любопытству!..»

—Вы не умѣете цѣнить моей откровенности, вы не понимаете меня, докторъ, сказала Графиня самымъ кроткимъ голосомъ, не отводя глазъ отъ своего собесѣдника и, въ знакъ нѣжнаго упрека, тихо качая на рукѣ наклоненную голову.

« О, не сѣтуйте на меня, возразилъ докторъ, обхвативъ табакерку обѣими руками и прикладывая къ подбородку. Я хотѣлъ только еще болѣе увѣриться, что мою нескромность можно извинить важностью побудительной причины, и только намекнуть вамъ на это благоговѣніе, какимъ желалъ бы окружить мой разсказъ. Вы услышите страданья истинныя, никому ненужныя и никѣмъ не заслуженныя; изъ нихъ ничего не слѣдуетъ, они ничего не доказываютъ, но по крайней мѣрѣ теперь, въ первый и послѣдній разъ, годятся на что нибудь, по крайней мѣ-

рѣ покажутъ вамъ одного изъ самыхъ привлекательныхъ людей въ такомъ видѣ, что, какъ бы ни было сильно впечатлѣніе, произведенное имъ, вы вѣрно оставите его на произволъ этого дикаго чувства, противъ котораго нѣтъ оружія, этой душевной пустоты, которую не льзя наполнить ни вашей красотой, ни вашимъ умомъ, ни вашей любезностью.»

Графиня пошевелилась, опустила глаза и выдернула изъ-подъ локтя конецъ вуаля.

«Да, онъ еще ходитъ тамъ, говоритъ, смотритъ; сочувствіе ко всему, что дѣлается около, замѣтно на его лицѣ, въ рѣчахъ, въ тѣлодвиженіяхъ; но это уже одна привычка, это отчаянье, которое даже и не ропщетъ, это послушаніе актера, который долженъ же доиграть и лишнее дѣйствіе драмы. Не думайте одкако, что на ва-

шемъ великолѣпномъ маскарадѣ вы видѣли жертву сердечныхъ порывовъ, помраченнаго разсудка, необузданныхъ страстей, и что онъ купилъ мертвую тишину души самыми сладкими бурями. Конечно, возлѣ веселыхъ лицъ и блестящихъ нарядовъ, если всмотрѣться въ его романическія черты, въ ихъ однообразное, мечтательное и болѣзненное выраженіе, то придутъ въ голову пылкія заблужденья первой молодости, неизбѣжное разочарованье; невольно скажешь: «а, тутъ кроется какое нибудь раскаянье, какой нибудь упрекъ самому себѣ!» Нѣтъ, ему не въ чемъ упрекать себя. Никогда разсудокъ не уступалъ у него сердцу; никогда его скромное чувство не выходило изъ предѣловъ этой мирной земли, на которой онъ родился, и блѣднаго неба, на которое доженъ глядѣть. Такое качество не обольщаетъ женскаго воображенья; но я хочу говорить вамъ одну горькую правду.

«Вы не жили тогда въ Москвѣ, какъ онъ, воротясь изъ чужихъ краевъ, появился въ свѣтъ. Что̀ теперь!.. онъ не узнаваемъ!.. но въ то время!.. трудно было придумать, чѣмъ судьба могла бы еще надѣлить своего любимца!.. Огромное богатство, имя, двадцать два года, тщательное воспитанье, просвѣщенный умъ, и присоедините къ этому нравственную чистоту, непорочность сердца! Онъ не имѣлъ случая прикоснуться къ жизни съ той ея стороны, которая пятнаетъ человѣка, не имѣлъ надобности выучиться житейской изворотливости, выгнать изъ головы всякое собственное мнѣніе, чтобъ вѣжливо уступить мѣсто мнѣніямъ другихъ и у другихъ испрашивать безпрестанно то покровительства, то совѣтовъ, то позволенія существовать. На немъ не лежало ярмо свѣтскаго подданства. Онъ не протягивалъ руки, чтобъ задобрить, и не улыбался, чтобъ

угодить. Свѣтъ чувствуетъ тотчасъ независимаго человѣка и торопится льстить тому, кого не въ силахъ унизить до льстеца. О, какъ свѣтъ принялъ его!.. Но Левинъ не былъ сотворенъ, чтобъ увлечься вихремъ минутныхъ впечатлѣній и удовольствоваться пищей, предлагаемой одному тщеславію. Онъ смиренно отказывался отъ первой роли на паркетѣ, прятался за другихъ и не старался выставлять своихъ блистательныхъ преимуществъ. Вы напрасно искали-бъ въ немъ этого самолюбія юноши, которое легко утѣшить, и воображенья, которое легко подстрекнуть. Нѣжный цвѣтъ лица, свѣтлые взляды — вотъ гдѣ была его молодость; но мысль, плодъ уже не опыта въ наше время, а разума,—предупредила и отгадала всю степенность старости. Въ то время, какъ все кружилось передъ нимъ, кто былъ счастливъ своимъ нарядомъ, кто улыбкой, кто радовался,

что свѣтло и шумно — въ то время Левинъ задавалъ себѣ вопросъ: чѣмъ же наполнить эту жизнь, какого рода дѣятельностью, какимъ занятіемъ, какую выбрать цѣль?

«Его не терзали эти желанья, требованья, замыслы, несоразмѣрные съ способностями, полученными отъ природы, — отличительная черта нашего вѣка, — слѣды, оставленные, можетъ быть, Наполеономъ и Байрономъ; онъ не испытывалъ на себѣ этого стремленья къ какому-то безъименному и невообразимому подвигу; не страдалъ отъ этой тоски, отъ этого сброда мыслей, нахватанныхъ отвсюду, растеній не по нашему климату и не изъ нашей почвы, мыслей безъ корня и безъ плода. Наконецъ, не чувствовалъ призванья быть орудіемъ невидимой силы, дѣйствовать въ большихъ размѣрахъ, или запереться уединенно въ ка-

бинетѣ и пойти въ мученики къ какой нибудь плодотворной идеи, а пожертвовать собою темному, пошлому труду, и цѣлый вѣкъ утѣшаться тѣмъ, что, подобно муравью, тащитъ песчинку на зданіе общественнаго блага: — вы можете представить, способенъ ли былъ на это богатый эгоистъ девятнадцатаго столѣтія? Измѣривъ силы своего ума и своей души съ холодностью посторонняго наблюдателя, онъ сталъ въ разрядъ людей обыкновенныхъ; но, не смотря на свое безпристрастье, по странности человѣческой, все-таки считалъ себя центромъ въ кругу другихъ, отъискивалъ такого поприща, гдѣ-бъ всѣ лучи жизни соединялись въ немъ одномъ и, если не имѣлъ притязаній на удивленіе, на славу, то глубоко презиралъ должность полезной, добродѣтельной жертвы. — Что же предстояло ему, ему, кто отказывался отъ всякаго вліянія на людей, не мечталъ

переиначить жизнь, а хотѣлъ принять ее такою, какъ она есть?.. свѣтъ?.. общество?.. но тамъ не нашелъ онъ ничего по себѣ, ничего, что можетъ сократить длинный день и длинный вѣкъ; что тревожитъ, тѣшитъ и безпрестанно двигаетъ умъ, — ни малѣйшей потребности жить вообще, жить вмѣстѣ. Тамъ, ему казалось, не доставало основной связи, которая въ состояніи бы прикрѣпить его къ заботамъ и наслажденіямъ гостиныхъ; не было такой же чувствительности къ переворотамъ мысли, какъ къ измѣненіямъ моды; всѣ сходились безъ надежды услышать что-нибудь, расходились безъ желанья встрѣтиться; никто никого не ждалъ, никто никому ничего не передавалъ; мысль и человѣкъ не оставляли слѣда, не возбуждали любопытства; кого кѣмъ ни замѣни — все было равно, и на всякаго налагалось только единственное условіе—занять въ

комнатѣ извѣстное пространство. Механическое сцѣпленье, фосфоръ, который сіяетъ, а не грѣетъ: — тутъ нечѣмъ наполнить жизни, не льзя забыться на-долго; тутъ Левинъ не встрѣтилъ единодушія забавъ, восторговъ, негодованья, мнѣній, ни этой общественной симпатіи, которая соединяетъ людей въ тѣсный кружокъ, отгадываетъ ихъ просвѣщенныя требованія и даетъ смыслъ ихъ бесѣдѣ, ни бѣглыхъ, неистощимыхъ вопросовъ, которые затрогиваютъ самые нѣжные изгибы сердца, ежеминутно и мрутъ и оживаютъ и обновляютъ голову, ни вѣрованій, ни убѣжденій, словомъ, — воротясь домой, онъ не находилъ въ себѣ ни одного отрывка отъ мысли, ни одного намека на чувство, въ чемъ бы принять участіе, надъ чѣмъ бы задуматься, съ чѣмъ бы прожить нѣсколько часовъ... суета внѣшняя безъ суеты внутренней, роскошь для глазъ безъ

роскоши для души... никакой связи у прошлаго дня съ будущимъ, никакого воспоминанія... съ разъѣздомъ кончалось все... Часто въ такія минуты онъ кидался при мнѣ въ кресла, голова утомлена отъ праздности, сердце пусто, только ноги устали. Простите меня, Графиня, это мнѣнія не мои, а его. Свѣтъ показался ему такимъ, когда васъ еще не было въ свѣтѣ».

— Продолжайте, продолжайте—сказала Графиня. Она наклонила уже голову на спинку креселъ и начинала поглядывать то на этрусскую лампу, то на шкуру барса. Докторъ продолжалъ:

«Тяжелое чувство одиночества овладѣло имъ, припадокъ страннаго сумасшествія терзалъ его душу. Въ многолюдныхъ залахъ и гостиныхъ ему все представлялось, что онъ на единѣ съ самимъ собою. Ни прелестный нарядъ,

ни милое слово не могли оживить несчастнаго взгляда, который повсюду искалъ смысла, значенія, симпатіи. Это была его первая мука. Онъ ходилъ по огромнымъ комнатамъ, посреди шума, блеска; около него такая толпа, такъ всѣ блистательны, такъ легко-ловки, такъ скучно-заняты; ходилъ и не зналъ что̀ дѣлать; говорить — о чемъ и съ кѣмъ? танцовать, — для чего? играть въ карты,—не нужно выиграть. Левинъ бѣжалъ изъ свѣта. Но куда? гдѣ найти занятіе для своего безполезнаго существованія, для своего надменнаго эгоизма? гдѣ потонуть въ безднѣ впечатлѣній, чтобъ до конца не опомниться ни на минуту? въ какомъ углу вымучить у жизни эту цѣль, которая-бъ могла осѣтить страстный умъ и разсуждающее сердце?—Онъ спустился ниже, сошелъ съ верхнихъ ступеней общества. Изящныя формы требуютъ покоя: заставьте древнюю статую двигаться,—она не будетъ такъ хороша.

Левинъ объяснилъ себѣ необходимость того, что видѣлъ, и бросился отъискивать задушевныхъ бесѣдъ. Тутъ-то горячія мысли, тутъ-то безпрерывное движеніе. Онъ кинулся на улицу: тамъ, по крайней мѣрѣ, кипѣнье общественности, безпрестанный приливъ новыхъ предметовъ, новыхъ картинъ, тамъ жизнь имѣетъ смыслъ, тамъ жить значитъ — глядѣть. Но въ пылкихъ бесѣдахъ, въ дружескихъ объятіяхъ, безвкусіе—это была искренность; крикъ—это было убѣжденіе; все хорошо или все дурно — это была мысль. На улицѣ каждый день все таже карета, на бульварѣ все тоже лицо. Повсюду спокойствіе мудрости, однообразіе счастія. Самый порокъ представлялся съ такою грубостью порока, что отнималъ даже возможность не быть добродѣтельнымъ. Вы воображаете, Графиня, до какого состоянія этотъ странный взглядъ на людей довелъ причудливую душу Ле-

вина. Онъ не зналъ, что ему дѣлать съ своими деньгами, куда преклонить голову; съ ужасомъ смотрѣлъ какъ скитались передъ нимъ несчастныя жертвы праздности, тщеславія и немощи; съ ужасомъ думалъ, что и ему придется стать въ этотъ горькій, заброшенный разрядъ, что и мимо его всякій пойдетъ своей дорогой, какъ бы онъ ни улыбался отъ зависти и ни язвилъ отъ тоски. Да, Графиня, лѣнивые глаза, въ которыхъ умираетъ вчерашняя мысль, звонкія слова, которыхъ никто не слушаетъ—вотъ что особенно пугало моего друга; создать же себѣ натянутую дѣятельность, увѣрить себя, что его сердце бьется горячо при чтеніи иностранныхъ газетъ,—этого онъ не умѣлъ, и этого ему было мало. Онъ пересталъ сближаться съ людьми, не искалъ общества, его квартира производила впечатлѣніе пустоты, нежилаго дома: письменный столъ, ковры, диваны показы-

вали присутствіе человѣка, но эти ковры — точно по нимъ никто не ходитъ, эти диваны — точно на нихъ никто не сидитъ. Ни одного угла, ни одного мѣста, про которое-бъ можно сказать: здѣсь онъ трудился, здѣсь думалъ, здѣсь отдыхалъ; все въ мертвомъ однообразіи, все прибрано, все чисто, все приготовлено для жизни—и ничто не согрѣто жизнію. Наконецъ онъ разрѣшилъ задачу своего существованія и отыскалъ эту цѣль, которая не представилась ему съ перваго раза сама собою. Трудно описать одушевленіе, въ какомъ я однажды нашелъ Левина; смотря на него теперь, вы не повѣрите, что онъ былъ когда-то способенъ воспламениться отъ математическихъ выводовъ ума и отъ надежды на будущее. Бывало я ѣздилъ къ нему каждый день, и онъ встрѣчалъ меня вѣчно въ одномъ и томъ же положеніи, такъ равнодушно, такъ сухо, какъ только позволяютъ встрѣчать безпре-

станныя свиданья и искренняя дружба. Въ усыпленіи, лежа на креслахъ, онъ тихо повертывалъ ко мнѣ голову, протягивалъ руку... а, здравствуйте, садитесь, хотите трубку или сигару?— это было всегдашнее начало нашего разговора. Я уже заранѣе зналъ, что̀ онъ мнѣ скажетъ, и мой слухъ такъ привыкъ тогда къ этимъ звукамъ!.. Въ извѣстное время дня они были уже мнѣ какъ-то нужны, необходимы. Я зналъ, что у него не найду ничего новаго, но и съ собою не могъ ничего принести къ нему. Все, что казалось мнѣ новымъ за его дверьми, что оживляло мою походку, когда я подходилъ къ его кабинету, новая книга, новая свадьба, чудесное выздоровленіе больнаго,—всѣ эти наши дневныя мелочи—замирали у меня на языкѣ, едва я переступалъ порогъ. Не льзя было никакъ показаться съ ними на глаза къ нему. — Отъ него вѣяло этимъ

холодомъ, въ которомъ есть какое-то пугающее величіе, этой тоской, которую не смѣешь забавлять. Но, однажды, отворяю я дверь, чувствую, что выраженіе моего лица становится важнѣе, шаги медленнѣе, вхожу... Судите о моемъ удивленіи... Онъ вскакиваетъ и, не взглянувъ на меня, начинаетъ быстро ходить изъ угла въ уголъ. Я остолбенѣлъ. Слова у него такъ и полились, какъ будто онъ только дожидался чьего нибудь появленія, чтобъ имѣть возможность выговорить вслухъ, чтобъ вслухъ убѣдиться въ томъ, въ чемъ убѣдился про себя. «Докторъ» сказалъ онъ мнѣ «чего я добивался, чего искалъ? разсѣянья, жару, волненій; но все это должно наскучить, и отъ этого рано или поздно притупляется душа!.. потомъ, за чѣмъ я буду требовать у жизни чего она не можетъ выполнить, и не воспользуюсь тѣмъ, что она предлагаетъ? Ея не не-

редѣлаешь, надо ей покориться. Въ самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ ея, въ самыхъ пошлыхъ дѣйствіяхъ человѣка таится средство просуществовать свой вѣкъ. Общество, люди не отвѣчаютъ мечтѣ, какую я создалъ о нихъ— съ ними нечего дѣлать; надобно же поставить себя въ такое положеніе, чтобъ не кидаться къ нимъ въ объятія измученному тоской одиночества, чтобъ не ломать себѣ головы какъ провести вечеръ, убить время, чтобъ не нужно было мнѣ подходить къ кому нибудь съ несносной жаждой теплаго чувства и свѣжей мысли. Посмотрите, какъ этотъ свѣтъ покажется милъ, эти люди привлекательны, если только устроить себя такимъ образомъ, что не будешь приносить къ нимъ на разрѣшеніе ни одного важнаго, дѣльнаго вопроса. Удовлетворите какъ нибудь безъ нихъ глубокимъ требованіямъ своего сердца, являйтесь къ нимъ

только въ забавныя, въ ничтожныя минуты вашего дня, и они представятся вамъ въ самомъ обольстительномъ видѣ. Да, свѣтъ—это шутка, нарядныя куклы, съ которыми ребенокъ весело играетъ въ гости, когда есть у него колѣна матери, гдѣ онъ можетъ отогрѣться. Докторъ, здѣсь надо жениться, нѣтъ другаго спасенія; чувство, производимое на душу любимой женщиной, должно быть успокоительно и полно. Семья — я вижу тутъ безконечную дѣятельность для души, самое пріятное занятіе уму, это заботы естественныя, наслажденья независимыя, это вѣчность на землѣ ». Женидьба сдѣлалась его любимымъ разговоромъ. Каждый день онъ повторялъ мнѣ, какъ учредитъ свою жизнь, какимъ образомъ отдѣлаетъ домъ, меблируетъ комнаты и по этому случаю входилъ уже мысленно въ безчисленныя издержки. Часто предавался размышленіямъ о ти-

шинѣ, о ласковомъ взорѣ жены, объ ихъ семейномъ утрѣ, объ уединенныхъ вечерахъ.... Въ первый разъ мечтанія человѣческія показались мнѣ такъ отчетливы, такъ дѣльны... Все чего онъ ждалъ, что предугадывалъ были вещи исполнимыя... Иногда ему ничего не нужно было для полнаго счастія, кромѣ одного взгляда, или пожатія руки. «У этихъ дверей» говаривалъ онъ «послышится мнѣ тихій шорохъ женской поступи, эту дверь отворитъ она, подойдетъ къ моимъ кресламъ, возьметъ мою руку и сожметъ такъ нѣжно...» румянецъ выступалъ у него на щекахъ при этой мысли, а я, отуманенный огромностью издержекъ, сидѣлъ — бывало и соображалъ молча чего это будетъ стоить...

Графиня улыбнулась.

«Однажды, на канунѣ новаго года,

мы были оба въ собраньи. Свѣтъ, шумъ и какая-то особенная торжественность этого Московскаго вечера нравились мнѣ чрезвычайно, только тѣснота непроходимая!.. особенно же тѣснились всѣ у балюстрада, который, вы знаете, при входѣ въ залу на лѣво. Тутъ каждому хотѣлось и танцовать и стоять. Всякой, по мѣрѣ силъ впутывался тутъ съ своею дамой, въ кадриль, и вы съ трудомъ бы объяснили себѣ это общее стремленіе на одинъ пунктъ, еслибъ не знали за людьми ихъ вѣчной страсти дѣлиться, размежевываться. Почему-то пришло же многимъ въ голову, что быть у балюстрада значитъ имѣть хорошій вкусъ, принадлежать къ хорошему обществу, что балюстрадъ есть аристократія залы. И въ самомъ дѣлѣ, все что блистало именемъ, красотой, нарядомъ, или какой нибудь свѣтской извѣстностью, все сосредоточивалось на этомъ заколдован-

номъ мѣстѣ. Тутъ стоялъ Левинъ; тутъ стоялъ, Богъ знаетъ за чѣмъ, и я. Нужный только въ полуосвѣщенной комнатѣ, гдѣ ходятъ на цыпочкахъ, говорятъ шопотомъ, я былъ совершенно лишній, но мой сосѣдъ, но человѣкъ рядомъ со мною... о, невидимая сила, магнитная связь приводили его въ таинственное сношеніе съ каждымъ предметомъ, который попадался на глаза, съ каждымъ сердцемъ, которое еще билось. Онъ былъ центромъ, куда сходились лучи со всѣхъ четырехъ сторонъ. Знакомые и незнакомые, кто ни пройдетъ, кто ни остановится, тотъ завтра ему другъ, тотъ завтра родня. Я стоялъ возлѣ; но бриллiянты, цвѣты, газъ — всѣ сокровища роскоши и лица, показывались ему одному, какъ будто онъ одинъ въ этой безчисленной толпѣ умѣлъ оцѣнить и яркость драгоцѣннаго камня и запахъ букета, какъ будто судьба надѣлила его такой

обширной чувствительностью, что ея стало бы на дружбу и любовь цѣлаго свѣта. Не мелькнуло передо мной взгляда, который миновалъ бы его, не было руки, которая, казалось, не упала бы ласково въ его руку. Уничтоженный такимъ сосѣдствомъ, я изчезъ въ безднѣ чужаго могущества: я смотрѣлъ, желалъ, надѣялся за него, за одно съ нимъ. Да, моя душа, изъ участія, изъ жажды дѣятельности, изъ желанія увѣриться, что и она живетъ, переселилась въ душу другаго.

«Не повѣрите же, сколько надменности примѣшалось тутъ къ понятіямъ вашего доктора, который, иначе, безъ дружескаго сочувствія, былъ бы осужденъ на самое убійственное бездѣйствіе въ этомъ шуму, гдѣ всѣ ходили, говорили, танцовали, и никто не занемогалъ. Я съ участіемъ разглядывалъ всѣхъ и не пугался ни чьего величія.

Тихій нравъ, обнаруженный въ чертахъ, увлекательная красота, блескъ воспитанія, эти различныя пророчества о счастіи, эти обѣщанья совершеннаго благополучія, разсѣянныя кругомъ насъ въ улыбкѣ, во взглядѣ, въ словахъ — все было наше, на все судьба давала право выбора моему другу. Гдѣ-же, думалъ я, въ какомъ углу этой залы таится существо, которое поможетъ ему возобновить дружелюбныя сношенія съ людьми и объяснитъ за чѣмъ мы двигаемся и о чемъ хлопочемъ.

Передъ нимъ открыто было все пространство паркета, онъ могъ не стѣсняться аристократическимъ уголкомъ: его сердце не пугалось неизвѣстности или нищеты, этихъ отъявленныхъ пороковъ нашего вѣка, и его состоянье позволяло ему не думать, что у него будутъ жена и дѣти. — Завидная возможность выбрать подругу по прихо-

ти минуты, по вліянію самой чистой, самой безкорыстной, самой свободной мысли, выбрать на томъ или на другомъ концѣ огромной залы! . . Мнѣ приходила въ голову отдаленная кадриль, кадриль безъ именъ, и тамъ какая нибудь пріѣзжая изъ неслыханной части Россіи, ослѣпленная свѣтомъ, оглушенная, робкая, бѣдная и подавленная внезапнымъ великолѣпіемъ . . . если передъ ней явится онъ . . . вдругъ Левинъ дотронулся до меня лорнетомъ и спросилъ: «Кто это?. . .» Я взглянулъ по направленію его глазъ. Что сказать вамъ объ этомъ мгновеніи, гдѣ отъ нечаяннаго поворота взгляда рѣшались дни, годы, полная судьба человѣка, такъ прекрасно сотвореннаго и всѣ важные вопросы, отъ которыхъ онъ блѣднѣлъ и худѣлъ въ безсонныя ночи. Что́ сказать вамъ объ этомъ миломъ, непостижимо-заманчивомъ твореніи? . . Я не могу вспомнить ее тутъ, въ со-

браньи, въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась мнѣ и не забыть тотчасъ всякую непріязнь, негодованіе, ожесточеніе, эти конечные выводы изъ долгой жизни. Такъ много она внушала благоговѣнія къ женщинѣ и примиренія съ человѣчествомъ. Вы, Графиня, обречены на балѣ безпрерывному движенью, вы не оставались въ покоѣ ни на минуту, но вѣрно взглядывали иногда съ участіемъ на тѣхъ, кто не танцовалъ.

Все танцовало, она нѣтъ. Одно это обстоятельство какъ-то располагало къ ней душу. Около нея не было никого, никого изъ блистательныхъ кавалеровъ, которые обыкновенно служатъ рамкой признанной красотѣ или порукой за другія болѣе существенныя преимущества; однако я не замѣтилъ въ ней ни тоски, ни разсѣянныхъ взглядовъ, гдѣ обнаруживается нестерпимое желанье,

чтобъ подошелъ кто нибудь. Не смотря на свою молодость, она, казалось, въ многолюдствѣ училась уединенію, не роптала на свѣтъ и не просила ни мѣста въ его весельи, ни слова отъ его разговоровъ.

Она представилась мнѣ какой-то жертвой, которую всѣ забывали, всѣ угнетали, но которая всѣмъ прощала, потому что изъ угнетеній образовалась ея независимость.

Черты ея такъ и отдѣлялись отъ озабоченныхъ и торжествующихъ лицъ. Она стояла передъ нами, возлѣ балюстрада; пальцы одной ея руки едва прикасались къ нему, немного румянца оживляло блѣдныя щеки, бѣлый розанъ былъ приколонъ на головѣ, и ничего слишкомъ замѣтнаго, слишкомъ поразительнаго; но чѣмъ болѣе я всматривался въ нея, тѣмъ несноснѣе ста-

новилась мнѣ толпа, тѣмъ невыносимѣе шумъ и безполезнѣе танцы. Въ ея скромныхъ, спокойныхъ глазахъ было много чего-то другаго, чего-то похожаго на тихій свѣтъ лампады, у которой одно назначеніе освѣтить пріютъ молитвы. Нѣжное сложеніе, какая-то непрочность тѣла заставляли слѣдовать за всѣми ея движеньями, бояться, что она пострадаетъ отъ перваго впечатлѣнія, покорится всякому вліянію, а между тѣмъ, тутъ-же, на этомъ-же лицѣ вы видѣли выраженіе непостижимой силы. Ничто, казалось, не обольщало ни ея слуха, ни зрѣнія и не могло разстроить ея особеннаго мира.»

— Какъ я рада слушать васъ; вы разсказываете мнѣ свою собственную исторію, — замѣтила Графиня, — я понимаю; вы влюбились въ нее.

«Признаюсь, не будь я въ совер-

шенномъ рабствѣ у дружбы, не привыкни къ роли зрителя, то въ ея присутствіи не мудрено бы позавидовать, что есть люди, которые сотворены не за тѣмъ только, чтобъ лечить другихъ. Но оставимте меня. Съ большимъ трудомъ нашелъ я кого-то, кто назвалъ мнѣ ее: такъ мало она была извѣстна. Вы конечно, по моимъ словамъ, можете предполагать теперь, что я довелъ васъ до развитія страсти и хочу описать горячку любви, безразсудный шагъ, сдѣланный въ минуту головокруженія. Нѣтъ, Левинъ не вѣрилъ внезапному чувству, онъ былъ какъ-то неспособенъ послушаться перваго движенія и ошибиться съ отчаянья, отъ нечего дѣлать. Долго, долго онъ узнавалъ ее; наконецъ началъ ѣздить къ нимъ въ домъ, привыкалъ къ ней и пріучалъ ее къ себѣ. Всѣ были приняты мѣры противъ злоупотребленій своего сердца и противъ чужой неискренности. Не-

довѣрчивость ли къ собственнымъ достоинствамъ, или недовѣрчивость къ женщинѣ безъ всякаго состоянія, только, божусь вамъ, его медленная, подробная наблюдательность выводила меня изъ терпѣнія. Я давно уже зналъ, что онъ нравится ей, а она ему, и не могъ простить этого неисповѣдимаго благоразумія. Какъ-то непріятно было видѣть, что богатство съ такой заботливостью оберегаетъ себя отъ бѣдности. Впрочемъ ни разу не слыхалъ я отъ него никакихъ сомнѣній: тутъ и только тутъ онъ не былъ со мной откровененъ. — Да и что могъ онъ сказать противъ этого очаровательнаго, нравственнаго существа?—если и у нея на днѣ сердца было мѣсто, куда не доходитъ ни чей взглядъ, ни чья мысль, ни чье чувство, а гдѣ слышится только звукъ всякаго золота, то видно это ужь было необходимое условіе жизни, такое преступленіе, въ которомъ

и подозрѣвать не должно. Онъ женился.

«Часто мы говоримъ себѣ: это мечта, и вооружаемся разсудкомъ противъ ея соблазновъ, но, употребляя такое выраженіе, не думаемъ, что заглушаемъ зависть и тѣшимъ свою гордость; мы не хотимъ признаться, что мечты нѣтъ: всякая мечта есть существенность для кого нибудь. Что̀ я видѣлъ? чему я былъ свидѣтель? Мои глаза, мои уши, мое сердце полны еще благодѣтельныхъ впечатлѣній мирнаго счастія. Эта правильная жизнь, которую всѣми силами творитъ нашъ вѣкъ, эта жизнь была устроена такъ просто, что поражала своей обыкновенностью... никакихъ чудесъ, питателныхъ для страстнаго воображенія... все спокойно, тихо, однообразно, если хотите; — вся тайна ея прелести заключалась въ прозаической истинѣ и законности чувства, а между

тѣмъ она представляется мнѣ теперь въ магическомъ свѣтѣ. Я могу припомнить послѣдовательно рядъ происшествій, но не могу объяснить ея себѣ естественнымъ образомъ и связать настоящее съ прошедшимъ.

«Левинъ помѣстился въ одномъ домѣ съ своимъ дядей. Жена его очаровала старика. Въ короткихъ сношеніяхъ ея разнообразный умъ и оттѣнки чувствительности становились очевиднѣе. Отсутствіе ли всякаго тщеславія, или робость приличная молодымъ лѣтамъ, только она не старалась никогда овладѣть вниманіемъ новаго человѣка и не спѣшила щеголять собой, какъ бы отзывъ его ни былъ значителенъ въ обществѣ. Она берегла свою улыбку, свое краснорѣчіе и одушевленіе голубыхъ глазъ для бесѣды вдвоемъ, втроемъ. Можете представить какъ эта сосредоточенность должна была нравиться мужу. Посту-

пивъ логически, обдуманно, онъ не находилъ уже причинъ сжимать своего чувства въ тискахъ мудрости, далъ ему волю и оно развилось до крайней степени. Привязанность глубокая, постоянная, выказывалась у него на каждомъ шагу; однако нисколько не стѣсняла жены. Ее любили, но не преслѣдовали любовью. Ей полная свобода была во всемъ. Съ самой первой минуты онъ непримѣтно, вкрадчиво внушалъ ей твердое убѣжденіе, что ея достоинства дороже, лучше, выше его богатства, и она вѣрно не имѣла случая догадаться кому изъ нихъ принадлежитъ оно. Если прихоть или благотворительность, одна изъ самыхъ сильныхъ потребностей ея души, могли вовлечь ее въ непредвидѣнные расходы, то это какъ-то узнавалось мужемъ заранѣе, чтобъ не дать ей времени задуматься. Заботясь безпрестанно, чтобы каждая минута ея творилась ея собственнымъ произво-

ломъ, онъ находилъ тутъ неизъяснимое наслажденіе. Я понималъ это. У нихъ вкусъ, желанія, причуды были, по видимому, одинаковы. Хотя они ограничились тѣснымъ кругомъ короткихъ знакомыхъ, но иногда выѣзжали въ свѣтъ. Левинъ не смотрѣлъ уже на людей съ этимъ благороднымъ ропотомъ, съ этимъ язвительнымъ негодованіемъ... Цѣлый міръ сдѣлался любезенъ и добръ; люди стали необходимостью, долгомъ, разсѣяньемъ, а мысли, которыхъ истину такъ отчаянно и краснорѣчиво доказывалъ онъ, стали мыслями дикими, безплодными, противообщественными. Завернувшись въ свою независимость, грѣясь у своего камина и смотря на свою жену, онъ любилъ — бывало говорить со мной, разсуждать, спорить, но въ самую жаркую минуту какого нибудь важнаго вопроса изъ науки, изъ искусства, или по случаю инаго происшествія,—вдругъ, неожиданно бралъ ее за руку, посматри-

валъ ей на пальцы, и я видѣлъ, что всѣ важные вопросы были одна забава, а только ея рука — дѣло. Прежде онъ пугалъ меня своимъ холодомъ, тутъ приводилъ въ какое-то нравственное разслабленіе. Я радовался картиной и изнемогалъ подъ ея разрушительнымъ вліяніемъ. Дѣятельность, трудъ, познанія, слава.... я во всемъ путался и сомнѣвался: вѣра въ свой уголъ и въ свою жену уничтожала все другое, чему вѣритъ ошибкой человѣкъ. Ежедневныя явленія этой немудреной жизни столько имѣли въ себѣ глубокой прелести, что я часто сворачивалъ съ дороги.... Чужое счастіе стоило мнѣ многихъ визитовъ.... Вмѣсто больныхъ я отправлялся къ здоровымъ подышать ихъ воздухомъ. Все у нихъ было ново, свѣжо, молодо. Ни одна бездѣлка не успѣла еще запылиться, ни одно движенье, ни одна ласка не превратилась еще въ грубую, холодную привычку,

гдѣ наконецъ не льзя бываетъ отгадать первоначальнаго чувства, которое внушило ее. Они сходились въ извѣстное время, садились на тѣхъ же мѣстахъ, соглашались, смѣялись... не потому, что это дѣлалось такъ и вчера, а потому, что они сегодня были отъ этого счастливы. Ничего обременительнаго не было у нихъ въ образованныхъ сношеніяхъ между собою. Все легко, свободно, вмѣстѣ какъ будто на единѣ, никакого насилія надъ своимъ умомъ, надъ расположеніемъ духа, ни одного, казалось, изъ этихъ тонкихъ принужденій, необходимыхъ въ присутствіи даже самаго близкаго человѣка. Часъ отъ часу болѣе и болѣе развертывалась милая жена Левина, всѣ ея качества, всѣ тайны, накопленныя воспитаніемъ, размышленіемъ выходили мало по малу наружу. Молчаливая, созданная скорѣе слушать, чѣмъ говорить, она поддавалась иногда живости разговора, но надобно было мно-

го занимательности, чтобъ увлечь ее. При томъ же только вечеромъ, подъ вліяньемъ ночной раздражительности, ей приходила охота обнаруживать свои любимыя мысли и замѣтки, сдѣланныя надъ жизнью тихонько ото всѣхъ. Тутъ рука ея съ иголкой останавливалась надъ канвой; пристально глядѣла она, глаза были покойны, только голосъ, плѣнительный голосъ передавалъ искренность ея сочувствія къ своимъ рѣчамъ. Какъ легко и благородно вспыхивала она отъ неожиданнаго замѣчанія, отъ счастливаго выраженія!.. Ничто глубокое и великодушное не оставалось у нея безъ отвѣта. Ни одинъ намекъ не ускользалъ отъ нея. Весь міръ оттѣнковъ и мыслей, который можно привязать къ иному слову, электрически понимала она и скромно опускалась на канву. Я смотрѣлъ, слушалъ и безпрестанно переходилъ отъ одного заключенія къ другому: какое счастіе,

думалъ, когда жена говоритъ!... какое счастіе, когда краснѣетъ!... Еслижь попадалась мнѣ на глаза обольстительная бездѣлка роскоши, если случалось нечаянно увидѣть всю эту комнату или разглядѣть Левина, который разнѣженно покоился въ креслахъ, то на меня находила вдругъ странная, невольная тоска.... Возлѣ насъ такъ все дышало эгоизмомъ счастія! Это была гостиная, приготовленная не для людей, а для себя, ея не берегли, но въ ней жили. Двѣ, три картины отличныхъ мастеровъ, фортепіяны, каминъ, разбросанныя книги и журналы, мебель для всѣхъ причудъ тѣла, ничего слишкомъ великолѣпнаго, а каждая вещь такъ изящна, что годилась бы на украшеніе дворца. Всѣ предметы напоминали успѣхи образованности, блескъ, шумъ и между тѣмъ всего лучше, всего привлекательнѣе казалась тутъ поэзія уединенія, тишина души. Взгляды, лица говорили

мнѣ: не обольщайтесь этими четырьмя стѣнами, мы ихъ перенесемъ куда хотите, а онѣ безъ насъ потеряютъ значеніе, — и я отодвигался отъ оконъ, уходилъ въ самую глубину комнаты, чтобъ не слыхать уличнаго стука, чтобъ какъ нибудь далѣе уйдти въ этотъ чудный міръ. Левинъ былъ хорошій музыкантъ, жена его любила рисовать; ея рабочій кабинетъ, убранный съ особеннымъ тщаніемъ и богатствомъ, можно было видѣть съ того мѣста, гдѣ мужъ сиживалъ за фортепіянами. Такъ они умѣли устроить все! ни одно удовольствіе не ускользнуло отъ внимательной нѣжности. Часто, Графиня, утромъ я заставалъ ихъ каждаго за своимъ занятіемъ; много комнатъ раздѣляло ихъ, но всѣ двери бывали растворены.... паркетъ, бронза, мраморъ свѣтились отъ солнца.... Левинъ, закинувъ голову, игралъ, а издали, съ конца дома, оглядывалось на него жен-

ское лицо. Я садился слушать, проходило полчаса, часъ, и вдругъ лицо пропадало, потомъ она являлась нарядная, стройная, тихая, жала у мужа руку и, сказавъ: «я поѣду, другъ мой, прощайте, докторъ» опять исчезала отъ насъ. Онъ взглядывалъ ей вслѣдъ, а послѣ спокойно и весело оборачивался на фортепіяны съ завидной увѣренностью, что она воротится. Иногда, воротясь, ей приходила фантазія не снять шляпки, не сбросить шарфа, чтобъ и мужъ ея насладился тѣмъ, что могло понравиться другимъ, чтобъ не было ни одного впечатлѣнія, которое произвела бы она не при немъ и не на него. Я забывался, смотря на нихъ; въ каждую минуту дня, проведенную съ ними, утромъ, вечеромъ, за обѣдомъ спрашивалъ у себя: «да гдѣ-же несчастія, заботы, гдѣ-жь трудность найдти для жизни цѣль?» Судьба учредила все для Левина съ такой попечительностью, что

онъ не зналъ даже ни малѣйшихъ хлопотъ, сопряженныхъ съ большимъ состояньемъ. Дядя управлялъ его имѣньемъ и ему доставалось только удовольствіе тратить. Жена его вѣчно была одинакова. По своему характеру она конечно притаила бы всякое горе, прослезилась бы украдкой, про себя, но ее охраняли отъ самыхъ ничтожныхъ безпокойствъ. Ровный, кроткій, задумчивый ея нравъ показывалъ, что она не любитъ, не вынесетъ новизны, противоположностей, крайностей—и Божій міръ былъ представленъ ей безъ измѣненій: темно развѣ могла она воображать себѣ безпрестанные переходы человѣчества отъ радости къ печали. Если-жь сердце ея отгадывало подъ часъ что дѣлалось тамъ, за стѣнами ихъ дома; если голосъ нужды доходилъ какъ нибудь въ уборную женщины, гдѣ было столько золота, блондъ, газу; если она считала необходимымъ возбу-

дить въ мужѣ участіе и признаться въ состраданіи... о, тутъ и только тутъ выходила изъ своего обыкновеннаго положенія. Я видѣлъ какъ она однажды вбѣжала къ нему въ кабинетъ.... куда дѣвалось спокойствіе, томность?... лицо суетливо, глаза готовы плакать точно у огорченнаго ребенка, что-то совершенно непохожее на нее... она сказала два слова въ пользу какого-то бѣднаго, но такъ горько... Мужъ вскочилъ и, въ первый и единственный разъ, поцаловалъ ее при мнѣ. Боже мой! въ какомъ состояніи находилась его душа въ это блаженное время!.. какъ изумляла меня человѣческая гибкость, способностъ совсѣмъ отчаяться и совсѣмъ утѣшиться! Веселъ, привѣтливъ и уже немножко гордъ, это былъ не прежній, смиренный юноша, который бродилъ по свѣту ощупью, а зрѣлый человѣкъ, чей разсудокъ построилъ прочное зданіе и угадалъ впередъ,

что оно понравится сердцу. Онъ бралъ книгу, но уже съ холодностью судьи, съ увѣренностью, что не испугается ея премудрости. Онъ охотно вмѣшивался въ толпу, — но на балѣ или у себя, когда взглядывалъ — бывало на всѣхъ и ни на кого, — этотъ смѣлый, разсѣянный, неозабоченный взглядъ говорилъ намъ: вы надоѣдите мнѣ,—я васъ не пущу къ себѣ; вы нападете на меня, —я откуплюсь отъ васъ; вы вздумаете прельщать меня высокостью вашихъ цѣлей, шумихой вашего движенья,—я скажу: вы лжете.

«Онъ былъ такъ счастливъ, что его счастіе не заступало никому дороги, такъ счастливъ, что ему не завидовалъ никто, онъ былъ или выше или ниже тѣхъ людей, которые спорятъ, воюютъ, трудятся, мучатся и надѣются. Прошелъ почти годъ. Я уѣзжалъ тогда на нѣсколько дней въ подмосков-

ную къ одному больному. Сынъ его, премилый молодой человѣкъ, воспитывался въ ребячествѣ съ женою Левина, изрѣдка бывалъ у нихъ и просилъ меня. Вдругъ получаю тамъ записку: «Воротитесь, пожалуста, поскорѣй, жена моя простудилась на балѣ и немного нездорова». Я поскакалъ. Тотчасъ къ нимъ. Это было вечеромъ, какъ теперь помню. Уже въ передней двери растворялись тише; общая боязливость и порядокъ показывали, что нѣтъ опасности, что больная не умираетъ. Вхожу... ахъ, Графиня, въ первый разъ она представилась мнѣ такъ-же прекрасна, какъ ея душа!.. Ей недоставало прежде чего-то, живости, огня, цвѣта, приличнаго пылкимъ лѣтамъ.. болѣзнь поправила этотъ недостатокъ. Полу-сидя, полу-лежа, она покоилась на оттоманѣ. Шея обвернута голубымъ газомъ; одна рука разметалась, другая, притронувшись къ щекѣ, сквозилась

сквозь густые локоны. Тонкая цѣпочка на лбу поддерживала волосы, какой-то капотъ, чудесно вышитый, какое-то кокетство, котораго я еще не замѣчалъ въ ней. Яркій румянецъ, глаза блестятъ и на сухихъ губахъ улыбка. Лицо въ совершенной противоположности съ изнѣженнымъ положеньемъ тѣла: завитая голова отдѣлялась, хотѣла рѣзвиться, черты лишились своего покоя, томности, онѣ требовали уже суеты, страсти, тревогъ, а кругомъ мертвое благоговѣніе. Нездоровье обожаемой жены, котораго не боялись, а за которымъ имѣли удовольствіе ухаживать, разливало по всему дому романическую таинственность. Мужъ сидѣлъ у нея въ ногахъ, положивъ руку на прелестную ножку, смотрѣлъ такъ нѣжно, что вы пожелали-бъ объяснить себѣ жестокую способность человѣка любоваться болѣзнью. Онъ безпрестанно говорилъ, но звуки его голоса не имѣли

мужской рѣзкости; онъ старался забавлять ее смѣшными разсказами, но это смѣшное было придумано такъ осторожно, что давало случай улыбнуться и никакъ разсмѣяться. Только его слова и касались ея слуха, а то не было тутъ движенья, котораго бъ можно разслушать, нечаяннаго шороха, на который бы обернуться. Куда дѣвался блескъ бронзы, пылающій каминъ, свѣчи?.. ни одинъ лучъ не доходилъ до нея въ томъ видѣ, въ какомъ сотворенъ природой, у огня отняли силу потрясать нервы. Поймите, Графиня, очарованіе доктора, когда такъ берегутъ его больную; поймите темную зависть къ тѣмъ, кто можетъ окружить такой изысканной нѣжностью, такой роскошной попечительностью предметъ своей нравственной любви. Я нашелъ ее въ лихорадочномъ состояніи, прописалъ, разумѣется, лекарство — и Левинъ сдѣлался еще шутливѣе, даже

сталъ говорить немножко громче. На другой день больной лучше, на третій также, наконецъ она начала выѣзжать, но черезъ нѣсколько времени опять тѣже признаки. «Нѣтъ, другъ мой,» повторялъ Левинъ, «я ужь теперь долго тебя не выпущу.» Приходилъ бывало его дядя, мы сиживали въ семейномъ кругу за чаемъ. «Докторъ, вы, пожалуста, не слушайте мужа» говаривала она, улыбаясь съ своего оттомана, «и пустите меня въ концертъ.» Тогда готовился какой-то концертъ. И я улыбался. Всѣ заботились о ней весело. Мужъ продолжалъ забавлять жену. Ни онъ, ни старикъ-дядя не обращали вниманія на ея вѣтреную просьбу, какъ на причуду больнаго ребенка, который успѣетъ навеселиться, а кстати, при этомъ случаѣ, тѣшили свое самолюбіе, сообщали мнѣ разныя медицинскія замѣчанія, подавали совѣты... Дѣло вы видите, было не важ-

ное, не такое, гдѣ обыкновенно умныя разсужденья кончаются, а наступаетъ слѣпая вѣра. «Удивительно какъ у нея раздражительны нервы» говорилъ Левинъ; «ей надо раньше ложиться» замѣчалъ дядя, предлагая мнѣ свой табакъ. «Да, раньше ложиться» отвѣчалъ я, а дрожъ пробѣгала по моимъ членамъ, а прямо передо мной, для меня одного, все блестѣли глаза и игралъ румянецъ. Я уходилъ отъ нихъ въ другія комнаты, я глядѣлъ по стѣнамъ: прекрасно, изящно, восхитительно! да на улицѣ трескучій морозъ рѣзалъ мнѣ лицо, да гдѣ-же взять свѣжаго воздуха, теплаго неба, какъ перенести куда нибудь на край свѣта это самое прелестное и самое непрочное растеніе!... Ужасъ обхватывалъ мое сердце, когда еще издали слышался мнѣ голосъ Левина; я чувствовалъ, что тутъ страшно бояться, что преждевременный испугъ будетъ ему лишнимъ

мученьемъ, но не имѣлъ силъ положиться на свое искусство. Я дрожалъ пропустить одну минуту!.. Горько было признаться, что робѣешь, когда такъ на тебя надѣются. Языкъ мой былъ добрѣе моей науки, онъ отказывался служить немилосердой предусмотрительности; однакожь въ самомъ началѣ болѣзни я приступилъ къ старику-дядѣ: «Вы бы позвали,» говорю, «кого нибудь еще изъ врачей.»—Что вы? — вскрикнулъ онъ въ удивленьи —ей сегодня лучше, мы даромъ убьемъ племянника.—«Сдѣлайте милость, она не опасна, но надо предупредить...» Я выговорилъ и ушелъ въ самую дальнюю комнату. Тутъ, Графиня, въ эту минуту, начались новыя страданья моего друга, которыхъ неожиданную развязку не отгадывала никакъ моя наука. Ему объявили... онъ сыскалъ меня... Когда отворилась дверь, мнѣ показалось, что я слышу біенье его серд-

ца, и что во всемъ виноватъ одинъ я. Онъ былъ уже не тотъ; онъ пришелъ не забавлять жену, а допрашивать доктора. «Что ты, докторъ? она еще ходитъ, говоритъ, улыбается, я еще такъ съ ней счастливъ!...» Я кинулся къ нему, увѣрялъ, божился, клялся; тутъ не было для меня святой истины, не льзя было перенесть его взгляда. Утѣшеніе подѣйствовало. Первый пылъ страха затихъ. Какъ ему постигнуть вдругъ возможность такого несчастія? какъ подумать, что моя робость основательна? вѣдь впереди столько еще средствъ, накопленныхъ человѣческою мудростью, столько еще будетъ людей, слезъ, денегъ!.. Онъ задумался, сжалъ мнѣ руку и нѣсколько разъ повторилъ твердымъ голосомъ: «Весной я рѣшительно везу ее въ чужіе краи.» Левинъ былъ еще веселъ при женѣ, но уже какая-то неискренность поселилась между ними. Она у-

же не знала, что у него на душѣ, что заставляло его и небрежнѣе брать ея руку и смѣлѣе сидѣть передъ нею. Кончилась свобода сношеній, безпечная откровенность счастія: онъ не могъ уединиться съ самимъ собою, замолчать, задуматься, предаться въ креслахъ своей особенной мечтѣ; теперь у него не было собственной жизни, ничего своего, кромѣ смутнаго чувства, котораго онъ еще не назвалъ себѣ; теперь онъ подмѣчалъ ея взгляды, преслѣдовалъ ея мысли, прислушивался къ ея дыханію. Только тамъ, за дверьми, куда бывало украдкой уходилъ онъ въ слѣдъ за мною и за моими товарищами, тамъ черты его выражали всѣ страшныя тайны сердца. Я боялся оберпуться въ ту сторону, гдѣ издали, изъ какого нибудь угла онъ разглядывалъ каждаго изъ насъ, когда мы собирались въ кружокъ истощать свою науку. Мнѣ казалось, что этотъ человѣкъ подслушивалъ заговоръ на свою жизнь.

— Надежда не была потеряна и мы берегли его, заставляли надѣяться. Ему болѣе не нужно было уваженія къ его уму, къ разсудку, онъ требовалъ отъ насъ всемогущества, утѣшительнаго слова, и не спрашивалъ на какихъ доказательствахъ оно основано. Ужасна эта новость, эта перемѣна въ томъ, кто вчера еще спорилъ съ вами, опровергалъ васъ; ужасна необходимость сдѣлаться опять ребенкомъ.... Графиня, слышите, мазурка кончилась, вѣрно идутъ ужинать....»

— Я не ужинаю—отвѣчала она опрометчиво и выдвинулась на самый кончикъ креселъ. Едва-ли не въ первый разъ случилось ей дать волю естественному эгоизму до такой степени, нарушить приличія, не вспомнить, что можетъ быть докторъ имѣлъ привычку ужинать. Онъ взглянулъ на двери какъ-то пристально и потомъ продолжалъ:

« Больная сошла съ своего оттомана, сняла свой шитый капотъ, пригладила волосы. Перемѣнился ея нарядъ, только мужъ по прежнему оставался при ней. Тотъ же богатый штофъ висѣлъ надъ ея постелью; но уже новыя, небывалыя лица ворвались къ ней въ спальню. Утромъ и вечеромъ всѣ знаменитые врачи города толпились около ея кровати... Намъ кидались на шею, предъ нами плакали, насъ осыпали деньгами, словомъ— не было ужь причинъ не помочь человѣку; но болѣзнь, тихая, какъ ея жертва, водворялась мирно, медленно... ни крика, ни сильнаго вздоха, ни одной жалобы, ни одного изъ этихъ взрывовъ, на которые здоровые отвѣчаютъ оцѣпенѣніемъ или рыданьями. Тутъ нечего было испугаться вдругъ, тутъ Левину доставало времени и покоя перебрать всѣ мысли, пройти сквозь всѣ терзанья, высмотрѣть по-

степенный ходъ разрушенія и понять что теряешь. — Жена его таяла; часъ отъ часу становилась слабѣе, чтобъ пройтиться по комнатѣ, ей уже надо было опереться ему на руку; молодость была тутъ несчастіемъ и помогала развитію болѣзни. Днемъ онъ уже прятался иногда отъ ея блѣдныхъ щекъ; но любовь преслѣдовала его повсюду. Жена требовала, чтобъ онъ безпрестанно былъ передъ ней, безпрестанно глаза ея могли видѣть его, какъ будто хотѣла вознаградить мужа за все прошлое время, кода не любила предаваться явно влеченію своего сердца и обнаруживать всю нѣжность, къ какой способна.—Вечеромъ ея румянецъ обманывалъ его: ему не вѣрилось, что есть одни и тѣже признаки у красоты и смерти; тутъ онъ спокойно останавливался въ гостиной, гдѣ такъ часто сиживали они вмѣстѣ: передъ нимъ канва, двѣ - три развернутыхъ кни-

ги.... Онъ бралъ какую нибудь въ руки, разсѣянно взглядывалъ въ нее и потомъ съ удивительной заботливостью клалъ опять на то-же мѣсто, въ томъ-же порядкѣ. Глаза его говорили намъ: «не подходите къ этой книгѣ, не трогайте, не закрывайте ея, а то жена встанетъ и не найдетъ на какой страницѣ остановилась». Но ни проблески надежды, ни изъявленія любви не могли удержать отъ благоговѣйнаго ужаса у дверей ея спальни. Тамъ нѣжныя ласки, заботливая внимательность, пристальный взглядъ... подъ всѣмъ этимъ таилось состраданіе, печаль, страхъ или ослѣпленіе. Левинъ цаловалъ уже руку, которая начинала дрожать, и смотрѣлъ на впалыя щеки. Болѣзнь не смѣла прикоснуться только къ способностямъ души: болѣзни одна красота отдана была въ жертву, другая оставалась въ прежнемъ видѣ: тоже смиреніе, та-же покорность, какая

поразила меня, когда я видѣлъ эту милую женщину въ собраньи и когда на головѣ у нея былъ бѣлый розанъ. Чувство независимости приняло въ ней характеръ удивительной неустрашимости, не той, которая вызываетъ опасность, но которая не ропщетъ: Она даже стала сообщительнѣй, разговорчивѣй, хотя я безъ умолку приставалъ: «вамъ не должно говорить.» Изрѣдка однако находили на нея минуты, что, казалось, она никого не видитъ, ничего не слышитъ. Это особенно бывало къ ночи, при вліяніи лихорадки. Такъ однажды вхожу я къ ней съ лекарствомъ. Мужа не было. Въ рукѣ у нея какой-то ключъ. Стою, долго стою. Она глядитъ на меня, не шевелится и точно не видитъ. Наконецъ, «послушайте, докторъ,» сказала, обернулась на ключъ и опять впала въ забытье. Я рѣшился спросить: «что вамъ угодно?..»—Нѣтъ, послѣ—отвѣчала она,

не правда ли послѣ? . . вѣдь вы спасете меня . . . дайте лекарство . . .» прослезилась и улыбнулась. Можете представить, что я говорилъ ей тутъ. Она положила ключъ въ ридикюль и спрятала возлѣ себя.—Мы наконецъ рѣшились объявить, что не ручаемся за жизнь и не знали къ кому первому отнестись съ этимъ приговоромъ. Кто приметъ равнодушнѣе? . . Всѣ плакали о ней... Дворъ уставленъ каретами, въ гостиныхъ родные, друзья . . . Какъ-бы, кажется, умереть, когда столько людей хочетъ, чтобъ вы жили? . . Мнѣ поручили приготовить Левина... Къ этому кабинету, Графиня, подошелъ я, гдѣ онъ такъ умно вычислилъ для себя цѣль своего существованія. . . Тысячи мыслей мутили мою голову... сердце надрывалось... Я дрожалъ, отворяя дверь... вхожу и застаю, что онъ сидитъ передъ зеркаломъ, помадитъ волосы, причесываетъ бакенбарды, третъ лицо. «Что

вы?» спросилъ я «куда вы?» Какъ куда?»—отвѣчалъ онъ, обернувшись ко мнѣ; «я испугалъ ее, она говоритъ, что я очень похудѣлъ, посмотрите, полнѣе-ли я теперь кажусь?» залился слезами и упалъ головою на столъ. Слова замерли у меня на языкѣ. Передъ его горестью все поражалось онѣмѣніемъ. Когда онъ проходилъ по гостинымъ, никто не смѣлъ подступиться къ нему и утѣшать,—всѣ какъ будто, указывали на него и шептали другъ другу: «посмотрите, вотъ человѣкъ, онъ не спитъ, не ѣстъ, и онъ умираетъ съ ней.» Судьба не спустила ему ни одного оттѣнка въ страданьи. На другой или на третій день послѣ нашего приговора, онъ еще не зналъ его, было рожденье жены. Самые близкіе родные вошли къ ней. Всѣ, изъ вниманія, наряжены пышнѣе обыкновеннаго, всѣ, въ утѣшеніе, навезли подарковъ. Я какъ теперь вижу золо-

тую пряжку, которую держала она въ изсохшей рукѣ и, можетъ быть, чтобъ доставить мужу еще минуту надежды, говорила: «Возьми, другъ мой, положи ко мнѣ на туалетъ, я надѣну ее въ первый выѣздъ.» Передъ обѣдомъ бѣдный дядя ходилъ, мучился и приставалъ ко мнѣ: «Скажите, поздравлять ли его, пить ли ея здоровье, или нѣтъ?» Эти страшныя сближенья жизни и смерти переходили за границы человѣческаго терпѣнія. Какъ-то все это было тѣмъ ужаснѣе, что происходило въ большихъ комнатахъ, посреди великолѣпія, роскоши и при всѣхъ усиліяхъ, какія только возможны наукѣ, любви и золоту. Всѣ четыре части свѣта съ ихъ цѣлебными произведеніями были тутъ. Эта Турецкая шаль, накинутая на ноги умирающей, эта пышность ея послѣдней комнаты на землѣ, та-же пышность, которая встрѣтила ее въ первый день счастья...

*

По дому начинали уже показываться разныя лица, невиданныя прежде; прежде они не смѣли переступить инаго порога, теперь выглядывали со всѣхъ сторонъ; наступала какая-то минута равенства; какая-то дерзость слезъ заняла мѣсто боязливаго уваженія. Разстоянія исчезали. Всѣ, кому она благотворила, кто былъ такъ беззаботенъ подъ ея властью, всѣ часъ отъ часу подвигались ближе и ближе къ ней...

Я еще носилъ лекарство... однажды, это было вечеромъ, опять у ней въ рукѣ тотъ-же ключъ, но уже при моемъ появленіи она тотчасъ спрятала его. Не знаю, почему ея тусклые, неподвижные глаза, помертвѣлыя щеки и особенно этотъ ключъ показались мнѣ страшны. «Здѣсь-ли мужъ?» спросила она. Его не было. «Докторъ, отвѣчайте правду, умру я? скоро я умру?» Эти слова, этотъ слабый, болѣзненный го-

лосъ, въ которомъ слышался еще звукъ привязанности къ жизни—были невыносимо горьки. Мнѣ вдвое стало жаль ее. Мнѣ стало стыдно моего страха. Я началъ избѣгать отвѣта, но она перервала меня съ такимъ напряженіемъ, какого я не ожидалъ уже отъ нея. «Полноте, полноте, теперь лгать грѣхъ, мнѣ еще надо сдѣлать многое... Богъ между нами, скажите правду.» Я ничего не выговорилъ. Вошелъ мужъ, она отерла руку платкомъ,—это была последняя черта свѣтской внимательности, я это хорошо помню, и едва едва протянула къ нему: «благодарю тебя, другъ мой.» Онъ кинулся на руку и выбѣжалъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько часовъ цѣлый домъ собрался молиться. Какъ страшно расходились всѣ отъ дверей ея спальни, когда наступила минута остаться ей на единѣ съ священникомъ. Тамъ тишина, благоговѣніе, Богъ,—тутъ люди и съ ними полный безпорядокъ

отчаянья. Въ сосѣдней комнатѣ насъ было только двое. Левинъ стоялъ и смотрѣлъ въ окно. Съ одной стороны доносился къ нему таинственный шопотъ исповѣди, послѣдній отголосокъ милой жены; съ одной разрушеніе всего, разстройство головы, пустота сердца, съ другой, прямо передъ нимъ, освѣщенные дома, огромный городъ, какая-то безконечность огней, какой-то безпредѣльный міръ, населенный все живыми людьми... тутъ, тамъ, возлѣ, и далеко, далеко, вездѣ, гдѣ была свѣтлая точка, вездѣ былъ живой человѣкъ... Вся Москва поднялась на ноги, кареты съ цѣлаго свѣта нагрянули въ эту улицу. Онѣ скакали мимо съ своими зажженными фонарями... все шло, ѣхало, спѣшило куда-то... все говорило ему: «смотри, мы здоровы, мы живемъ, мы еще долго будемъ жить.» Лицо его подвинулось къ окну, коснулось стекла... дикія чувства, заглушенныя образова-

ніемъ, нравственностью, вѣрой, выступали наружу, рвались противъ этого движенья. Всѣ, что онъ перестрадалъ, всѣ ночи, которыя не спалъ, обозначились яснѣе въ его измученныхъ чертахъ. Я дрожалъ, онъ кинется на меня, потребуетъ отчета за безсиліе науки, ... вдругъ послышалось намъ два —три вздоха, что-то похожее на самое слабое рыданье... въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ не было уже нашего ропота и нашей любви... вдругъ явственно раздались слова: «Властію данною мнѣ, прощаю и разрѣшаю...» глухой стонъ вырвался изъ его груди; онъ схватилъ себя за волосы обѣими руками, и мнѣ показалось, что хотѣлъ разорвать свою голову на двѣ части. Но тотчасъ же другія, болѣе горькія чувства смѣнили безобразное отчаянье :.. крупныя слезы закапали у него изъ глазъ, онъ бросился ко мнѣ на шею и жалобнымъ голосомъ

спрашивалъ еще у меня: «Докторъ, не ужь-ли никакъ не льзя спасти ея?»

Я не пускалъ его въ спальню. Такъ она просила меня. Ей хотѣлось и остаться въ это время на нѣсколько минутъ одной и жаль было его. Но... мы вошли... все тихо, ни шороха, ни голоса, все темно... Я боязливо заглянулъ за ширмы... на столикѣ у постели стоялъ старинный, родовой образъ, теплилась лампада... два — три луча, отраженныхъ золотою ризой, алмазами, падали на блѣдную и худую щеку. Она лежала, закрывши глаза, въ одной рукѣ былъ у нея прижатъ къ груди портретъ мужа... На лицѣ какое-то спокойствіе души, какая-то неизмѣняемость отстрадавшаго тѣла... Я заглянулъ, Графиня, и мнѣ захотѣлось дневнаго свѣта, толпы, людей, ихъ разговоровъ, ихъ шума... Меня превозмогала тоска, похожая на ту нестер-

нимую тоску, когда, ночью, въ безсонницу, мечешься и спрашиваешь: да скоро-ль разсвѣнетъ?... «Уединеніе, тишина, мирное счастіе, семья,—все это мнѣ показалось страшно... страшно быть у себя дома, быть одному, или съ кѣмъ нибудь съ глазу на глазъ. «Она спитъ» прошепталъ Левинъ. Не знаю не было-ль надежды въ этихъ словахъ. Подкрался къ дивану, откуда ей не льзя было видѣть его, махнулъ мнѣ рукою и легъ. Я вышелъ въ другую комнату дожидаться, и вотъ что происходило тамъ безъ меня, какъ я узналъ отъ него въ первую минуту изступленія. Долго лежалъ онъ, пристально смотрѣлъ на нее... она не шевелилась:.. вдругъ, неподвижная, открыла глаза и повела ими.... ему показалось, ея уши еще подслушивали, ея взглядъ, холодный, непостижимый, еще подсматривалъ что-то. Онъ хотѣлъ вскочить, но, видитъ, голова ея двигается, приподнимается..

Оцѣпененіе, испугъ, кошмаръ, можетъ быть любопытство приковало его къ дивану... Докторъ, говорилъ онъ мнѣ потомъ ужаснымъ шопотомъ: это была не жена моя, не моя милая, умирающая жена, это было привидѣніе, которое вставало дотерзать меня. Все лицо ея освѣтилось лампадой, онъ глядѣлъ и не узнавалъ его, ничего прежняго, только чепчикъ и пенюаръ, это было еще ея приданое... она сѣла, оперлась одной рукой на подушку, а другая дрожала у ея губъ, силилась прижать къ нимъ его портретъ, чтобъ вѣрно поцѣловать такъ крѣпко, какъ уже не льзя. Глаза ея съ неизвѣстнымъ чувствомъ были неподвижно обращены на образъ, все туда, къ образу наклонялась ея голова и слезы лились градомъ. Наконецъ шаль упала съ ея ногъ, и она встала вся бѣлая, держалась за кровать, за столикъ, все смотрѣла на образъ, все цаловала порт-

рѣтъ, все двигалась, сдѣлала нѣсколько шаговъ и исчезла въ темномъ углу комнаты.»

— Вотъ она!—вскрикнула Графиня, вскакивая съ креселъ. Лицо ея вспыхнуло и поблѣднѣло. Она хваталась за доктора и указывала на зеркало.

Въ самомъ дѣлѣ, въ зеркалѣ изобразилась странная профиль: пальцы, приложенные ко лбу, безпорядочные волосы, мертвая щека. Докторъ выбѣжалъ, растворилъ дверь совсѣмъ: загремѣли звуки вальса, блеснулъ яркій свѣтъ, засверкали опять чудные глаза Графини и ея бриліантовая звѣзда. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился, прихлопнулъ дверь и видѣнье исчезло, музыка стихла, комната потемнѣла. Графиня стояла въ недоумѣньи, какъ будто ничего естественнаго не умѣла объяснить себѣ, какъ будто спрашивала:

«откуда это лицо, эта музыка, этотъ свѣтъ, гдѣ-жь эта женщина?»

Докторъ не сѣлъ уже, онъ былъ красенъ, онъ былъ въ такомъ видѣ, съ такими пріемами, въ такомъ положеніи, когда человѣкъ разсказываетъ, не заботясь слушаютъ его или нѣтъ.

«Не говорите съ нимъ» продолжалъ онъ, держась за ручку дверей и нагибаясь въ ту сторону, гдѣ была Графиня, «не подходите къ нему, не смотрите на него. Вотъ вамъ его тайна: онъ слышитъ щелкнулъ замокъ, потомъ опять въ потемкахъ шевелится что-то бѣлое, опять она передъ нимъ, но уже ноги ея двигались еще медленнѣй, но уже въ рукахъ у нея былъ пукъ бумагъ. Дрожащіе пальцы поднесли ихъ къ лампадѣ, торопились подбирать на столикѣ, совали въ огонь, чтобъ скорѣй, скорѣй, покуда есть еще

въ сердцѣ страхъ, самолюбіе, гордость, покуда есть еще доброе желаніе сберечь кого нибудь отъ раздирательнаго чувства, помиловать отъ своей убійственной тайны. Бумага пылала; она смотрѣла, опершись обѣими руками на столъ и, когда потухъ огонь, дотлѣлся малѣйшій клочекъ, самый глубокій, самый тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди, тутъ только, казалось, она перевела дыханіе... Все сгорѣло, все кончено; не было ужь человѣка, кто бы разобралъ этотъ пепелъ; ей самой даже нельзя измѣнить себѣ: мѣшаетъ смерть. Робость ли преступленія, которое въ жизни не боится себя, а у гроба труситъ памяти по себѣ, величіе ли добродѣтели, которая всѣ дѣла свои бережетъ одному Богу и заботится не получить за нихъ на землѣ никакой награды, — все она похоронила и стала слабѣе, почти падала... Какъ вдругъ тусклые глаза блеснули,

взглядъ уставился въ полъ, рука тянулась куда-то, но между ей и предметомъ ея послѣдняго желанья, послѣдней тоски была уже вѣчность, — Богъ уже не велитъ—на темномъ коврѣ бѣлѣлась еще одна бумажка, но тѣло отказывалось повиноваться душѣ.... Портретъ выпалъ у нея изъ руки, и черты ея были способны еще къ такому выраженію унынія, что Левину стало жаль ее: жалость образумила его,... онъ вскочилъ, она вздрогнула, подняла руки, вскрикнула и кинулась къ нему.... Въ эту минуту я слышалъ, что-то неодушевленное грянулось о полъ, Вбѣгаю... мрачно, мертво... Схватываю свѣчу... одинъ трупъ лежитъ; около него опрокинутый столъ, куски лампады и пепелъ; другой стоитъ прямо передо мной, но у этого шевелилась еще рука, тянулась ко мнѣ и показывала клочекъ бумаги: на ней сквозился какой-то дерзкой почеркъ, отъ нея

вѣяло какимъ-то благоуханіемъ, какими-то чудными минутами жизни...

«Вы Левина видѣли сейчасъ въ зеркалѣ. Онъ уходилъ изъ залы въ сосѣднюю комнату, потому что встрѣтилъ того, кто писалъ эту записку.»

Доктора не было, а Графиня все еще сидѣла въ тѣхъ же креслахъ; около нея стало тише; на коврѣ и на рамѣ зеркала ни одного луча, только мраморная прозрачная ваза освѣщала комнату своимъ таинственнымъ полурозовымъ огнемъ. Наконецъ двери растворились и въ нихъ нарисовался высокій лакей съ предлинной палкой.

«Что такое?» спросила испуганная Графиня.

— Тушу свѣчи, ваше Сіятельство.

«Да развѣ балъ кончился?»

— Всѣ разъѣхались, Ваше Сіятельство. ...

«А дядюшка?»

—Ушелъ въ свои комнаты, Ваше Сіятельство.

«Прикажи пожалуста давать мою карету».

Встала, подошла къ зеркалу, взглянулась, подняла глаза въ потолокъ и сказала вслухъ:

«У него должна быть чахотка.»

Кое-гдѣ, по огромнымъ комнатамъ, при мерцаньи одинокой свѣчи мелькнули еще разъ ея газовыя вуали.

Левинъ уѣхалъ куда-то умирать.

II

ДЕМОНЪ.

I

Однажды въ самую свѣтлую ночь, въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ сидѣлъ за письменнымъ столомъ чиновникъ, лѣтъ сорока пяти. Сальная свѣча, которая совсѣмъ была не нужна, но которую онъ въ жару трудо-

любія не вздумалъ потушить, до того нагорѣла, что изъ ея свѣтильни составилась черная шапка, похожая на подстриженную березу. Андрей Ивановичъ былъ или не довольно образованъ или не довольно богатъ, чтобъ употреблять воскъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ видно въ душѣ столько благородства, что не жалѣлъ сала. Небольшая комната служила ему кабинетомъ. Она была чище подъяческихъ кабинетовъ во всей остальной Россіи. Сверхъ того, нѣкоторые предметы показывали, что ея хозяинъ не все купается въ чернилахъ, не всегда занятъ дѣломъ; но позволяетъ себѣ наслаждаться жизнію, разнообразить свои занятія, чувствуетъ потребность просвѣщенія и жажду поэзіи. Особенно же кидалось въ глаза то, что онъ, посчастію, не читаетъ ничего на иностранныхъ языкахъ, а питается все произведеніями родной почвы; слѣдовательно, находится въ благополуч-

номъ состояніи Турка, который не видитъ чужихъ женъ. Хорошенькая Александровская колонна изъ бронзы, нѣсколько литографій Россійской работы, одинъ нумеръ какого-то журнала, два—три тома какихъ-то повѣстей и соловей въ клѣткѣ, удовлетворяли тутъ прихотямъ ума и сердца. Не смотря на такой приборъ комнаты, нельзя однакожь не упрекнуть просвѣщеннаго чиновника. Колонна, литографіи и соловей были, разумѣется, куплены; книги же, судя по разрозненнымъ частямъ, взяты на подержанье: патріархальное обыкновеніе, которое сохранилось во всей своей чистотѣ не только у чиновниковъ, но и у людей болѣе прихотливыхъ, болѣе богатыхъ, болѣе испорченныхъ въ другихъ отношеніяхъ общественными пороками образованности: никто не попроситъ поносить вашего платья и всякій хватаетъ почитать вашу книгу. Я было забылъ

самое главное украшеніе кабинета, кипу дѣловыхъ бумагъ.—Такимъ образомъ, куда Андрей Ивановичъ ни обертывался, вездѣ передъ нимъ свое, родное: книга Русскаго писателя, картинка Русскаго художника, процессъ Русскаго суда и соловей Русской рощи. Онъ сидѣлъ въ халатѣ и все писалъ. Только скрыпъ его пера нарушалъ тишину комнаты и Петербургской стороны. Нигдѣ освѣщеннаго дома, нигдѣ съѣзда каретъ. Запоздалый пѣшеходъ могъ спокойно добраться до своего жилья. Ему не попадались навстрѣчу цѣльныя стекла и въ нихъ милліоны свѣчъ, ленты, мундиры, женскія прически; ни въ одномъ окнѣ не было ничего возмутительнаго, ничего такого, что заставляетъ прохожаго повѣсить готову, или поднять ее гордо.

Прекрасная ночь и тусклое мерцанье огня бросали фантастическій свѣтъ на

утомленное лице Андрея Ивановича. Усталость клонила его. Рука работала усердно, но безъ этой работы, безъ этого движенія мысли, которое раздражаетъ тѣло, придастъ ему бодрость, дѣлаетъ человѣка ночью умнѣе, жизнь пріятнѣе, а сонъ ненужнымъ. Сѣрые глаза, неоживленные разумнымъ трудомъ, волненьями души, едва смотрѣли; то раскрывались какъ въ испугѣ, то, мало по малу, слипались опять. На полныхъ щекахъ не игралъ болѣзненный румянецъ безсонницы. Онѣ были блѣднѣе обыкновеннаго. Андрей Ивановичъ не бѣгалъ по комнатѣ, не теръ себѣ лба, не раскидывался на спинкѣ кресслъ, не ломалъ рукъ, а все сидѣлъ, не разгибался и писалъ,—сонный, терпѣливый, полезный, добродѣтельный!.. Бѣлокурые волосы съ просѣдью лежали въ томъ же порядкѣ, въ какомъ были приглажены поутру. Шумный день столицы и мор-

ской вѣтеръ промчались мимо не пошевеливъ ни одного волоска.

Чья судьба рѣшалась подъ рукой темнаго человѣка, въ краю дешевыхъ квартиръ, при свѣтѣ чудной ночи и сальной свѣчи? гдѣ тотъ, кого сыщетъ всемогущая бумага? на берегу какого моря, въ какихъ снѣгахъ Россіи? Андрей Ивановичъ рѣшительно не зналъ о чемъ идетъ дѣло. Остроконечный носъ его едва не вступилъ въ должность пера; но тутъ онъ очнулся, отряхнулъ голову, оперся обѣими руками о столъ, поднялся, потушилъ свѣчу и подошелъ къ окну. На томъ берегу темнѣлась и свѣтлѣла великая картина. Тутъ можно было простоять долго, вздрогнуть при видѣ человѣческой силы, человѣческихъ богатствъ и гранитовъ Сѣвера; можно было пожелать переѣхать туда, на другую сторону Невы, въ какой нибудь изъ этихъ

домовъ, изъ которыхъ каждый былъ помѣстительнѣй квартиры Андрея Ивановича. Но онъ не растревожился, взглянулъ и отошелъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ пришелъ. Ему не захотѣлось ничего передвинуть, ничего перемѣнить и поправить, всѣ зданія были на своихъ мѣстахъ, все было благо что̀ было, не захотѣлось даже и переѣзжать. Правильное теченіе жизни и привычка къ правильности, формальности, очереди, спасала его отъ неисполнимыхъ желаній, отъ вредныхъ сравненій себя съ ближними, Петербургской стороны съ дворцовой набережной; словомъ, отъ глупыхъ мукъ воображенья. Поработавъ и поглядѣвъ въ окно, онъ отправился въ другое отдѣленіе своего жилища. Двѣ комнаты отдѣляли его отъ той, куда направились его шаги. Тихо растворилась дверь въ нее, осторожно ступила нога черезъ порогъ, однакожь, онъ вошелъ небрежно, въ полной

увѣренности что ляжетъ спать и сбирался уже на покой, но вдругъ остановился, какъ будто встрѣтилъ что-то новое, къ чему не привыкъ; какъ будто голова его, которая устояла передъ чудесами спящаго Петербурга, расположилась нечаянно къ мечтательности, и сердце, онѣмѣлое подъ сухимъ трудомъ, отозвалось внезапно на язвительныя размышленія. Передъ нимъ лежала въ постели женщина. Ни скрыпъ дверей, ни шорохъ мущины не разбудили ее, она не пошевелилась, а потому читатель догадается, что это была жена чиновника. Ея комната, столица ея царства, носила характеръ отличный отъ мужнина кабинета. Тамъ занятія ума, пища для мысли,—тутъ, по мѣрѣ возможности, вкусъ, роскошь, нѣкоторое обоготвореніе тѣла, такъ пріятное нѣжному полу. Тутъ добрый мужъ тратилъ жалованье, выработанное тамъ. На туалетѣ краснаго дерева ле-

жало бусовое ожерелье, нѣсколько колецъ, двѣ пары ненадѣванныхъ перчатокъ, стояла стклянка съ духами и фарфоровая баночка безъ поммады. Даже довольно затѣйливый коверъ былъ разостланъ у кровати съ той стороны, гдѣ почивала жена. Мужъ берегъ только ея ножку отъ холоднаго прикосновенія досокъ. Чиновники балуютъ женъ. Впрочемъ и туалетъ, и духи, и коверъ, что это значило? всего этого мало было для милой женщины, для комнаты, гдѣ она несчастная и спала и одѣвалась. Другихъ размѣровъ требовала душа при взглядѣ на ея тихій сонъ, на ея ангельское личико. Самый нѣжный румянецъ, самый послѣдній лучъ отъ яркихъ красокъ дня, остался у нея на щекахъ. Чистый чепчикъ съ простой оборкой спряталъ всѣ волосы, вѣки закрывали глаза: все было бѣло и розово, только чернились тонкія брови да густыя рѣсницы. Что-то

дѣвичьяго сохранилось еще въ ея чертахъ, онѣ уцѣлѣли отъ ежеминутнаго вліянія сѣмейныхъ нуждъ и бѣдности, отъ черныхъ работъ хозяйства; девятнадцать лѣтъ сберегли ее, какъ сберегаетъ раковина свою жемчужину въ пропастяхъ грязнаго моря. Не слышно было, дышетъ ли она! такъ легко было ей спать, такъ мало еще накопилось у нея этихъ грубыхъ дней, за которыми слѣдуетъ мертвый сонъ съ тяжелымъ дыханьемъ! Уютно лежала она на двуспальной постели, немного занимала мѣста, грѣхъ было будить ее, жалко оставить тутъ; духи среднихъ вѣковъ не являлись изъ-подъ земли чтобы неслышными пальцами понести красавицу по воздуху и опустить гдѣ нибудь на золотую кровать, подъ бархатный занавѣсъ, въ благоуханной атмосферѣ, въ стѣнахъ, унизанныхъ драгоцѣнными каменьями. Мущина подлѣ нея, мущина въ ея спальнѣ!.. это раз-

бойникъ, который пришелъ осквернить преступленіемъ убѣжище невинности, это воръ влезъ въ окно, чтобъ ограбить сироту; но широкій бухарскій халатъ, подпоясанный какъ у порядочнаго человѣка, но овалъ лица, подходившій близко къ сферической линіи, изображающей доброту, ручались за законность его дерзости и за чистоту его намѣреній. Однакожь, онъ стояль точно осужденный, точно совѣсть мучила его!... неужь ли и теперь, не ужь ли опять онъ осмѣлится подступиться къ ней? онъ, кавалеръ пряжки за двадцать лѣтъ и четвертой степени Станислава!.. Хоть бы Анна была у него на шеѣ, хоть бы голова была безъ сѣдыхъ волосъ, хоть бы каменный домъ былъ на проспектѣ!

«Что жь ты не ложишься?» сказала жена, полураскрывая сонные глазки, зашевелилась подъ одѣяломъ, поверну-

лась и заснула опять. Отвѣта не было. Андрей Ивановичъ стоялъ остолбенѣлый, не откликалась его душа на ночной шопотъ, какъ и на стройныя громады гранита. Есть такіе люди, которыхъ не трогаетъ ни законная любовь, ни архитектура. Чувствомъ ли униженія мучился онъ? сошла ли на него мысль, что деньги, власть, женщины достаются иногда въ силу неправосудія судьбы и притѣсненія отъ своихъ ближнихъ? Наконецъ, по примѣру жены, онъ также повернулъ спину, вышелъ въ ту же дверь, прошелъ тѣ же двѣ комнаты и очутился въ томъ же кабинетѣ. Что-то необыкновенное происходило у него на сердцѣ, замыселъ или раздумье было въ головѣ. Онъ началъ ходить, тереть лобъ и трепать на лбу волосы, чего чиновники никогда не дѣлаютъ. Вы бы сказали: это воскресъ рыцарь, который готовъ на все, чтобъ оказаться достойнымъ сво-

ей дамы; это человѣкъ, который прочелъ вчера въ Юнгѣ, что можно остановить время и заставить его отдать назадъ что оно унесло;—прочелъ и повѣрилъ. Чему иному приписать такое обратное и неузаконенное путешествіе изъ спальни въ кабинетъ? Поздно, очень поздно приходятъ иныя намѣренья въ голову! сколько разъ ложился онъ, не останавливаясь передъ кроватью, не заглядываясь на жену? но, бываетъ, цѣлую жизнь не догадаешься, что тебѣ худо и не посовѣстишься владѣть тѣмъ, чего не стоишь. Андрей Ивановичъ растворилъ окно. Свѣжій воздухъ и черныя мысли пахнули съ Невы. Петербургъ спалъ, покоился этотъ гигантъ Сѣвера, страшно и пріятно было смотрѣть на грозный и великолѣпный сонъ. Трое часовыхъ стерегло его. На землѣ нѣсколько штыковъ, между землею и небомъ ангелъ колонны, а на небѣ стоялъ мѣсяцъ на

караулѣ. Все было тихо, ничто не двигалось и въ этотъ великій часъ въ цѣломъ Божьемъ мірѣ, всѣ чиновники давнымъ давно перестали писать, а ты пиши да пиши, и не то что̀ взбредетъ самому на умъ, а что напутаютъ другіе; не о друзьяхъ и знакомыхъ, не о женѣ и дѣтяхъ, не о своемъ жалованьи или чинѣ, а о судьбѣ какого нибудь Камчадала. Напрасно перо твое притупится, разсудокъ потемнѣетъ и ты уткнешься въ бумагу съ вопросомъ: Господи, Боже мой, неужь ли въ самомъ дѣлѣ есть на свѣтѣ такія земли и такіе люди?... они есть,— есть рѣки, которыя текутъ золотомъ, горы, изъ которыхъ бьютъ ключи алмазовъ, есть милліоны племенъ, есть все! чего нѣтъ? люди всякаго цвѣта, всякаго чина и званія, они выслуживаютъ узаконенные годы, получаютъ по службѣ отличія, люди дерутся, воруютъ, разбойничаютъ, лазяютъ въ зем-

лю, зарываются въ снѣгъ, ныряютъ на морское дно, и все за тѣмъ, чтобы заставить тебя писать, да какъ и не писать? не для того ли построенъ Петербургъ, не для того ли днемъ свѣтитъ солнце, а ночью мѣсяцъ? Глаза Андрея Ивановича не поднялися на небо, не остановилися въ воздухѣ, они перенеслись черезъ Неву, миновали набережную, дворцы, колонну, они пробирались къ мѣсту его служенія; но какіе-то незнакомые призраки подвертывались ему безпрестанно; то чужія окна, то чужія стѣны, то памятникъ, то солдатъ; скалы Финляндіи росли на болотѣ и заслоняли дорогу его сердцу. А какъ бы не взглянуть ему на свое сокровище! сколько бурь высидѣлъ онъ тамъ на одномъ и томъ же стулѣ! ураганъ Финскаго залива уносилъ надъ его головой начальниковъ отдѣленія, а онъ не колыхался, онъ продолжалъ писать; сочинители черновыхъ

мѣнялись надъ нимъ,—что ему за дѣло? сочиненія оставались тѣ же. Сегодня онъ пришелъ оттуда, завтра пойдетъ туда, завтра проснется этотъ Петербургъ, встрепенется эта Нева, зашевелится этотъ гранитъ, завтра заблещетъ солнце, эполлеты, звѣзды, прилетятъ корабли, и съ четырехъ сторонъ свѣта нагрянетъ жизнь въ эти широкія, нѣмыя, окаменѣлыя улицы. А ты Андрей Ивановичъ, съ своимъ портфелемъ подъ мышкой, отправляйся сидѣть, сидѣть да писать, и смотри дорогой не толкай никого, не заглядывайся по сторонамъ, гляди все подъ ноги и впередъ, не то заноетъ сердце, истерзаются глаза: возлѣ тебя, у тебя подъ бокомъ потянется ослѣпительный рядъ зеркальныхъ стеколъ, большихъ, свѣтлыхъ, яркихъ и въ нихъ, въ нихъ улыбнется тебѣ и платочикъ, который годился бы на бѣлую грудь твоей жены, и шляпка,

которая чуть чуть спрятала бы отъ людей ея пухленькія щечки. Не заглядывайся по сторонамъ, не то зайдешь въ кондитерскую, съѣшь слоеной пирожекъ, выпьешь чашку кофе: хорошо еще, что ты не читаешь журналовъ, нѣтъ тебѣ и предлога зайти; хорошо, что ты не охотникъ до устрицъ, что тебя не потянетъ на биржу. Пуще же всего, смотри, чтобъ не столкнуться съ пріятелемъ; едва завидишь его, нырни въ толпу: пріятель потащитъ тебя обѣдать въ ресторацію; конечно, обѣды въ рестораціяхъ веселѣе, чѣмъ въ нѣдрахъ своего сѣмейства, да вѣдь у тебя есть обѣдъ дома, это будетъ двойная трата. Послѣ обѣда отдохни, да и опять за письмо; но Боже спаси тебя отправиться куда нибудь на островъ погулять подъ ручьку съ женой! вы не пара, ты старъ, она молода, притомъ же изъ порядочныхъ людей, кто ее

увидитъ тамъ? она будетъ затерта въ толпѣ, а кто и увидитъ, тотъ укажетъ на тебя пальцемъ, тотъ подумаетъ: можно ли это прогуливаться подъ ручьку съ такой прекрасной женщиной, не имѣя ничего на шеѣ! Напрасны были увѣщанія разсудка. Вліяніе этой ночи пагубно было Андрею Ивановичу. Точно онъ переродился. Утромъ, какъ вышелъ изъ дому и возвращался домой, куда дѣвалась его смирная походка и безпорочная служба? шаги его явнымъ образомъ стали противозаконны, глаза разбѣгались и буйствовали по Невскому проспекту. Такая жадность оживила взгляды, что они не останавливались ни на чемъ. Въ нѣсколько часовъ онъ пересмотрѣлъ гораздо болѣе предметовъ, чѣмъ во всю прошлую жизнь. Нѣтъ, чтобъ посторониться иному, нѣтъ, чтобъ вспомнить завѣтъ стариковъ: чинъ чина почитай. Онъ такъ и кипѣлъ неуваженіемъ.

Особенно, это было замѣтно въ отношеніи къ кавалерамъ Анны на шеѣ; на его же бѣду, какъ нарочно, всѣ Анны высыпали на проспектъ. Этого зрѣлища онъ уже не могъ выносить, отворачивался, бѣжалъ, волненіе было такъ сильно, что, казалось, того и гляди онъ бросится въ объятія къ первому, у кого нѣтъ ни креста, зальется слезами и вскрикнетъ: «ты мой другъ, благодѣтель, отецъ, хочешь ли я брошусь въ Неву, взлѣзу на Петропавловскій шпицъ?» Онъ не пропустилъ безъ вниманія ни одной колясочки, если она везла даму: почему женѣ его не проѣхать бы въ такомъ же экипажѣ, когда его жена не въ примѣръ лучше той, которая сидитъ тамъ? — Жена! — Андрей Ивановичъ былъ еще на народѣ, Андрей Ивановичъ можетъ въ отдѣленіи положить перо, заняться пріятными разговорами и послушать умныхъ людей!... За нимъ, передъ нимъ, кру-

гомъ его все идетъ, ѣдетъ, вертится, шумитъ; для глазъ столько красокъ, для ушей столько звуковъ, для ума столько безсмыслицы, для сердца такая пытка, какъ тутъ не развлечься!.. а она, бѣдная, гдѣ въ эту минуту? въ какую глушь завезъ ты ее? какими замками заперъ? съ кѣмъ ей перемолвить слово? въ чемъ выѣхать? шить да шить, но вѣдь это стоитъ твоего письма!... Мысль о женѣ примѣтно гналась по его пятамъ, и, если онъ пропускалъ мимо генерала, звѣзду, какъ пропускаетъ стрѣлокъ—не поднимая ружья—птицу, которая вьется подъ небомъ, въ сосѣдствѣ облаковъ, то жена, то ея тѣнь, то ея нѣжная особа, сотворенная со всѣми причудами природы, вынуждали его тутъ на многіе неблаговидные поступки, что бываетъ со многими, когда они очень заботятся о женѣ и дѣтяхъ. Вѣроятно, для жены онъ позволялъ себѣ смѣрить глазами

иной высокій домъ; для нея ускорялъ шаги, не догонитъ ли кареты четверней, для нея взгляды его перескакивали черезъ улицу, хотѣли прорваться сквозь стѣны Александринскаго театра и вдругъ тихо опускались на землю, подергивались мгновенной грустью: тамъ, въ этомъ театрѣ были прекрасныя ложи, гдѣ ни разу не сидѣла его прекрасная жена. Поздно пришелъ онъ въ отдѣленіе, рано ушелъ. Кто зналъ его Кантовскую точность, тотъ только можетъ судить о тревогѣ его сердца. По отдѣленію мелькнуло передъ нимъ два, три молодыхъ человѣка, которыхъ онъ прежде не замѣчалъ, потому что прежде дѣлалъ дѣло, а не занимался пустяками. Ни одинъ изъ нихъ не сѣлъ пописать, не сказалъ съ нимъ ни слова, не взглянулъ на него; они поговорили между собой по Французски, а съ его начальниками на неизвѣстномъ языкѣ, пріѣхали въ каретахъ, про-

шлись да въ каретахъ и уѣхали.—Но эти желанья, мученья и картины, хотя все въ нихъ было ново и внезапно для Андрея Ивановича, хотя онъ самъ не могъ бы отдать себѣ отчета, откуда что̀ взялось у него, откуда такое сумазбродство послѣ жизни, доведенной спокойно до сѣдыхъ волосъ и, что еще лучше, до объятій завидной женщины, все таки, говорю, это странное нашествіе ада на его душу не должно бы до того растревожить желчь мужа, чтобы страдала жена. Не должно бы, по настоящему, подѣйствовать на его ровный нравъ такимъ образомъ, чтобъ это было замѣтно и отравило сѣмейное счастіе. Конечно, онъ былъ не Талейранъ; но исписавши столько бумагъ, гдѣ иные упражняются въ томъ, чтобъ скрывать таланъ, полученный отъ Бога, скрывать, что у нихъ есть здравый смыслъ, какъ бы не научиться и ему притаить кое-что? совсѣмъ тѣмъ,

едва онъ ступилъ на порогъ своей квартиры, домашніе могли тотчасъ замѣтить въ немъ перемѣну: не было на немъ прежняго лица, которое за версту бывало, просило уже обѣдать. Можнобъ подумать, что онъ на цѣлый вѣкъ лишился аппетита. Что съ нимъ? чѣмъ онъ такъ взволнованъ? Нѣтъ, это ужь не Невскій проспектъ сидитъ у него въ головѣ. Ему хочется принарядить жену, показать ее въ люди, хочется денегъ, Анны на шею; да, Боже мой, кому жь этаго не хочется? да о чемъ же хлопочетъ весь міръ? Но міръ ведетъ себя пристойно, онъ обработываетъ свои дѣла потихоньку, это кабинетныя тайны; онъ добьется до креста и не надѣнетъ его, онъ набьетъ въ карманы денегъ и съ постной физіономіей будетъ проповѣдывать, что богатый не внидетъ въ царство небесное. По этому выраженіе въ чертахъ Андрея Ивановича нельзя было приписать какой

нибудь обыкновенной, естественной причинѣ, которую всякой носитъ у себя въ сердцѣ и отъ которой ни у кого не мѣняется лицо. Любопытно-бъ однакожь объяснить себѣ его разстройство, отгадать истину, дорыться до корня его отчанья? но иногда приходятъ въ голову все вещи извѣстныя, тертыя, все деньги, да чины и никакъ не припомнишь что еще глубже трогаетъ человѣка. Правда, одно слово, сказанное на ухо, можетъ убить стараго мужа, одинъ почеркъ пера можетъ уничтожить давно-служиваго чиновника.

«Что съ тобой сдѣлалось?» спросила жена, потому что этого вопроса не льзя было избѣжать; но спросила безъ суетливости, безъ испуга, съ какимъ подбѣгаетъ жена къ осерженному мужу, когда онъ или моложе ее, или, если старше, можетъ по смерти оставить что нибудь.

—Сдѣлается—отвѣчалъ мужъ,—какъ сидишь цѣлое утро, не разгибая спины, когда другіе прогуливаются у тебя подъ носомъ и ходятъ такъ прямо, точно проглотили аршинъ. — Въ первый разъ Андрей Ивановичъ солгалъ на службу. Именно въ это-то утро онъ и не имѣлъ права роптать, въ это-то утро онъ почти и не сгибалъ спины. Женнино любопытство ограничилось однимъ вопросомъ, потомъ она надулась сама, сѣла, какъ правая, къ окошку, подперлась локтемъ и стала смотрѣть на улицу. Чрезвычайно пріятно, когда молоденькая женщина сидитъ, молчитъ и дуется; благороденъ порывъ независимости въ слабомъ существѣ и извинительно пренебреженіе въ красавицѣ. Она не навязывалась съ утѣшеньями, не приставала «раздѣли со мною пополамъ твое горе». Что тутъ дѣлить по пустому! изъ всѣхъ раздѣловъ это конечно самый чувстви-

тельный, но за то и самый несносный: дѣлишь, дѣлишь, а все останешься при своемъ; никто тебя не обидитъ и не возьметъ чужаго! Она не прибѣгла къ кошечьимъ ласкамъ, чтобъ умилостивить разъяреннаго льва, спросила, повернулась и сѣла. Ея равнодушіе можетъ показаться страннымъ, всякой имѣетъ право сказать: ей должно было хоть притвориться, да изъявить больше участія, потому что всякой догадался уже какая сила свела эту жену съ этимъ мужемъ. Нищета выдала ее головою. Онъ далъ ей крышу, онъ поилъ, кормилъ и одѣвалъ ее, но вотъ и все, а удовлетвореніе первыхъ нуждъ не ставитъ никого въ совершенную зависимость. За такое содержаніе въ обрѣзъ, за кусокъ хлѣба никто не благодаритъ; кусокъ хлѣба только сердитъ и принимается, какъ должное, какъ исполненіе Христіянской заповѣди. Вотъ, еслибъ жена знала, что мужъ въ со-

стояніи выполнить причуды ея воображенія и тщеславія, что онъ ужо привезетъ ей ложу въ театръ, завтра подаритъ модный браслетъ, о, тогда дѣло другое! тогда разумѣется, она не сѣла бы къ окошку и не подперлась бы локтемъ. Лишнее милѣе необходимаго и льстить, угождать, ухаживать за ложу или за браслетъ не такъ стыдно передъ собой, не такъ отвратительно какъ за насущный хлѣбъ.—Чиновница похорошѣла, чиновникъ подурнѣлъ. Они принялись обѣдать. Она не ѣла и того, чего хотѣлось; онъ ѣлъ и то, чего не хотѣлъ. Она взглядывала безпрестанно на всѣ четыре стороны, на всѣ бездѣлицы, нестоющія вниманія, но такъ искусно, что мужъ, который сидѣлъ передъ нею почти лицомъ къ лицу, ни разу не попался ей на глаза. Онъ не смотрѣлъ на бездѣлицы. Она, послѣ перваго блюда, хоть ихъ всего было два съ половиной, положила на

столъ салфетку; ему салфетка была необходима до самаго конца, потому что онъ утирался чаще обыкновеннаго. Нельзя было предвидѣть чѣмъ кончится такое разногласіе въ дѣйствіяхъ: попроситъ ли мужъ у жены прощенья, что воротился домой сердитъ и несчастенъ, или жена, вопреки обычаю, спуститъ ему несчастіе безъ наказанія! Тѣмъ трогательнѣй была эта сцена, что случилась за обѣдомъ. Тутъ бѣдность и очевиднѣе и чувствительнѣе. Комнаты свои Андрей Ивановичъ поубралъ, но едва ли не на щетъ своего стола. Комнаты для людей, столъ для себя, а съ собою многіе у насъ поступаютъ безъ всякой церемоніи. Что-то неизмѣримое раздѣляло мужа съ женой. Рѣзче выдалась особенность каждаго. Чѣмъ болѣе продолжалось убійственное молчаніе, тѣмъ болѣе жена становилась тутъ не у мѣста. Это была гравюра съ Англійской подписью на

постояломъ дворѣ, въ горницѣ Русскаго мужика; однакожь, Андрей Ивановичъ выглядывалъ изъ подлобья такъ значительно, какъ будто умѣлъ читать по Англійски. Впрочемъ онъ, казалось, и не думалъ о водвореніи міра въ своемъ сѣмействѣ, казалось въ душѣ у него не было уже и рѣчи о домашнемъ счастіи. Видѣть жену, которая послѣ перваго блюда кладетъ салфетку, смотритъ на все кромѣ васъ и сидитъ предъ вами въ двухъ шагахъ, поджавши губки,—затруднительно, безпокойно; у всякаго въ этихъ случаяхъ прибавляется неловкости, у Андрея Ивановича—нѣтъ; онъ ничего не разбилъ и не пролилъ, онъ былъ неловокъ по прежнему; что-то мертвое очутилось у него въ глазахъ, какое-то равнодушіе къ собственнымъ страданьямъ и къ страданьямъ цѣлаго человѣчества. «Да что ты такъ смотришь на меня? на мнѣ узоровъ нѣтъ, а портретовъ пи-

сать еще не выучился,» сказала жестокосердая жена, повертывая голову въ сторону, такъ что слова ея относились прямо къ стѣнѣ.—Да помилуй, другъ мой, за это еще съ мужей пошлины не берутъ;—замѣтилъ несчастный мужъ и потупился въ тарелку. «Да чтожь я тебѣ на смѣхъ что-ли досталась?» Жена вскочила и выбѣжала изъ комнаты. Мужъ сдѣлалъ на стулѣ медленный полуоборотъ, кинулъ ей вслѣдъ дальновидный взглядъ и потомъ постепенно пришелъ въ прежнее положеніе. Въ самомъ дѣлѣ было отъ чего вскочить: девятнадцати лѣтняя женщина сидѣла за обѣдомъ и сама не обѣдала. День былъ теплый, въ домѣ душно, а на ея розовыя щеки, въ ея ясныя очи валилъ паръ отъ Русскихъ щей; а передъ нею неопрятные остатки самой нехитрой, но самой сытной пищи; тѣсный столикъ, уставленный измаранными тарелками и чело-

вѣческій ротъ, который все ѣстъ да ѣстъ, не скажетъ милаго слова, не поцалуетъ ручки; передъ нею покраснѣлый Андрей Ивановичъ, его отяжелѣлая особа и его лукавые, пристальные, непостижимые взгляды. Мѣрно поднималъ онъ ихъ на нея, долго останавливалъ на ней, точно искалъ въ вѣчно-прекрасномъ лицѣ какого нибудь выраженія въ расплохъ, какой нибудь тонкой черты, гдѣ виднѣе душа. Жена портила картину, мужу слѣдовало быть наединѣ съ этимъ обѣдомъ. Жена убѣжала. Мужъ приподнялся и помолился.

II

На плечахъ у Андрея Ивановича былъ тотъ же бухарскій халатъ, та же сальная свѣча догорала въ его кабинетѣ и такая жь ночь свѣтилась подъ окномъ. Воротился вчерашній часъ, все явилось на смотръ въ прежнемъ видѣ;

опять старая сказка, опять гранитъ, ангелъ и мѣсяцъ; опять, куда ни взгляни, нѣтъ средства смотрѣть: все великолѣпно, очаровательно, чудно!... Петербургъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, морскія волны не смыли его, ни одна изъ нихъ не вспрыгнула на берегъ, а Андрей Ивановичъ съумѣлъ претерпѣть кораблекрушеніе. Петербургъ былъ тотъ же, чиновникъ перемѣнился. Кипа бумагъ лежала еще тутъ, передъ нимъ, да ужь ему до нихъ не было дѣла. Онъ не сидѣлъ, онъ не писалъ, онъ просто ходилъ. Это беззаботное препровожденіе времени предполагаетъ или много денегъ или бунтъ страсти, а такъ какъ мы видѣли, что по деньгамъ не зъзя оставить Андрея Ивановича въ подозрѣніи, то слѣдуетъ думать, что у него кипѣла душа. Впрочемъ, онъ не выходилъ изъ границъ. Даже въ этомъ непривычномъ состояніи не позволялъ себѣ никакого своеволія, никакихъ по-

рывовъ, которые-бъ разнорѣчили съ его зрѣлыми лѣтами и съ его прошедшимъ миролюбіемъ. Всѣ движенья мятежнаго Андрея Ивановича были разумны, проникнуты опытомъ жизни и знаніемъ человѣческаго сердца. Такъ напримѣръ, онъ вдругъ останавливался посерединѣ комнаты, правую руку, то есть кончики пальцевъ, клалъ за пазуху халата, лѣвую закладывалъ на поясницу, нагибалъ голову со всемъ станомъ немного впередъ и, потупивъ глаза, держался въ этомъ почтительномъ положеніи нѣсколько минутъ.—То стоялъ онъ нѣмымъ, то шевелилъ губами, какъ будто произносилъ рѣчь, какъ будто укралъ изъ классической трагедіи монологъ наперсники; но и его, какъ наперсниковъ, не льзя было разслышать: глубина смиренья или пылъ чувства задушали звуки голоса. Потомъ, это ему не нравилось, онъ опускалъ руки какъ солдатъ, какъ солдатъ вы-

тягивался съ тою только разницей, что не отмѣнялъ наклоненья головы и потупленныхъ глазъ. Правда, пробовалъ онъ приподнять голову, вскинуть глаза, выдвинуть одну ногу, но это ему не удавалось, къ этому не было у него призванья. — А между тѣмъ сіяла блѣдная ночь, а между тѣмъ широкія полосы свѣта и тѣни падали съ неба на громадныя созданья человѣка. Все было близко, что льститъ гордости, что убѣждаетъ насъ въ прочности нашихъ строеній, все отъ чего исчезаетъ земля подъ ногами. Но иные тѣмъ охотнѣе припадаютъ къ ней, чѣмъ больше величія у нихъ подъ бокомъ. Долго переходилъ Андрей Ивановичъ изъ одного положенія въ другое, долго выработывалъ изъ себя статую, согласную съ его идеей и съ требованьями вѣка, долго трудился онъ обдуманно, отчетливо, безъ опрометчивости,—дьявольское навожденіе коверка-

ло его члены въ ночное время, когда люди или спятъ или пишутъ. Дорого ему стоило это. Онъ не учился танцовать. Тѣло его не было выломано и приготовлено искусствомъ для всякихъ театральныхъ положеній. Андрея Ивановича бросило въ краску, у Андрея Ивановича откуда ни взялась живость молодости. Бывало съ середины комнаты до письменнаго стола онъ пройдетъ чинно и сдѣлаетъ пять крошечныхъ шаговъ. Теперь это разстояніе вмѣстилось въ одинъ огромный шагъ Растрепался халатъ на его груди и, можетъ быть, въ первый разъ сверкнули степенные глаза. Онъ опомнился, онъ взглянулъ на свои бумаги, онъ съ раскаяньемъ блуднаго сына кинулся къ нимъ: сколько часовъ погублено въ праздности, въ дѣйствіяхъ законопротивныхъ, отдано на съѣденье Богъ знаетъ какимъ преступнымъ мыслямъ!... Горячая жажда честной работы про-

спулась въ немъ, жажда труда все-таки почтеннаго, который до сихъ поръ кормилъ его безъ укоризны!.. съ необыкновенной жадностью рылись его руки въ бумагахъ, точно скупой между кучъ золота не досчитывался червонца!.. наконецъ, онъ вытащилъ листъ самой лучшей почтовой бумаги, поднесъ къ свѣчѣ, полюбовался произведеніемъ Петергофской фабрики и сѣлъ. Минутный пылъ прошелъ, обычный свѣтъ распространился по его лицу какъ лучи утра по небу. Андрей Ивановичъ можетъ писать неправильно, но сидитъ за письмомъ всегда въ правильномъ состояніи души. Андрей Ивановичъ не пишетъ, очертя голову. Почтовая бумага была положена къ сторонѣ, передъ нимъ лежала сѣрая: уже на волосъ отъ нея шевелилось его перо, онъ наклонялся къ ней, отшатывался отъ нея и не спускалъ съ нея глазъ, заглядывалъ то съ права то съ лѣва, а все не рѣшался приступить.

Опять странность, толи было прежде! прежде писанье текло у него какъ по маслу. Наконецъ, сомнѣнья прекратились, начало сдѣлано, но и тутъ бѣда: не успѣвало слово явиться на бумагѣ, какъ онъ медленно, важно и безъ малѣйшаго негодованья зачеркивалъ его. Куда дѣвался золотой вѣкъ переписыванья? завтра спросятъ у Андрея Ивановича: «перебѣлили вы?» а онъ уже не скажетъ: «перебѣлилъ»; Андрей Ивановичъ не перебѣливаетъ, Андрей Ивановичъ сочиняетъ. Послѣ каждой строки, которая оставалась неопороченною, которая была ему подушѣ, онъ чуть чуть, самымъ нѣжнымъ образомъ повертывалъ голову и немного искоса взглядывалъ на дверь: изъ за нея волшебной невидимкой налетало на него безплотное вдохновеніе, за нею хранилась эта казна, откуда можно брать, безъ позволенія начальства, сокровища дорогихъ мыслей и яркихъ словъ.

III

Едва солнце стало подниматься изъ за Невы, какъ Андрей Ивановичъ вылетѣлъ на улицу. Такъ еще было рано, что общество, которое нашелъ онъ тамъ, не совсѣмъ приличествовало его званію. Охтянка съ кувшинами молока,

Чухна въ одноколкѣ, повара съ дачъ за припасами, солдаты на смѣну и ни одной чиновной особы! Не съ кѣмъ было раздѣлить время, встрѣтить восходъ дневнаго свѣтила, некому поклониться, а найти знакомое лицо, увѣрить себя, что оно точно знакомо и раскланяться съ нимъ хоть издали, кто не знаетъ какъ это необходимо и на воздухѣ и въ четырехъ стѣнахъ? Честолюбіе ведетъ не къ добру: чѣмъ выше санъ, тѣмъ скучнѣе, тѣмъ больше становится около васъ этихъ чумныхъ, съ которыми не слѣдуетъ вамъ связываться. Чиновникъ долженъ бы испытать тутъ весь ужасъ одиночества, всю непріятность быть на улицѣ, когда она полна разночинцами; но онъ шелъ скоро, ему некогда было разсуждать, онъ спѣшилъ къ цѣли и щупалъ только боковой карманъ мундирнаго фрака, желая, вѣроятно, унять біенье сердца или освѣдомиться не выскочилъ ли его бу-

мажникъ въ Неву. Подъ мышкой у него не было портфеля, даже курьеры съ чемоданами бумагъ, когда попадались ему на встрѣчу, не привлекали его вниманья: такъ охолодѣлъ онъ къ своему ремеслу. Петербургъ просыпался весело: казалось, что никто въ немъ не встанетъ съ постели лѣвой ногой; нѣсколько лучей солнца и все измѣнилось: рѣка, камни, люди и чугунъ, все, кромѣ Андрея Ивановича. Онъ одинъ находился еще подъ вліяніемъ мѣсяца и продолжалъ грозную ночь. Лицо его лоснилось, глаза съёжились, фракъ походилъ на халатъ, а палка на перо. Онъ не смотрѣлъ никуда, его ноги выбирали сами дорогу, онъ проносился по зеркалу тротуаровъ, какъ духъ, котораго не можетъ согрѣть солнце, освѣжить запахъ моря и порадовать только-что выметенная улица. Ему негдѣ было постоять, некуда прислониться, всѣ зданія отталки-

вали его, прелестное утро гнало отовсюду, потому что онъ не оставилъ ничего у себя дома, ничего не спряталъ въ своемъ кабинетѣ, а вынесъ на площадь все имущество своей души, ея заботы, замыслы, надежды, вынесъ цѣлую ночь свою. Она вся была съ нимъ, четко отпечатанная въ его чертахъ. И Петербургъ отказывался отъ него, люди не признавали его за брата, онъ какимъ-то отверженнымъ колесилъ по городу и нигдѣ не встрѣчалъ втораго себя, нигдѣ не осталось унылыхъ слѣдовъ ночи, ни одного предмета, истерзаннаго ея привидѣньями, ни одного лица, измятаго безсонницей. У него подъ глазами богатая столица отвѣчала на всѣ требованья другихъ; другіе находили тотчасъ что̀ имъ по сердцу: тамъ везлись припасы, которые съѣдятся, тамъ бумаги, которыя прочтутся. Петербургъ бодрствовалъ, Петербургъ служилъ, Петер-

бургъ ѣлъ уже. Какое ему дѣло до чужой ночи! онъ и своей не помнитъ, гдѣ ему отыскать ее теперь въ глубокихъ безднахъ роднаго моря? съ минуты на минуту городъ жаднѣе кидался на рынки и становился несноснѣе; едва Андрей Ивановичъ успѣвалъ подойти къ дому,—домъ просыпался, изо всѣхъ оконъ выглядывали какія-то лица, изъ каждой двери высыпали на улицу неугомонныя нужды, новое движенье, новый шумъ, все это прибавлялось, росло и крикъ новорожденнаго дня сильнѣе да сильнѣе преслѣдовалъ несчастнаго. За чѣмъ выскочилъ онъ изъ подъ своего тихаго крова? скоро не найти ему мѣста, скоро лучи солнца заглянутъ во всѣ закоулки и бросятся ему подъ ноги. Онъ торопился предупредить этотъ блескъ, вредный для зрѣнія, и вдругъ, въ пылу убійственнаго эгоизма образованной столицы, наткнулся на что-то однородное

съ собою, встрѣтилъ сочувствіе, нашелъ домъ, для котораго, какъ и для него, утро еще не наступило, домъ, который спалъ. Ни на кровлѣ, ни на окнахъ не было ни одной ослѣпительной полоски, солнце не попортило еще дикаго гранита, домъ стоялъ весь въ тѣни, былъ неприступенъ, важенъ и великъ. Только сердце юноши могло обхватить его и самое молодое воображеніе подняться выше. Андрей Ивановичъ сталъ какъ вкопаный, глаза его уперлись въ стѣну, не смѣя разгуляться по ея огромной площади, которая была ему не по чину и не подъ лѣта. Обязанный службой и семействомъ онъ присмирѣлъ, сморщился. Бѣдность, красавица-жена и почти пятидесяти лѣтній возрастъ на плечахъ придавили его къ землѣ. Домъ былъ построенъ крѣпко, ни туда ни оттуда, казалось, ни входа, ни выхода, казалось, тамъ или много было дѣ-

ла или ужь ровно ничего. Какое жь сношеніе у человѣка, стоявшаго подъ открытымъ небомъ съ человѣкомъ, закупореннымъ въ этихъ стѣнахъ?—Сквозь плотную массу ихъ не льзя разговаривать, ничего не слышно, а Андрей Ивановичъ и не думалъ идти прочь; напротивъ, онъ расположился какъ дома, опять схватился за карманъ, полезъ за пазуху, потомъ, конечно, для большаго удостовѣренія цѣло ли все, вынулъ пакетъ и началъ ворочать его. Такихъ пакетовъ мы не умѣемъ дѣлать въ Москвѣ. Впрочемъ, этотъ не примѣръ: онъ такъ тщательно былъ запечатанъ, изъ такой роскошной бумаги, къ тому же такъ сохраненъ, что даже буря души не измяла и не запачкала его!... Кто не догадается, что тутъ было одно изъ первыхъ сочиненій Андрея Ивановича? игрушка его воображенья, незаконный плодъ его ночи! Тонина пакета показывала, что онъ

пишетъ широкой кистью и набрасываетъ только главныя черты. Почтительно обращались его пальцы съ таинственнымъ пакетомъ, какъ будто предвидѣли, что до него удостоютъ прикоснуться другія руки; какъ будто въ немъ хранились самыя нѣжныя чувства, излитыя въ самыхъ нѣжныхъ стихахъ. Но стихи дѣло не офицерское, на это есть поэты, чиновникъ что ни принимался писать, а вѣрно написалъ просьбу. Такое предположеніе было сообразнѣе съ сущностью обстоятельствъ, тѣмъ болѣе, что онъ едва не на цыпочкахъ ступилъ на крыльцо и вошелъ въ сѣни. Передъ нимъ лѣстница, да куда ведетъ она? надъ нимъ сводъ, да его не достанешь. Никто не загораживаетъ дороги, а идти страшно, а врожденное чувство шепчетъ: «ни шагу впередъ». Въ такомъ положеніи находились богатыри передъ очарованными за́мками: сражаться не съ кѣмъ, нѣтъ

ни души, только въ воздухѣ раздается чей-то голосъ и не велитъ шевелиться. Андрей Ивановичъ не пошелъ прямо, а сталъ поглядывать не льзя ли обойтись ему безъ торжественнаго шествія по парадной лѣстницѣ!... въ сторонѣ была дверь, тихо и скромно добрался онъ до нея, робко дотронулся до замка, и рука у него задрожала: есть такія жь минуты въ жизни каждаго изъ насъ, какая была у Наполеона, когда онъ съ острова Эльбы ступилъ на берегъ Франціи: панъ или пропалъ. Андрей Ивановичъ отворилъ, и ему стало просторнѣй на землѣ. Картина, которая представилась, внушала больше храбрости, чѣмъ картина сѣней. Человѣкъ неизвѣстнаго званія, въ неприличной одеждѣ, съ заспанными глазами, съ всклокбченной головой, чистилъ сапоги и, не смотря на это смиренное занятіе, едва удостоилъ взглядомъ своего гостя въ мундирномъ фракѣ.

Этотъ порывался вступить въ обстоятельный разговоръ, гдѣбъ одно слово вязалось за другое, мысль вытекала изъ мысли, тотъ дѣйствовалъ лаконически:

«Не можете ли вы доставить этотъ пакетъ Его Превосходительству?»

—Его Превосходительство на дачѣ.—

«Вѣдь онъ каждое утро изволитъ пріѣзжать».

—Что жь, вы все несите туда.—

«Пакеты, кажется, принимаются здѣсь».

—Принимаются, да не я ихъ принимаю...

Андрей Ивановичъ никогдабъ не кончилъ, еслибъ не прибѣгъ къ об-

щеупотребительному средству; онъ, не въ примѣръ другимъ, принесъ жертву, которая инымъ не въ привычку; онъ служилъ давно и рисковалъ своей собственностью въ надеждѣ, что получитъ то, чего проситъ.

Чрезъ нѣсколько дней велѣно было ему явиться къ начальнику въ 10 часовъ утра.

IV

Чрезвычайно пріятно дожидаться въ пріемной дѣловаго человѣка!.. Тутъ между новыми лицами, между жителями особенной части свѣта, вы встрѣчаете и старыхъ знакомыхъ, ихъ, кого столько разъ видали и привыкли ви-

дѣть на улицахъ, на балахъ, по гостиннымъ, по ресторяціямъ!.. тутъ въ нѣсколько минутъ вы можете исправить ложныя мнѣнія, составленныя вами о людяхъ. Одинъ являлся вездѣ и вѣчно съ шумомъ да съ крикомъ и вы думали про него: какой безпокойный и опасный человѣкъ! другой оскорблялъ васъ прыткостью лошадей, скакалъ мимо, какъ будто хотѣлъ сломить голову и вы воображали: этому жизнь копѣйка! Все что̀ пугало васъ: страшный ростъ, страшный чинъ, блескъ ума, непреклонность сердца, всѣ, которые буйствуютъ на гуляньяхъ, превозносятся въ гостинныхъ, величаются передъ подчиненными, тѣшатся надъ лакеями, такъ смѣло любезничаютъ съ дамами, что завидно; такъ крѣпко стоятъ, что, кажется у ихъ ногъ есть дубовые корни; такъ громко проповѣдуютъ, что ужь конечно не уступятъ ни вершка изъ своихъ завѣтныхъ убѣжде-

ній; всѣ эти юныя головы, бѣшеные глаза, широкія плечи и угрюмые усы, всѣ, кого считали вы такими вѣтренниками, что ихъ можетъ осчастливить только женская улыбка и приманить одинъ женскій взглядъ; всѣ, кого не льзя умилостивить кучами золота и совратить съ пути истины никакимъ краснорѣчіемъ.... Души, очищенныя свѣтомъ наукъ и души, грязныя невѣжествомъ.... о, вы помиритесь съ ними, вы ихъ полюбите, вы признаете въ своихъ ближнихъ своихъ братьевъ, вы увидите, что они не такъ легкомысленны, какъ кажутся, не такъ вспыльчивы, чтобъ не могли владѣть собой и не такого гранитнаго свойства, чтобъ не разстаяли на солнцѣ. Сладко воротиться отъ заблужденій, исправиться отъ зависти и улучить въ жизни минуту, когда имѣешь право не свидѣтельствовать никому почтенья; сладко съ наглыхъ улицъ, изъ великолѣпныхъ

залъ и даже съ Петербургской стороны перенестись въ пріемную!... какой ровный свѣтъ, какая тишина, какіе открываются миротворные звуки въ человѣческомъ голосѣ, какая легкость движеній, что́ за воздушная походка! Андрей Ивановичъ давнымъ давно наслаждался, потому, что стоялъ у притолоки съ незапамятныхъ временъ. Это былъ не тотъ несчастный для начальниковъ день, въ который ломится къ нимъ всякій, и кому нечего ѣсть, и кто сытъ по горло, и кого ограбили, и кто награбилъ. Это было не то ужасное утро, когда мало еще, что они вытерпливаютъ неисповѣдимую безсмыслицу просьбъ, позволяютъ дерзкому человечеству проявлять свой эгоизмъ, бормотать дрожащимъ языкомъ о своихъ желаньяхъ, о своемъ голодѣ и о своихъ прихотяхъ; когда мало, что они находятся въ необходимости отворачиваться безпрестанно то отъ слезъ,

то отъ глупости, уничтожать просителей или взглядомъ или словомъ, но должны еще насладиться свиданьемъ съ вѣжливыми и чувствительными людьми, съ тѣми, кому нѣтъ до нихъ другаго дѣла, кромѣ сердечной потребности, духовнаго влеченья, кому только и нужно, что пріѣхать, постоять, поклониться и поклономъ отвести душу. А потому пріемная не напоминала нисколько вавилонскаго столпотворенія; все въ ней на этотъ разъ было просто, обыкновенно, неразнообразно; всѣхъ можно было оглядѣть на просторѣ съ ногъ до головы и вывесть заключенія, свойственныя мыслящему человѣку. Андрей Ивановичъ находился не въ многочисленномъ обществѣ, а между тѣмъ стоялъ у притолки такъ плотно, какъ будто испытывалъ давленіе массъ. Цвѣтъ невинности и цвѣтъ грѣха, бѣлый и темнозеленый давали пріятный характеръ его одеждѣ. Онъ прибрался по

воскресному, онъ пришелъ въ гости и платье у него было вычищено съ особенной тщательностью, волосы причесаны глаже обыкновеннаго, а бѣлый галстукъ былъ завязанъ самымъ уютнымъ бантикомъ. Не смотря однакожь на такое стараніе сохранить во всемъ чистоту, приличіе, мѣру, не смотря на умѣнье и скромно повязаться, и развѣсить всѣ свои права на гордость, не льзя было сказать, что это праздникъ у Андрея Ивановича. Любовь къ женѣ, сила воли или алчность воображенья перенесла его изъ затишья Невы въ самый разливъ Петербурга, — онъ очутился наконецъ въ сердцѣ этого зданія, мимо котораго со времени своей женидьбы не могъ пройти равнодушно.... всѣ дома̀ какъ дома̀, этотъ одинъ тревожилъ несчастнаго, на этотъ одинъ косился онъ и заглядывался всякій разъ.... грозилъ ли ему опустошеньемъ, старался ль напитаться впечатлѣ-

ніями неправды, чтобъ сильнѣе выразить свои жалобы небу?... робко, полупристально, болѣзненно озирались глаза Андрея Ивановича; съ непривычки онъ можетъ быть искалъ тутъ чего нибудь похожаго на свою уютную квартиру, какой нибудь нити родства у начальника съ подчиненнымъ, искалъ птицы, подъ пару своему соловью... но все было ново, дико, непріязненно, все какъ-то не такъ какъ у людей. Ни одна мысль его не могла подняться до этого высокаго потолка, ни одно чувство не приходилось въ пору по величію этихъ стѣнъ и оконъ. Было гдѣ отдохнуть отъ письма, разломать свои члены, но этотъ просторъ казался ему видно также пріятенъ, какъ широкая степь въ метелицу. Хотя почти на всѣ предметы онъ осмѣлился взглянуть изъ подтишка, самымъ учтивымъ образомъ, однакожь одна дверь осталась неприкосновенной: на нея не

достало у него духу обратить свое дерзкое любопытство. Другіе, кто былъ въ комнатѣ, обходились съ этой дверью также осторожно; всѣ взгляды, даже и тѣ, гдѣ болѣе чѣмъ у Андрея Ивановича обнаруживалось способности къ геройству, скользили только по ней, ни одинъ не смѣлъ упереться въ нея. Дверь огромная, дверь по росту великановъ, которые когда-то хотѣли вскарабкаться на небо. Тяжело висѣла она на своихъ позолоченыхъ петляхъ, блисталъ ея бронзовый замокъ. За нею было тихо, за нею молчанье гробовъ; она заслоняла какой-то чудный міръ, откуда не приносилось ни звуковъ человѣческаго голоса, ни шороха человѣческихъ ногъ.

Тамъ тянулся безпредѣльный рядъ комнатъ, тамъ начиналось серебряное или золотое царство, гдѣ устанешь ходя, а не встрѣтишь ни души, не оты-

щешь сердца, которое-бъ билось; тамъ также кто нибудь коптѣлъ надъ письмомъ или въ недоступномъ уединеніи чистилъ ногти, погруженный въ черную магію своей силы. Испуганный ужасающими размѣрами дома, Андрей Ивановичъ принялъ рѣшительное намѣренье не смотрѣть на эту грозную дверь, чтобъ сохранить остатокъ мужества и присутствіе ума, необходимое въ такихъ обстоятельствахъ. Глаза его перестали бродить по сторонамъ, а, слѣдуя уже самому естественному направленію, уставились прямо. Передъ ними очутился не мертвый предметъ, не пища для мечты, не запертая дверь, которая разгорячаетъ воображеніе и разслабляетъ душу, а два живыхъ существа. Андрей Ивановичъ стоялъ, они сидѣли, Андрей Ивановичъ въ бѣломъ галстукѣ, они въ черныхъ. Эти два посѣтителя до того погрузились въ свой разговоръ и въ самихъ себя, что

повидимому не имѣли ни малѣйшаго понятія, есть ли кто еще въ этой комнатѣ и въ цѣломъ домѣ. Имъ не случилось ни разу повернуть головы на труженика службы; однакожь съ той минуты, какъ онъ обратилъ на нихъ свою почтительную наблюдательность, небольшая перемѣна послѣдовала въ ихъ особахъ. Они почувствовали, вѣроятно, присутствіе жертвы, которую можно растерзать, а потому одинъ изъ нихъ важнѣе положилъ ногу на ногу, другой развалился въ креслахъ. Тотъ, кто былъ старше, сидѣлъ чинно, его благородная осанка показывала, что онъ понялъ жизнь, заглянулъ на ея дно и увидалъ, что не изъ чего хлопотать. Сѣдые волосы внушали почтеніе, правильныя черты лица выражали безстрастіе мудрости, тѣло было уже такъ тучно, что даже не имѣло возможности изворачиваться въ свѣтѣ съ тою угодительной легкостью, какая

необходима искателямъ счастія. Онъ чрезвычайно медленно вертѣлъ свою табакерку и чрезвычайно степенно слушалъ своего собесѣдника. Андрей Ивановичъ казнился, Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на него съ ужасомъ; старикъ обращался съ этой комнатой, какъ тотъ съ своей квартирой; онъ сидѣлъ и не удивлялся, что сидитъ; онъ приросъ къ кресламъ, онъ, того и гляди, что останется въ нихъ обѣдать и послѣ обѣда отдыхать; міръ разрушится, а старикъ этого не замѣтитъ, отворится дверь, а онъ не пошевелится. Молодой блисталъ лѣтами, безпечностью неопытнаго сердца, бѣлокурые волосы вились неправильно на его беззаботной головѣ, щеки горѣли румянцемъ; онъ весь былъ невинность, забвенье, свобода; онъ не зналъ, что есть на свѣтѣ чины, ордена, деньги и безденежье; онъ дышалъ модой, его окружала атмосфера нарядныхъ дамъ, блестящихъ ба-

ловъ, онъ раскидывался на креслахъ съ такою изнѣженностію, что вѣрно несъ вздоръ своему знакомому,... а между тѣмъ бѣдный чиновникъ, по ихъ милости, не зналъ куда дѣвать свои глаза: стѣны и люди внушали равное благоговѣніе.... ихъ черные галстухи, ихъ неприличные поступки, искаженіе всѣхъ обрядовъ, которымъ выучился онъ на службѣ и которыхъ идеалъ представляла его одежда... ахъ, это были пріятели, друзья, братья начальника, ахъ это были, конечно, сами начальники.... но вдругъ за дверью зазвѣнѣлъ калокольчикъ, Андрей Ивановичъ потеръ рукою по волосамъ, чтобъ были поглаже и вмѣстѣ съ тѣмъ перевелъ духъ... онъ съ отчаянья смотрѣлъ еще на прежнее мѣсто, но прежнее видѣнье исчезло, тамъ не было ни воздушнаго юноши, ни разочарованнаго мудреца; тамъ давнымъ давно никто не сидѣлъ; важные люди провалились

сквозь землю, а на мѣстѣ ихъ стояли такіе же АндреиИвановичи; ноги ихъ не двигались ни взадъ ни впередъ, а все шевелились, какъ будто имѣли обязанностъ волноваться за одно съ душою, какъ будто спрашивали: «куда прикажете?» Кто-то бросился въ дверь, но при этомъ общемъ смятеніи не льзя было различить кто именно; въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ легко ошибиться и принять камердинера за чиновника, а чиновника за камердинера. Тревога была фальшивая. Старикъ и молодой усѣлись опять, но уже понапрасну: Андрей Ивановичъ отмѣнилъ вытяжку; онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, началъ и самъ прохаживаться на пространствѣ аршина; для него не было уже въ этой комнатѣ дикихъ звѣрей, только въ душѣ у него гнѣздилась дума, способная поглотить цѣлое существованье человѣка. Всѣ перебывали за дверью, всѣ возвращались оттуда съ явнымъ

расположеніемъ или насвистывать водевиль или задушить своего подчиненнаго. Оставалась очередь за чиновникомъ.

Въ комнатѣ становилось просторнѣй да просторнѣй, и наконецъ она до того опустѣла, что, еслибъ была ночь, то онъ испугался-бъ самаго себя.

Долго пришлось ему томиться въ пустынѣ приемной.

«Пожалуйте» сказали и ему.

И для него отворилась дверь.

Андрей Ивановичъ былъ не философъ. Онъ въ продолженіе жизни не работалъ надъ своей душой, чтобъ приучить ее къ хладнокровному созерцанію человѣческаго величія. Онъ даже подъ старость не вѣрилъ еще, что все это суета. Ему некогда было упражняться

въ мужествѣ и не у кого учиться неустрашимости. Въ статской службѣ не то, что въ военной, все однѣ перья, нѣтъ ни пуль, ни ядеръ, нѣтъ охотниковъ лѣзть грудью впередъ и хоть одному да вспрыгнуть на баттарею, а потому и не настоитъ особенной надобности храбриться. Андрей Ивановичъ не бился головой объ стѣну, чтобъ лично для себя, изъ собственнаго удовольствія вырвать съ корнемъ изъ своей груди какое нибудь непристойное чувство: онъ, по примѣру другихъ, пускалъ свое сердце на волю Божью, это негодное сердце, которое становится шире въ присутствіи 14-го класса и ёжится передъ генераломъ. Слѣдовательно, можно вообразить въ какомъ положеніи находились его руки, ноги, глаза, цѣлый станъ, цѣлый образъ Божій, когда онъ шагнулъ въ дверь и очутился въ генеральской ат-

мосферѣ. Передъ нимъ также кабинетъ, также приютъ труда, но въ другомъ родѣ. Солнце свѣтило въ огромныя окна. Что-то веселое, какая-то радость оживляла угрюмую картину богатства. Не одни люди убрали этотъ кабинетъ, само небо было къ нему милостивѣй, чѣмъ къ кабинету подчиненнаго и посылало для освѣщенія гораздо больше лучей. Посерединѣ стоялъ длинный столъ, уложенный книгами и бумагами. Много блистало на немъ подсвѣчниковъ съ разными выдумками въ пользу драгоцѣннаго зрѣнія, много затѣй для каждой прихоти и отвѣтовъ на каждую мысль. Не отодвигаясь отъ него, не шевелясь съ креселъ, можно было все счесть, все смѣрить, все узнать, обо всемъ справиться, проглотить вкратцѣ всю премудрость человѣка, всю подноготную важныхъ занятій и выдти на Божій свѣтъ въ полномъ вооруженіи, какъ

Минерва изъ головы Юпитера. Чего не поймешь, можно было велѣть, чтобъ поняли; чего не захочешь понять, потому что иногда длинно, велишь сдѣлать извлеченіе. Всякій листъ бумаги написанъ четко, черными чернилами; какая вещь ни попадется подъ руку, все это перламутръ, золото, все это изъ Англіи да изъ Франціи, такъ что, по чувству приличія, тутъ не ловко бы бесѣдовать о народности. Ландкарты французскія, книги французскія, гравюры, литографіи французскія, коверъ англійской, съ перваго взгляда русскаго только и было что Андрей Ивановичъ, да и тотъ находился въ такомъ ненаціональномъ расположеніи духа, что со страху могъ легко заговорить по иностранному. На столѣ стояли еще великолѣпные часы и портретъ женщины, которая своими чертами одушевляла, вѣроятно, работу. Приятно въ

начальникѣ изліяніе чувствительности, приятно, когда надъ сухимъ и часто безчеловѣчнымъ трудомъ мужчины, носится женскій образъ, не отлетаетъ добрый ангелъ. Кто входилъ, тому не льзя было видѣть портрета. Андрей Ивановичъ сдѣлалъ шагъ, ступилъ на мягкій коверъ и занялъ своей особой такое маленькое пространство, что, еслибъ взглянули тутъ на него послѣдователи Мальтуса, то согласились бы, что, какъ люди ни размножайся, имъ никогда не будетъ очень тѣсно. Эта робость, это смущеніе, это чиноночитаніе, которыя онъ внесъ съ собою въ комнату, не подавили однакожь въ немъ природнаго инстинкта. Что ни происходило у него на душѣ, а онъ не растерялся, онъ дебютировалъ и между тѣмъ отгадалъ чувствомъ; гдѣ что находится въ этой невѣдомой сторонѣ, куда слѣдуетъ при входѣ обернуться, въ какой уголъ направить

глаза. Положимъ, что картины, бюсты, произведенія искусства не могли ослѣпить его, положимъ, что онъ былъ не женщина и не могъ ни на секунду заняться бездѣлками роскоши, но какой же духъ шепнулъ ему: не гляди ни минуты на готическія кресла, стоящія передъ столомъ, не соблазняйся ничѣмъ что тебѣ представится, не ищи себѣ подобнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ вѣчно находилъ ты пишущихъ людей, а взгляни прямехонько на право, тамъ, въ дали, въ глубинѣ... онъ то и сдѣлалъ; мысль и лучъ его глаза, какъ самая мѣткая пуля, отправились тотчасъ въ цѣль, упала какъ молнія на главный предметъ, и въ одно мгновеніе встрѣтилась съ бархатнымъ сюртукомъ и человѣческой спиною. Хозяинъ кабинета писалъ, стоя.—Присутствіе новаго лица не обеспокоило его. Онъ продолжалъ писать. Андрей Ивановичъ блѣднѣлъ, лице его сливалось

съ бѣлымъ галстукомъ, а тѣло съ воздухомъ, потому что ни того ни другаго вовсе не было слышно. Часъ отъ часу становилось ему страшнѣе. Молчанье вещь ужасная. Мы-бъ перестали бояться звѣрей, еслибъ они хоть немножко разговаривали.

Вдругъ изъ за спины послышалось:

«Что вамъ угодно отъ меня?»

Хотя Андрей Ивановичъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые смиренно отказываются отъ всякой дѣятельности и, вопреки своему призванью, погребаютъ себя въ праздности и ничтожествѣ, только-бъ не пришлось имъ бесѣдовать съ чьей нибудь спиною, однакожь этотъ спинной вопросъ смѣшалъ и его.

—Ваше Превосходительство—прого-

ворилъ онъ Богъ знаетъ уже какимъ голосомъ и запнулся. Опять послѣдовало молчанье. Начальникъ положилъ перо и оборотился. Это былъ мужчина средняго роста, лѣтъ сорока, съ привлекательной осанкой, съ благороднымъ выраженіемъ въ лицѣ. Его черты, нѣга его движеній показывали человѣка мастерски воспитаннаго, высоко образованнаго, человѣка, принадлежащаго большому дому, отборному обществу, міровымъ идеямъ. Онъ былъ такъ изященъ, что вѣрно не видывалъ въ глаза ни одного мужика, и если при самомъ началѣ оказалъ неважному человѣку маленькую неучтивость, то это была не его вина: занятія, власть, привычка, обстоятельства, да и сами подчиненные... онъ пошелъ къ столу, приятно разгоряченный своей работой, пошелъ важно, небрежно, въ забытьи, а Андрей Ивановичъ въ это время твердилъ у дверей урокъ той мучи-

тельной ночи, когда клалъ за пазуху кончики пальцевъ и вытягивался какъ солдатъ; Андрей Ивановичъ превратился въ магнитную стрѣлку, и тихо, непримѣтно, не двигаясь съ мѣста, все вертѣлся къ своему дорогому сѣверу по пословицѣ: гдѣ мило тамъ глаза, но напрасно. Онъ не могъ добиться чтобъ замѣтили его. Природа, на зло ему, сотворила его добродѣтельнымъ, дала силы помогать многимъ, когда они ничего не дѣлаютъ и не дала средствъ мѣшать имъ, когда они заняты. Хозяинъ кабинета прохаживался, нюхалъ табакъ, смотрѣлъ въ потолокъ, то мѣрилъ глазами своего гостя, то наблюдалъ его лобъ, то глядѣлся въ его пуговицу, словомъ, былъ чрезвычайно милостивъ, только молчалъ.

Андрей Ивановичъ конечно догадывался, что такой скромности требу-

ютъ дѣла службы, нетерпящія отлагательства.

«Да что жь вы молчите?» спросилъ начальникъ съ живостію, которая показывала, что онъ вспомнилъ свою обязанность и почувствовалъ наконецъ надобность выгнать Андрея Ивановича.

—Ваше Превосходительство—проговорилъ этотъ во второй разъ и впалъ въ уныніе. Приятно быть причиной такого страха, приятно стоять передъ тѣмъ, у кого отъ васъ не ворочается языкъ. Важныя мысли, бремя занятій, гордость сана слетѣли съ лица начальника; онъ облокотился о столъ и какъ то разнѣжился; тѣло его сдѣлалось гибче, глаза добрѣе, онъ быстро перешелъ отъ совершеннаго пренебреженія къ ласковому вниманью и вѣжливо обратился къ Андрею Ивановичу, какъ

будто сжалился надъ нимъ или узналъ въ немъ стараго знакомаго, за котораго мучаетъ совѣсть.

«Да такимъ образомъ, я никогда не добьюсь зачѣмъ вы просили меня видѣть; я занятъ, вы пожалуста, не держите жь меня, скажите.»

—Ваше Превосходительство, я служилъ ....

«Чтожь, развѣ вы не довольны службой?» Начальникъ сѣлъ, повалился на спинку готическихъ креселъ, вывернулъ ладони и, зѣвая отъ усталости, вытянулся.

—Помилуйте, Ваше Превосходительство, какъ можно быть недовольнымъ! . . . я хотѣлъ доложить, что служу почти тридцать лѣтъ ....

«Ну хорошо, что жь далѣе?» ....

По мѣрѣ того какъ начальникъ становился добрѣе, терпѣливѣе и вникалъ въ нужды своего подчиненнаго, по мѣрѣ того этотъ дѣлался развязнѣй. Руки у него начинали при иномъ словѣ отдѣляться отъ стана, въ глазахъ замѣчалась дерзость, ноги выходили изъ границъ.

—Ваше Превосходительство, я по мѣрѣ силъ трудился и тружусь; я довольствовался кускомъ хлѣба, другіе получали, можетъ быть, за службу болѣе, но я думалъ: Богъ съ ними, только-бъ быть сыту, да по мѣрѣ возможности быть полезну, а тамъ что Богъ дастъ.—

Такой нравственный образъ воззрѣнія на вещи поставилъ начальника въ положеніе извѣстнаго Отелло, когда этотъ спрашивалъ у своего друга: къ чему клонится рѣчь сія? душа его видимо начинала возвращаться въ то

первобытное состояніе, въ которомъ поворачивала спину, но Андрей Ивановичъ уже подрумянился.

Ваше—Превосходительство—сказалъ онъ съ небольшимъ напоромъ голоса, и этотъ титулъ былъ уже не просто учтивость или подобострастіе, а риторическая фигура повторенія, чтобъ усилить рѣчь.

—Я на службѣ дожилъ до сѣдыхъ волосъ, имѣлъ счастіе получить эти знаки отличія, первый приходилъ въ отдѣленіе, послѣдній уходилъ, дома не имѣлъ времени пропустить въ горло куска хлѣба, не зналъ ночей, все умиралъ надъ дѣломъ и не жаловался, да и на меня никто не пожалуется; теперь же пришлось высказать правду, неволя говоритъ, Ваше Превосходительство.

«Да что жь она говоритъ?» вскрик-

нулъ начальникъ полу-сердито; но чиновникъ пришолъ уже въ такое нервное состояніе, что не могъ оробѣть. Какъ лошадь, которая закусила удила, какъ трусъ, котораго вывели изъ терпѣнія, онъ самъ вскрикнулъ въ томъ же тонѣ:

—Ваше Превосходительство, вы меня обидѣли, чувствительно обидѣли.— Начальникъ всталъ, смѣрилъ его глазами съ ногъ до головы и взглянулъ пристально ему въ лицо, какъ будто хотѣлъ дознаться кто передъ нимъ, великій человѣкъ или безумный. Дерзкое обвиненіе, ѣдкія слова правды или наглость лжи изумили его, онъ потерялся, и точно не зная что дѣлаетъ, съ кѣмъ говоритъ, спросилъ тихо, разсѣянно:

«Чѣмъ?»

Андрей Ивановичъ улыбнулся и горько и зло.

—Гмъ!... чѣмъ? вы не знаете!.... у нашего брата въ жизни какая цѣль? было бы какъ придешь домой, гдѣ отогрѣться, уголъ гдѣ прилечь, да было бы съ кѣмъ перемолвить слово, раздѣлить по поламъ горе и бѣдность. Ваше Превосходительство, грѣхъ не пощадить сѣдыхъ волосъ, отнять у нищаго рубашку; у васъ столько денегъ, что, если ихъ раздѣлить по нашей братьи чиновникамъ, такъ каждому придется вдоволь; въ этой одной комнатѣ столько сокровищъ, что тысяча такихъ, какъ я, завтра-бъ... вамъ мало!... да, Боже мой, возьмите себѣ все, деньги, почести, я одной милости прошу, я прошу немногаго, оставьте мнѣ подъ старость мою милую жену.—

Слезы брызнули изъ глазъ Андрея Ивановича. Слезы трогаютъ, слезы льстятъ, слезы увѣряютъ васъ, что вы богатырь, а что другой ребенокъ; сле-

зы сильное оружіе, отъ того-то съ женщинами и не должно сражаться.

Андрей Ивановичъ воспользовался своимъ расположеніемъ къ чувствительности.

«Ты сумасшедшій» сказалъ начальникъ довольно умѣренно.

—Нѣтъ, Ваше Превосходительство, я въ полномъ умѣ, но есть отъ чего сойти!... въ чемъ моя вина? что у меня жена молода, что у меня жена красавица! я все знаю, она бредитъ вами... вы бъ вечеромъ, когда ложитесь въ постель покойны, счастливы, богаты, въ чинахъ, вы бъ спросили что̀ онъ дѣлаетъ, что̀ дѣлаетъ бѣдный человѣкъ, у котораго, если вы захотите не будетъ завтра ни постели, ни куска хлѣба!... бываютъ такія тихія ночи, что, кажется, нѣтъ никого на землѣ, ктобъ не

спалъ пріятно, а мнѣ приходится бѣжать изъ дому, кинуться въ Неву или разбить голову о какой нибудь памятникъ; а я ворочаюсь, не знаю, на какой бокъ лечь, а я слушаю, какъ она во снѣ повторяетъ безпрестанно имя Вашего Превосходительства.

«Да что ты? откуда ты? съ чего ты взялъ?» вскрикнулъ начальникъ. У него въ голосѣ слышались уже отзывы той бури, которая копилась въ душѣ. Онъ невиненъ—сказалъ бы одинъ; онъ изучилъ дѣла и знаетъ, что ни въ какомъ случаѣ не должно признаваться, сказалъ бы другой.

Недоумѣнье, непонятливость, любопытство, всѣ эти отрицательныя чувства, подъ которыя легко поддѣлаться, изобразились и перепутались въ его чертахъ. Онъ стоялъ въ странномъ оцѣпенѣніи, онъ, можетъ быть, хотѣлъ

лучше показаться смѣшнымъ, прикинуться глупымъ и съ удивительной наблюдательностью глядѣлъ въ глаза Андрею Ивановичу, не мутны ли они? но эти глаза сдѣлались живѣе, чище, но это круглое, мирное лицо воспламенилось. Оно также запылало благородствомъ, схороненнымъ на днѣ каждой души.

—Ваше Превосходительство, началъ опять оскорбленный мужъ нѣсколько плаксивымъ голосомъ, который разрушалъ отчасти очарованіе его воспламененнаго лица.—На кого вы напали? Чѣмъ мнѣ отъ васъ защититься? Какая безумная предпочтетъ меня вамъ? да и по дѣломъ мнѣ.—Андрей Ивановичъ рванулъ себя за волосы.—Тебѣ бы писать да писать, тебѣ бы коптѣть надъ дѣломъ, тебѣ бы околѣть надъ проклятыми бумагами, а то вотъ еще что вздумалъ!... жениться!... Вотъ

тебѣ молодая жена, вотъ тебѣ жена красавица! — Клокъ волосъ остался у него въ рукѣ.

Начальникъ вложилъ пальцы одни въ другіе, прижалъ ихъ легонько къ груди, наклонилъ голову немного впередъ, посмотрѣлъ на чиновника молча, потомъ тихо, препокойно, въ совершенномъ отчаяньи спросилъ:

«Какая жена? что ты за человѣкъ? шутка это, что ли? Научилъ тебя кто, или самъ ты выдумалъ? ради Бога, скажи, покуда я не потерялъ терпѣнья и не отправилъ тебя въ желтый домъ».

—Ваше Превосходительство не страшайте; я зналъ на что шелъ, жить или умереть мнѣ все равно: она бредитъ Вашимъ Превосходительствомъ, не запирайтесь.

«Вонъ!» закричалъ начальникъ полнымъ голосомъ, кинулся къ Андрею Ивановичу и за одинъ шагъ отъ него, едва могъ удержать себя. Человѣкъ свѣтскій, не столько чувствительный къ обидной мысли, какъ къ обидному выраженію, онъ выносилъ разнаго рода неучтивыя обвиненія въ дурномъ поступкѣ, но не въ силахъ былъ вынести грубаго слова. Онъ посягнулъ на единственное утѣшеніе темнаго труженика, отнялъ у него послѣднее счастіе, онъ внесъ раздоръ въ бѣдный домъ, въ беззащитную семью, это бы ничего, отъ такихъ упрековъ не страдаетъ гордость, напротивъ.... но едва съ неловкаго языка сорвалось: «не запирайтесь,» какъ вся кровь бросилась ему въ лицо и залпъ его бѣшенства мигомъ обратилъ Андрея Ивановича въ первобытное состояніе. Бездна, которую этотъ наполнилъ было глубокимъ человѣческимъ чувствомъ

опять раскрылась передъ ними, опять длинный рядъ чиновъ раздвинулъ ихъ на неимовѣрное разстояніе. Андрей Ивановичъ прибралъ свои руки и ноги, потушилъ жаръ своей души и, какъ Сильфида, скользнулъ въ дверь, но повернувшись, улыбнулся про себя такъ двусмысленно, такъ зло, такъ надменно и самоувѣренно, какъ будто надѣялся поступить на ваканцію какого нибудь дьявола.

«Вонъ!» кричалъ ему въ слѣдъ начальникъ, недовольный, видно, его расторопностью.

Дверь затворилась. Гость отправился. Хозяинъ кабинета остался одинъ и остался на томъ же мѣстѣ, держалъ себя за голову, смотрѣлъ туда, гдѣ явился и исчезъ передъ нимъ призракъ чиновника. Утомленный продолжительнымъ терпѣньемъ, онъ наконецъ вы-

шелъ изъ себя, далъ себѣ волю, закинулъ руки на спину и бросился ходить по комнатѣ, чтобъ вѣроятно быстротой движенья, успокоить взволнованную душу, излить наружу свое справедливое негодованье и свой всемогущій гнѣвъ. Щеки его были необыкновенно красны, глаза сверкали. Первые шаги показывали совершенную рѣшимость не разбирать праваго съ виноватымъ, не разсуждать, не вникать въ дѣло, а сердиться. Это былъ или благородный порывъ противъ клеветы или порывъ нетерпимости противъ благородства. Всякое чувствительное сердце испугалось бы за Андрея Ивановича. Но нѣтъ такого положенія, нѣтъ, слава Богу, такой грозы на землѣ, чтобъ вовсе не видно было свѣта, чтобъ гдѣ нибудь не прокрался тонкій лучь надежды. Неистово ходилъ хозяинъ кабинета и между тѣмъ вмѣсто впечатлѣнія ужаса, походка

его, страшно сказать, имѣла въ себѣ что-то смѣшное. Быстро шагалъ онъ и вдругъ также быстро останавливался передъ бюстомъ, передъ стуломъ, особенно передъ дверьми, задумывался, покачивалъ головой, протягивалъ руки впередъ, пожималъ плечами.... Въ одну изъ этихъ нѣмыхъ сценъ, онъ не утерпѣлъ, не смогъ больше размышлять молча, жесты увлекли его языкъ, мысль вырвалась изъ души и онъ проговорилъ громко: «жена красавица!...» но эти слова еще пуще осердили его, онъ еще скорѣе отбѣжалъ отъ дверей. Такая скорость была однакожь, не въ его характерѣ, не въ духѣ его воспитанья, не въ нравахъ общества, къ которому онъ принадлежалъ. А потому, когда въ другомъ углу комнаты раздалось опять: «жена красавица!» ноги его начинали уже нѣжнѣе прикасаться къ Англійскому ковру. Предвидѣлъ ли Андрей Ивано-

вичъ этотъ переходъ отъ движеній самыхъ неправильныхъ въ самую изящную природу? зналъ ли онъ заранѣе, что глава его не можетъ долго бѣгать по кабинету, какъ какой нибудь неблаговоспитанный неучъ? Изучилъ ли онъ до того человѣческое сердце, что нашелъ людей добрѣе, чѣмъ ихъ представляютъ, и понялъ глубокій смыслъ пословицы: гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость?

Въ комнатѣ стало весело попрежнему, не было ни лица, ни чувства въ раздорѣ съ прекрасными лучами солнца; никто не ропталъ на судьбу, не плакался на людей, не надоѣдалъ несчастіемъ, никто несносными жалобами не отравлялъ благоуханнаго воздуха роскоши. Начальникъ ходилъ еще, только руки его были уже въ боковыхъ кармапахъ бархатнаго сюртука. Голова наклонилась на одно плечо,

глаза поднялись вверхъ; какія-то мечты носились надъ нимъ подъ потолкомъ, въ какую-то прекрасную будущность онъ погружалъ свои взгляды.... душа его строила воздушные зàмки и полу-сонно, смѣло, съ явной наглостью любовалась чудными сокровищами, которыя ей грезились, какъ любуются тѣ, у кого есть довольно власти, чтобъ завладѣть ими, или довольно денегъ, чтобъ ихъ купить. Но вдругъ онъ схватился за колокольчикъ и позвонилъ. Человѣку положительному, человѣку искушенному опытомъ жизни, вздумалось конечно повѣрить міръ мечты міромъ дѣйствительнымъ, захотѣлось образумить себя и узнать, сохранитъ ли онъ, въ соприкосновеніи съ существенностью, здравое понятіе о томъ, что слышалъ и чѣмъ забавлялось уже его избалованное воображеніе!

Вошелъ кто-то въ родѣ Андрея Ивановича.

«Онъ давно служитъ?» спросилъ начальникъ. Вопросъ не имѣлъ надлежащей ясности, но иному дается привиллегія быть темнымъ; иной, какими гіероглифами ни пишетъ, на какомъ Коптскомъ языкѣ ни пробормочетъ нѣсколько звуковъ, а найдется ужасъ сколько такихъ, что все поймутъ. По этому, за вопросомъ послѣдовалъ какъ молнія и отвѣтъ.

— Давно, Ваше Превосходительство.

«У него большая семья, много дѣтей, онъ вдовъ?» продолжалъ спрашивать хитрый начальникъ и продолжалъ скоро, строго, угрюмо, съ пренебреженіемъ. Этотъ образъ спрашиванья, эта суровость необходимы при разговорѣ о большомъ количествѣ дѣтей и вообще въ дѣлахъ требующихъ приличнаго состраданія и чувствительности. Хозяинъ кабинета имѣлъ видъ, что при-

нимаетъ во вдовцѣ, обремененномъ многочисленнымъ семействомъ, такое сердечное участіе, что даже сердится на свою слабость. Тотъ, кого такъ безжалостно закидалъ онъ вопросами, кто долженъ былъ знать всю подноготную каждаго предмета, который подвернется на глаза Его Превосходительству, смѣшался. Да какъ и не смѣшаться, когда въ первый разъ отъ роду придется противорѣчить? Понизивъ голосъ и въ недоумѣньи такъ ли понялъ, о томъ ли говоритъ, не смѣя ничего утверждать и не смѣя однакожь отрицать вполнѣ цѣлый вопросъ, онъ возразилъ сомнительно только на одинъ его пунктъ.

—У него нѣтъ-съ дѣтей.—

«Какъ нѣтъ?» сказалъ начальникъ помягче. «Я спрашиваю вотъ о томъ, что сей часъ вышелъ.»

— Онъ женатъ на первой и не очень давно, Ваше Превосходительство.

«Не очень давно?.. да ужь ему... да онъ мнѣ показался въ такихъ лѣтахъ... » Начальникъ улыбнулся и замялся, какъ будто не хотѣлъ уязвить слабаго своей могучей эпиграммой.

Подчиненный потупилъ глаза въ землю, скромность запрещала ему выказать, какъ весело было у него на сердцѣ отъ такого милостиваго разговора, однакожь, онъ принялъ на себя дерзость усмѣхнуться.

—Да еще какую выбралъ, Ваше Превосходительство! красавица, и такая молоденькая!...

Начальникъ опять надулся.

«Тамъ никого еще нѣтъ?»

— Никого-съ.

« Хорошо».

Одинъ ушелъ, другой кинулся въ сторону, наткнулся на великолѣпную гравюру: пиршество Балтазара и началъ безпрестанно нюхать передъ нею табакъ, началъ разглядывать ее съ полнымъ, повидимому, уваженьемъ къ созданью живописца и къ отличной работѣ гравёра.

Этотъ огромный, безконечный дворецъ, эти огненныя, непостижимыя слова, написанныя невѣдомыми пальцами, этотъ блескъ, отъ котораго потускнѣли тысячи свѣтильниковъ и курильницъ, царь и его наложницы, сосуды, похищенные изъ Іерусалима и наполненные виномъ разврата, мелкая толпа раздавленная ужасомъ, милліонъ лицъ, гдѣ виднѣется только одно лицо пророка.... Владѣлецъ картины вникалъ во всѣ подробности и, закинувъ руки опять на спину, ближе да ближе нагибаясь къ картинѣ, проговорилъ сквозь

зубы, но съ особеннымъ благозвучіемъ въ голосѣ:

«Бредитъ мной!»

V

Неприятно жить за Москвой рѣкой, да и на Петербургской сторонѣ не лучше! Тамъ вы точно исключены изъ списка живыхъ; а какъ вскроется Нева, то и сидите безъ дѣла, кусайте пальцы, посматривая на Сѣверную

Пальмиру! ужь если Богъ привелъ быть жителемъ столицы, то, по-моему, надо терзаться въ самомъ центрѣ ея и, хоть по треску мостовыхъ, ежеминутно чувствовать важныя преимущества своего положенія. Невскій проспектъ, Тверская, вотъ около чего, вотъ гдѣ слѣдуетъ селиться... Правда, меня самаго беретъ ужасъ, какъ я вспомню, сколько разъ проѣхалъ я по Тверской! — Неприятно, говорю, это отступничество отъ Божьяго міра, это умничанье столичныхъ отшельниковъ, эгоистовъ въ полномъ значеніи слова; еще не приятнѣе имѣть кабинетъ у жены подъ носомъ! Андрей Ивановичъ сообразилъ всѣ эти неудобства и переѣхалъ. Кабинетъ себѣ устроилъ онъ уже не возлѣ спальни, и такъ далеко, что могъ безмятежно предаваться своимъ трудолюбивымъ занятіямъ. Ничто женское не мѣшало ему, никакое нѣжное сердце не въ силахъ было дѣйствовать пагубно

на такомъ благородномъ разстояньи. Онъ переѣхалъ; но не все перевезъ съ собою. Много явилось новаго, многаго не оказалось. Посѣщеніе, сдѣланное имъ, имѣло вліяніе на его вкусъ и на меблированье дома. И онъ поставилъ на свой письменный столъ бронзовые часы, и у него на стѣнахъ висѣли Парижскія картинки. Чувство народности пострадало жестоко въ этомъ переѣздѣ. Журналовъ валялось больше, повѣстей ни одной. Андрей Ивановичъ взялся за умъ и пересталъ читать. Какая-то привязанность въ вещественности, ко всему искусственному, какое-то забвеніе удовольствій, предлагаемыхъ матерью природой, открылось въ немъ. Соловья не было. Богъ знаетъ куда онъ дѣвался. Труженикъ, который часто бывало отдыхалъ за его пѣньемъ, не вспомнилъ о немъ въ суматохѣ перевозки, а, можетъ быть, чего добраго, счелъ неприличнымъ принять стараго друга,

повѣсить клѣтку съ птицей въ такихъ комнатахъ, гдѣ находились бронзовые часы и гдѣ каждое кресло работалъ Нѣмецъ.

Было семь часовъ утра, чиновникъ, по старой привычкѣ, сидѣлъ уже; но сидѣлъ передъ зеркаломъ, не въ халатѣ, а въ полномъ облаченіи, въ бѣломъ галстукѣ, только безъ фрака и завязывалъ на шѣе ленту, на которой висѣлъ Аннинской крестъ. По медленности, съ какою дѣлалось это дѣло, можно было замѣтить, что онъ никуда не ѣдетъ, а такъ, просто, прохлаждается для препровожденія времени.

Прошелъ часъ, прошло два, Андрей Ивановичъ то наклонитъ зеркало, то самъ наклонится къ нему, то отшатнется и взглянетъ на него съ высока, а все сидитъ, все смотрится. Есть такіе предметы, въ которыхъ безпрестан-

но открываешь новыя стороны; такіе источники, которыхъ никакъ не вычерпаешь до суха. Вмѣсто того, чтобъ отправляться на службу, онъ началъ принимать гостей.

«Ну, что подѣлываешь?» сказалъ повернувшись проворно всей Анной къ какому-то посѣтителю, у кого на лицѣ и въ ухваткахъ было видно, что онъ живетъ еще на Петербургской сторонѣ и еще пишетъ.

— Да ничего-съ, пришелъ поздравить васъ. Вы, кажется, изволите ѣхать. Карета подана.

«Нѣтъ, братецъ, это жена; ужасная охотница выѣзжать. Видѣлъ лошадокъ?»

— Видѣлъ-съ. Чудесныя лошади.—

«За то, братецъ, и дорого стоятъ».

*

—Да помилуйте, что жь въ свое удовольствіе и не заплатить денегъ за вещь, которая нравится!—замѣтилъ гость со вздохомъ.

Андрей Ивановичъ ударилъ его по плечу.

«Правда, правда, братецъ, былъ бы умъ, деньги будутъ».

Кое-кто явились еще съ какими-то поздравленьями, а между тѣмъ человѣкъ, лакей или камердинеръ, подалъ билетъ на ложу въ театръ.

Андрей Ивановичъ прикрикнулъ:

«Ну, чго ты несешь ко мнѣ! отдай на половину къ Марьѣ Ивановнѣ».

III

МИЛЛІОНЪ.

I

Не за-долго до святой, въ два часа по полудни, великолѣпная четверомѣстная каляска примчалась къ подъѣзду Тверскаго бульвара съ великимъ неистовствомъ. Трудно выразить ярость крошечнаго форейтора, когда какой-то ковчегъ, плавающій по Москвѣ подъ

именемъ кареты и какія-то несчастныя дрожки, помѣшали надменной быстротѣ экипажа. Мальчишка рвался подъѣхать поскорѣй, кричалъ, суетился, давилъ со всею наглостью человѣка, который, подвозя другаго, думаетъ, что подъѣзжаетъ самъ, но кромѣ его господъ, нашлись въ Божьемъ мірѣ еще иные господа. Чѣмъ сильнѣе шумѣлъ онъ, тѣмъ медленнѣй отодвигались дрожки и карета; тѣмъ лѣнивѣе и грубѣй оглядывались ихъ кучера, потому что пріятно обдать холодомъ чейбы то ни было энтузіазмъ и въ сѣромъ армякѣ — заслонить дорогу вишневому кафтану. Между тѣмъ, какъ форейторъ мучился отъ наслажденія быть частицею роскошной каляски, его нарядныя барыни таили на душѣ то же самое чувство, ту же пружину нашихъ дѣйствій, то же честолюбіе, безъ котораго никого не бывало-бъ на гуляньяхъ, кромѣ, развѣ, добрыхъ людей, осужденныхъ

безпрестанно прогуливаться по земному шару. Но всякой честолюбивъ посвоему. Слуга плясалъ на лошади, его торжественныя повелительницы сидѣли неподвижно; онъ смотрѣлъ за нѣсколько шаговъ впередъ, онѣ успѣли уже взглянуть во всю длину бульвара, успѣли уже спросить у этого пространства, освѣщеннаго солнцемъ, обсаженнаго деревьями, усыпаннаго пескомъ и наполненнаго какими-то лицами, шляпками, цвѣтами, зонтиками, палками: «много ли васъ тутъ или тутъ ли онъ?.....»

Нѣкоторыя дамы, дойдя до конца бульвара, бросили два, три взгляда, быстро повернулись и пошли скорѣе прежняго. Нѣсколько молодыхъ людей приостановились, картина стоила вниманья. Чрезвычайно богатая упряжь, аксельбантъ огромнѣйшаго изъ лакеевъ, модные плащи, чудные вуали, словомъ, вся огромная масса экипажа и всѣ его

подробности производили на душу необыкновенно сильное дѣйствіе, особенно потому, что свѣжій вѣтеръ весны и ея теплое солнце удивительно располагаютъ насъ къ поэтическимъ думамъ любви и зависти. Это принеслось и остановилось что-то цѣлое, полное, оконченное и важное, и прелестное. Тутъ все вообще, все взятое вмѣстѣ: лошадь, человѣкъ и издѣліе рукъ человѣческихъ было такъ хорошо, что когда начали выходить изъ каляски, то мнѣ стало жаль ее.

Оставимъ же тѣхъ, кому въ пылу вѣтренной молодости, ежели есть еще молодость вѣтренная, хотѣлось только заглянуть проворнѣй подъ милую шляпку, проникнуть сквозь волшебную сѣть вуалей,—причтемъ лучше себя къ числу мудрецовъ, которые при громѣ восхитительнаго экипажа, при блескѣ разсыпаннаго золота, задаютъ хладнокров-

ный и единственный вопросъ: что это? кровопусканье семидесятилѣтнему старику или игрушка здоровѣющаго ребенка? послѣдняя вспышка лампады, богатство умирающее или богатство новорожденное? въ обоихъ случаяхъ каляски одинаковы, въ обоихъ случаяхъ вы затруднены, поставлены между двухъ крайностей, вы терзаетесь между жизнію и смертію, а вамъ должно непремѣнно знать кто умретъ завтра и кто родился вчера, должно рѣшить изъ чего сдѣланъ экипажъ, изъ капитала, въ долгъ или изъ доходовъ. Конечно есть эти гербы, эти ливреи, пораженные общимъ мнѣніемъ, на нихъ мы смотримъ спокойно, голова наша отдыхаетъ, умъ не сомнѣвается, никакой фасонъ, никакая вороная лошадь, никакой ростъ лакея не соблазнятъ уже нашей разочарованной души; имъ наши глаза, не имъ наше сердце .... но есть случаи,.. каляска подъѣзжаетъ

къ бульвару и вы задумались. Что-то незнакомое, что-то новое, невиданное, а между тѣмъ все такъ богато, а между тѣмъ тамъ мелькаютъ живые взгляды, горитъ дѣвичій румянецъ. Часто изумительный экипажъ падаетъ вдругъ въ самую середину столицы, безъ приготовленій, безъ предисловій, безъ передовой молвы, безъ одного звука о тѣхъ, кого назначенъ онъ возить... да, есть случай.... васъ зовутъ на балъ, вы входите въ домъ, встрѣчаетесь съ отборнымъ обществомъ или лучше съ обществомъ набраннымъ, все передъ вами въ широкихъ размѣрахъ, все велико, щедро, расточительно, длинныя стерляди, тонкое вино... прекрасно, да этотъ домъ, когда онъ выросъ на Московской почвѣ? этотъ хозяинъ съ дочерьми, откуда взялся онъ? эти жирныя стерляди, гдѣ онѣ наловлены?

Мы спрашиваемъ и однакожь неволь-

но вѣруемъ, имѣемъ причину вѣровать во все что̀ внезапно, ново, молодо, что̀ скрывалось въ глуши Россіи, копилось въ тишинѣ степей, что̀ пріѣхало не изъ Петербурга, что̀ состарѣлось не въ Москвѣ. Худо, если славный экипажъ принадлежитъ славному имени, т. е. имени изношенному; еще хуже, если это имя попадется за чѣмъ-то въ какой нибудь строкѣ нашей исторіи. Чѣмъ долѣе кто жилъ, тѣмъ болѣе имѣлъ времени прожить.

Лакей откинулъ подножку.

Одна дама и ея три дочери сошли на бульваръ. Хотя всѣ онѣ были одѣты съ этой утонченной изысканностью, которая, за порогомъ уборной, превращается въ изящную простоту; съ этимъ трудомъ, который изчезаетъ подъ совершенствомъ искусства; хотя, повидимому, каждой изъ нихъ досталось на

туалетъ поровну и материнской любви и отцовскихъ денегъ; однакожъ можно было угадать кѣмъ родители занимались особенно въ глубинѣ своего сердца, на комъ основаны ихъ лучшіе, блестящіе, нѣжные расчеты; кого первую надѣялись они, а потому и хотѣли выдать замужъ. Чѣмъ больше дочерей, тѣмъ виднѣе эта одна, эта главная, этотъ якорь и знамя сѣмьи. Не говорю уже дома, въ гостинныхъ . . . но на чистомъ воздухѣ, на бульварѣ.... и тутъ княжна Софья отдѣлялась отъ сестеръ, чѣмъ? Богъ знаетъ!... взглядомъ, походкой, движеньемъ лорнета, складкой платья, — отдѣлялась, какъ тотъ, кто пущенъ дѣйствовать, кто носитъ въ груди призванье на подвигъ, какъ тотъ, кто говоритъ—отъ того, кто слушаетъ, какъ отдѣляется авангардъ отъ резервнаго корпуса.

На нея взглянула мать, ступая на

бульваръ, и она, предпочтительно передъ сестрами пошла съ краю. Все что выходитъ изъ предѣловъ обыкновенности въ какомъ бы то ни было родѣ, — очень замѣтно, очень ярко у насъ, во первыхъ потому, что въ Москвѣ просторно, во вторыхъ потому, что мы въ обществѣ, какъ и на небѣ, не каждый же день видимъ нарушеніе установленнаго порядка. Вотъ отъ чего княжна Софья,—я не сочиняю ея, хотя и мнѣ пріятнѣе бы сочинить— вотъ отъ чего всегда и вездѣ привлекала она вниманье, вниманье нѣсколько и обидное, неудовлетворительное для дѣльныхъ, основательныхъ видовъ, но чрезвычайно лестное для тщеславія. Ея прекрасный ростъ пришелся по двумъ вѣкамъ, мирилъ два поколѣнія: она была не до того уже высока, чтобъ нынѣшній мужчина не осмѣлился поднять глазъ на нея, побоялся бы вздумать о ней во время вальса,

— и не до того мала, чтобъ достойный потомокъ Екатерининскихъ временъ не могъ славно пройтись съ ней мазурку. Ростъ, отмѣченный, если хотите, пошлостью умѣренности, ростъ средній, въ немъ не проявлялись страсти природы, ни ея скупость, ни ея расточительность, да онъ нравился... Душа утомленная линіями, вытянутыми въ безпредѣльность или по большой части рано переломленными, отдыхала на этихъ классическихъ размѣрахъ, на этомъ правильномъ существѣ, которое не слишкомъ рвалось отъ насъ къ небу и не пропадало на землѣ. Я конечно не сказалъ бы здѣсь ни слова о туалетѣ княжны, я пренебрегъ бы тѣло и предпочелъ бы духъ матеріи, если-бъ повѣствователь не имѣлъ обязанности быть женщиной, т. е. привязываться безъ милосердія къ мелочамъ. Онъ живетъ ими, отъ него требуютъ подробностей, а подробности

ея царство; взглядъ ея, взглядъ мгновенный, взглядъ молнія, въ то время, какъ видитъ слезу, не просмотритъ ни одной ленточки. Пересказывая вѣрно и тонко длинную цѣпь несчастій, она скажетъ непремѣнно во что несчастная была одѣта. Поэтому не должно показаться страннымъ, если я поступлю, какъ водится, самымъ обыкновеннымъ образомъ и также скажу, что Княжна была въ шелковомъ платьѣ каштановаго цвѣта, на лѣвой рукѣ у нея висѣла пунцовая шаль, вѣтка лиловой сирени, пе́рвинка весны украшала ея бастовую шляпку. Она откинула свой блондовый вуаль и лице ея явилось на удивленіе и соблазнъ. Поразительная бѣлизна, румянецъ во всю щеку и голубые глаза—вотъ чѣмъ отличалась прекрасная Россіянка, бодрая дочь сѣвера, неопаленная южнымъ солнцемъ и неразнѣженная до хилости мечтательной чувствительностью

Германіи. Эта бодрость, эта свѣжесть зимы отражалась и въ ея походкѣ: вы ни за что не замѣтили-бъ у нея колебаній утомленнаго стана, томныхъ паденій головы, этихъ уклоненій отъ прямой линіи, позволенныхъ гуляющей женщинѣ и запрещенныхъ марширующему солдату, ни одного признака привилегированной слабости, по милости которой мужчины у насъ только и дѣлаютъ, что подаютъ кресла прекрасному полу, когда онъ стоитъ и поддерживаютъ его руку, когда идетъ. Ноги Княжны ступали вѣрно, но казалось, имъ не нужно было опираться крѣпко, казалось, въ ней столько легости, что она могла держаться на воздухѣ и столько силы, что малѣйшее прикосновеніе къ землѣ, было для нея достаточной опорой. Глаза ея не сіяли томностью, не обладали этимъ врожденнымъ свойствомъ голубаго цвѣта, которое можно пріобрѣсть, смотря цѣ-

лый вѣкъ на одинъ и тотъ же предметъ, они еще не сосредоточились, были развлечены, они надѣялись еще на все и на всѣхъ, а потому, въ отсутствіе будущаго героя этой повѣсти, глядѣли во всѣ стороны. Я не умолчу даже и объ одномъ недостаткѣ Княжны, если впрочемъ это недостатокъ. Такъ покрайней мѣрѣ говорятъ иностранцы и, основываясь на немъ, отказываютъ кореннымъ Русскимъ въ европейскомъ окладѣ лица. Дѣло идетъ объ выпуклостяхъ надъ щеками, о развитіи скуловыхъ костей, что̀ у Княжны было довольно замѣтно и показывало примѣсь монгольской крови, чѣмъ однакожь не портилось нисколько ея славянское благородство. Эти выпуклости давали ея чертамъ выраженіе проницательности, остроты, но часто и хитрости, особенно, когда она взглядывала въ бокъ; косвенный взглядъ ея обнаруживалъ много европейскаго ума,

много образованнаго смысла, между тѣмъ въ немъ было что-то восточное! величина ея глазъ, форма, цвѣтъ, все принадлежало племени, населяющему Европу, только они, судя по наружности, не за тѣмъ смотрѣли, чтобъ смѣло выказывать свою душу, а скорѣе, чтобы заглядывать въ вашу. Какъ секира легіоновъ Юлія-цесаря превратилась въ алебарду буточника, греческія вазы въ наши кувшины, консулъ древняго Рима въ торговыхъ консуловъ, такъ на оборотъ, у Княжны, глаза ея рода, переработанные поколѣніями, потеряли свой наслѣдственный характеръ, преобразовались въ нѣчто лучшее, изъ маленькихъ сдѣлались большими, отъ дикости дошли до просвѣщенія, отъ коварства до тонкости: глаза пріятные, глаза благородные, глаза мыслящіе, но нѣсколько углубленные, но иногда вылетала изъ нихъ электрическая искра, пере-

даваемая самымъ первымъ предкамъ своему послѣднему потомку, виднѣлась Азія, мелькали народы, которые сорвались нѣкогда съ ея цѣпей, кто-то изъ-за куста наводилъ стрѣлу, кто-то съ арканомъ въ рукѣ выглядывалъ на табунъ лошадей. Появленье Княгини съ дочерьми произвело на многихъ примѣтное дѣйствіе и оживило нѣсколько мертвыхъ лицъ. Если вообще трудно встрѣчаться съ знакомыми отъ того, что должно что нибудь сказать и что нибудь услышать, то еще труднѣе найти занятіе на бульварѣ: дѣятельность процвѣтаетъ у насъ только на Ильинкѣ да въ англійскомъ клубѣ, а потому надо было видѣть, съ какимъ нетерпѣньемъ молодые люди и пожилые холостяки добивались чести пройтись возлѣ Княжны. Каждый поочереди, и тотъ кто ждалъ еще приключеній, и тотъ кто былъ отпѣтъ на лаврахъ приключеній давно-прошедшихъ, торопи-

лись блеснуть на этомъ посту, какъ будто тутъ было больше опасностей и слѣдовательно больше славы. Картина свѣтскаго разсѣянья, невинная прогулка, безгрѣшныя забавы утра и вмѣстѣ единственная работа тѣхъ кому нечего дѣлать!.. пріятно наблюдать тихія удовольствія праздности, пріятно видѣть, когда въ Москвѣ гуляютъ, двигаются, всего же пріятнѣй было для глазъ, что скука исчезала тотчасъ съ каждаго лица, которому удавалось тутъ выставить себя на показъ рядомъ съ лицомъ Княжны. Но кто принялъ бы въ ней искреннее участіе, но кто со стороны полюбилъ бы душею, безкорыстно, ея молодость, красоту, ея шляпку и шаль; кто вздумалъ бы перевесть слова, движенья, взгляды ея усердныхъ спутниковъ на ихъ мысли; что-то горькое примѣшалось бы къ впечатлѣнію ея торжества. Больно, если никто не замѣчаетъ васъ, еще больнѣе часто, если

замѣчаютъ всѣ. Она ходила въ полномъ блескѣ бульварной славы, безпрестанно кто нибудь возлѣ нея, кто съ Кавказа, изъ Петербурга, изъ Франціи, изъ Англіи, кто изъ Москвы. Какъ мы ни бѣдны народонаселеніемъ, одкакожь и у насъ бываетъ иногда столкновеніе разныхъ частей свѣта. Европейцы и Москвичи, путешественники и домосѣды, и тотъ кто уже съѣздилъ, и тотъ кто еще ѣдетъ, словомъ, всякій считалъ обязанностью подойти къ Княжнѣ, всякій при ней становился виднѣе, только никто не подходилъ съ этой робостью, которая ручается, что вмѣстѣ съ ногами приближается къ вамъ и душа, никто не остался въ тѣни, не спрятался за другихъ, чтобы скромно взглянуть на нея издали, тихонько обернуться; чтобъ укрыть отъ толпы чистоту своихъ мыслей о ней и не выбросить на площадь святыню своего чувства. Напротивъ, всѣ до одно-

го, завидѣвъ ее, ускоряли шаги, небрежно бросали знакомыхъ и дерзко подвертывались къ ней; потомъ происходила сцена, зависящая отъ мнѣнія, какое каждый имѣлъ о себѣ и отъ роли, для которой посланъ онъ Провидѣніемъ. Одинъ закидывалъ немного голову, игралъ тростью, чертилъ песокъ и, ни разу не обернувшись къ Княжнѣ, казалось, только и говорилъ ей: «этотъ галстукъ купилъ я въ Лондонѣ, эту палку въ Парижѣ, меня ужь вы не удивите, то ли я видѣлъ!.... пріѣзжій изъ Петербурга былъ вѣжливѣе, внимательнѣе, онъ пріятно наклонялъ къ ней свой станъ, ни на кого не смотрѣлъ, кромѣ нея; онъ просилъ спасти его, онъ заѣхалъ въ провинцію, никого не знаетъ, его знакомые, друзья, родные, буря его дѣятельности, свѣтскости и славы, тамъ на великолѣпныхъ берегахъ Невы. Смиренные жители первопрестольнаго гра-

да обращались къ ней больше съ музыкой, (охъ, эта музыка; отъ этой музыки житья нѣтъ!) упоминали о паркѣ, но были между ними и такіе, которые удачно поддѣлывались подъ Парижанина и притворялись Петербургцами: то смотрѣли безпечно Богъ знаетъ куда, то искали спасенія отъ одиночества, страдали моднымъ несчастіемъ быть выше толпы, скитались сиротой на Московскомъ бульварѣ: иные ходили возлѣ Княжны съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, какъ будто головѣ ихъ не было покою отъ европейскихъ мыслей, какъ будто донъ-Карлосъ и доктринеры не давали имъ спать, какъ будто она была не живое существо, не женщина съ прекрасными глазами, а только орудіе судьбы, назначенное для преобразованія и перерожденія обществъ.

Мать и сестры не мѣшали ни ей,

ни имъ, не путались въ ихъ разговоры, не позволяли себѣ повернуть головы, поглядѣть что̀ дѣлается возлѣ; Княгиня радушно отдавала свою дочь на жертву всѣмъ взглядамъ, всѣмъ словамъ, такъ, что милая Княжна была совершенно покинута родными, но за то вы побились бы объ закладъ, что она не просидитъ на балѣ ни одного танца, что блестящаго бала безъ нея быть не можетъ, что на бульварѣ не останется ни минуты одна, т. е. въ женской компаніи, что въ гостинной, въ залѣ, вездѣ, гдѣ есть толпа, люди, мужчины не льзя миновать ея, вездѣ она была необходимостью, властью, закономъ. Свѣтъ далъ ей узнать какъ пріятно быть первой, далъ отвѣдать блаженство неравенства, между тѣмъ, когда около нея умолкалъ его шумъ, гасли огни, расходились поклонники, напрасно глаза ея искали въ сумракахъ ночи какого нибудь утѣшитель-

наго призрака, напрасно воображеніе ея гонялось за грезами, ей нечего было вспомнить, не на что попадѣться... предпочтеніе, извѣстность, почести, слава, исчезали безъ слѣдовъ, ничья тѣнь не врывалась въ ея комнату, ничей взглядъ не преслѣдовалъ ея, ни въ чьемъ взглядѣ не видала она ни разу нѣжной думы о счастіи или злаго умысла на состояніе, ни любви, ни корысти, ничего дѣльнаго, ни одной степенной мысли, ни одной изъ этихъ вѣрныхъ цѣпей, которыми такъ крѣпко приковывается мужчина къ женщинѣ. Тутъ-то давала она себѣ клятвы отказаться отъ свѣта, произносила отрѣченіе отъ міра и сердилась, что въ бальной залѣ нѣтъ угла, гдѣ-бъ можно просидѣть въ такихъ же потемкахъ и въ такомъ уединеніи, какъ въ своей спальнѣ. Магазинъ, портной, новая прическа, новый покрой платья, игрушка, которую примчалъ и умчитъ тотъ же

вихорь моды—вотъ въ какой разрядъ понятій поставило ее общество. Святы были ея причуды, уловленъ каждый взглядъ, понято малѣйшее движенье, но для того только, чтобъ тѣшить ея какъ ребенка и унижать человѣка до вещи. Она играла въ судьбѣ мужчинъ почти ту же роль, какую играетъ окно въ судьбѣ картины. Кому нужно было освѣтить хорошенько парижскую палку, лондонскій галстухъ или морщину на лбу, приписанную самолюбіемъ не лѣтамъ, а глубокомыслію, тотъ непремѣнно торопился къ ней. Она существовала въ пользу другихъ, это было солнце, у котораго изъ милліоновъ лучей ни одинъ не падалъ на него самаго, а все на какія-то планеты. Ему позволяли сіять и не завидовали и не соперничествовали. Княжна видѣла, что съ иными обращались иначе, что передъ прочими, ей, кажется, подобными, не смѣли разсыпаться такъ явно; ихъ слѣ-

дили издали, къ нимъ подходили украдкой, съ ними разговаривали мимоходомъ; ихъ каждый стерегъ отъ каждаго, ихъ не выдергивали изъ толпы на показъ толпѣ, за то эти скромныя отшельницы, эти тихія гостьи шумнаго свѣта, озареннаго ея блескомъ, являлись вдругъ, неожиданно у цѣли жизни, съ добычей необходимой для женщины, являлись, опираясь на руку мужа. О, въ такія минуты она, можетъ быть, чувствовала что̀ есть ужаснаго въ извѣстности, нестерпимаго въ славѣ, можетъ быть сердце ея было пронзено той же мыслью или лучше похожей на ту, какая мучила Отелло, когда онъ жалѣлъ, что не умеръ ничтожнымъ въ глуши своей Африки. — Со всѣхъ сторонъ доходилъ до нея голосъ правды, весь ходъ общества терзалъ ее истиной, всѣ происшествія дня толковали ей значенье міра, всѣ лица говорили ей: «вашъ умъ обольстителенъ,

ваша веселость оживляетъ нашу мертвую природу, ваши глаза возбуждаютъ наше воображеніе; мы благоговѣемъ передъ вами, мы обожаемъ васъ, мы съ четырехъ сторонъ свѣта приносимъ къ ногамъ вашимъ дань удивленья; вечера у васъ прелестны, домъ убранъ великолѣпно, экипажи безподобны, туалетъ очарователенъ, родство какъ не льзя лучше; знаемъ, что въ приданомъ у васъ будетъ все батистъ, кружева, блонды; знаемъ всю важность и величіе связей вашихъ, но что дѣлать? удовольствуйтесь, пожалуста, нашими восклицаньями, не требуйте отъ насъ руки и сердца, оставьте это существамъ болѣе темнымъ, менѣе милымъ и прекраснымъ, у которыхъ нѣтъ братьевъ и домовъ, а есть души или деньги.

Было три часа. Княгиня начинала взглядывать пристальнѣй въ лице каждому, кто подходитъ къ ея Княжнѣ, по-

томъ на секунду потупляла глаза въ землю, потомъ съ сосредоточеннымъ любопытствомъ продолжала смотрѣть въ даль, какъ будто она не только въ гостинныхъ, но и на бульварѣ искала избавителя для своей дочери.

«Онъ на ней женится» сказала одна, отвертываясь отъ какого-то мужчины въ сѣрой шляпѣ, который съ боковой аллеи старался пробраться на среднюю.

Слова эти относились къ молодому человѣку, прекрасно одѣтому. Онъ, казалось, обрадовался случаю и пустился въ прославленіе своего пола.

«Можно ли» говорилъ «послѣ этого обвинять насъ въ жадности къ деньгамъ? сколько богачей женятся на бѣдныхъ!» Тема эта послужила ему средствомъ къ дальнѣйшимъ выводамъ, ихъ заключилъ онъ довольно жаркими у-

вѣреньями, что нѣтъ ничего усладительнѣе для глазъ и благодѣтельнѣй для сердца, какъ союзы богатства съ бѣдностью, какъ великодушное забвеніе земныхъ разсчетовъ, съ какимъ бросаютъ иногда свое золото къ чужимъ ногамъ. Онъ даже довольно тонко далъ почувствовать, что женщины менѣе способны къ такимъ высокимъ подвигамъ, но хладнокровная дама не стала ему противорѣчить, замѣтила только, что богатыхъ жениховъ больше, чѣмъ богатыхъ невѣстъ, потому что законъ даетъ менѣе сестрамъ чѣмъ братьямъ и замѣтила такъ легко, такъ весело, что вы тотчасъ подумали-бъ про себя: «это невинное твореніе, крѣпко затянутое въ корсетъ, которое идетъ рядомъ съ нею, не подходитъ подъ законъ. Этотъ злонамѣренный юноша напрасно кидаетъ нѣжные взгляды на свои лакированные сапоги».

«Конечно» продолжалъ начатой разговоръ въ строю степенныхъ людей человѣкъ крѣпкаго сложенія, извѣстный въ англійскомъ клубѣ здравымъ смысломъ, неопровержимой логикой и пятидесятью тысячами дохода, «этого не льзя назвать глупостью, онъ умѣнъ, онъ уже доказалъ, но, признаюсь, я бы этого не сдѣлалъ: во первыхъ жена должна имѣть непремѣнно половину того что̀ есть у мужа, вотъ мое правило; мнѣ напримѣръ не нужно, да я для нея, я хочу, чтобъ она не зависѣла отъ меня ни на волосъ. Независимость, господа, независимость!... во вторыхъ, эта Княжна.....»

«Половину, да вы съ вашимъ правиломъ хотите раззорить меня!» раздался въ отвѣтъ голосъ рѣшительной оппозиціи.

«Боже мой, съ его состояньемъ!»

шумѣло между собою нѣсколько пожилыхъ молодыхъ людей, «да я бы давно объѣхалъ цѣлый свѣтъ, да я бы выкурилъ сигару у подножія пирамидъ, избѣгалъ всѣ закоулки Парижа, объѣлся во всѣхъ тавернахъ Лондона,—что онъ тутъ гнилъ въ этой глухой Москвѣ?» Такимъ образомъ, покуда мужчина въ сѣрой шляпѣ пробирался къ Княжнѣ и шелъ спокойно, погруженный, какъ казалось, въ самаго себя, въ свои собственныя занятія, всѣ другія заглушали для него чувство эгоизма, пересматривали его жизнь, считали деньги, пускались на нихъ въ предпріятіе, заводили прядильни, ѣздили на луну и за версту подавали ему разные, спасительные совѣты, что̀ всегда бываетъ съ тѣмъ, кто ихъ не проситъ и не слушаетъ. Онъ мало по малу дѣлался центромъ бульвара, со всѣхъ сторонъ слетались на него кровожадныя мысли гуляющихъ, даже два студента

принимали участіе въ общемъ дѣлѣ, доказывая своимъ примѣромъ, что живые люди занимательнѣй мертвыхъ наукъ.—Любовь къ истинѣ требуетъ исключить изъ этого круговращенія нѣсколькихъ достойныхъ особъ прекраснаго пола, у которыхъ въ осанкѣ видна была увѣренность выдти замужъ когда вздумается, у которыхъ въ сердцѣ гнѣздился Петербургъ съ своимъ гранитомъ, гвардіей, камеръ-юнкерами, дипломатическимъ корпусомъ. До нихъ не долетала грязь пересудовъ и не прикасалась къ нимъ ненужная зависть. Они проходили мимо съ такой быстротой, какъ будто ни на чемъ Московскомъ не могли остановиться и смотрѣли на Москву также съ высока, какъ Гумбольдтъ съ Чимборазо смотрѣлъ на бѣдную землю. Да еще сколько-то юношей въ университетскихъ мундирахъ, невинные въ житейскихъ волненьяхъ, всплывали на поверхность этой бурной

суеты; ихъ лица показывали, что и на бульварѣ можно спасти душу; они шли уединенно, озираясь дико и глубокомысленно на эту жалкую толпу, гдѣ никто не зналъ того, о чемъ они наслышались, гдѣ никто не читалъ про Гегеля и гдѣ люди жили, дышали, гуляли по законамъ Богъ знаетъ какой философіи. Княжну покинули всѣ, чувствуя, что шутка должна уступить мѣсто дѣлу. Одинъ очутился возлѣ нея, одинъ, кого судьба создала какъ нарочно для изцѣленія глубокихъ ранъ ея сердца, нанесенныхъ учтивымъ и безчеловѣчнымъ свѣтомъ. Мать и сестры вышли тотчасъ изъ состоянія покоя: съ нѣжной заботливостью онѣ стали даже помѣщать свои слова въ разговоръ, который до нихъ не касался, не понимая вѣроятно, что усердіе помочь, мѣшаетъ часто успѣху. Новый и желанный сопутникъ ихъ не походилъ нисколько на прежнихъ. Онъ былъ одѣтъ чисто, богато, если хотите,

но какъ-то степенно, какъ-то поучительно для разсудка и безопасно для воображенія. Все на немъ было самое лучшее, самое дорогое, а между тѣмъ сюртукъ оказывался немного длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ и былъ застегнутъ на одну лишнюю пуговицу. Свою прекрасную палку, съ чуднымъ антикомъ изъ Рима или изъ Неаполя, онъ держалъ такъ просто, такъ невѣтрено, какъ будто палки выдуманы человѣку въ пользу, а не въ удовольствіе, какъ будто и на бульварѣ онѣ употребляются только за тѣмъ, чтобъ въ случаѣ нужды, имѣть въ нихъ подпору. Англійская роскошь и воздержность въ одеждѣ, да русская беззаботная походка—вотъ что бросилось бы у него въ глаза каждому, еслибъ онъ не отличался еще другими, болѣе важными особенностями. Его смуглое лицо, его густыя и нѣсколько навислыя брови появились вдругъ на одномъ планѣ съ свѣтлыми лицами Княженъ, съ веселыми

красками ихъ нарядовъ, и эта противоположность внушала съ перваго взгляда такое безпокойное чувство, что становилось жаль кого-то, что хотѣлось кинуться на защиту слабаго и напасть на сильнаго. Цѣлая семья обратилась къ нему, но уже не за тѣмъ, чтобъ размѣнять нѣсколько летучихъ словъ, скользнуть глазами и отвернуться — тутъ ужь шелъ не перелетный щеголь бульвара, шла судьба, которую и страшно и пріятно отгадывать. Его присутствіе налагало обязанность раздѣлять его мысли, вглядываться въ его черты, сливаться съ его негибкой природой.—Прежняя Княжна исчезла, на ея мѣстѣ стояло новое существо, совершенно сходное съ нею формами, но различное значеніемъ. Легкомысліе молодости, обольстительная вѣтренность и минутное, безотчетно-счастливое расположеніе духа, все это замерло въ ней при видѣ смуглаго мужчины и его дѣльной осанки. Онъ не позволялъ

шутить жизнію, наслаждаться весенней погодой, сходиться и расходиться съ многолюдной толпой гуляющихъ, онъ требовалъ, чтобъ его собесѣдница шла съ нимъ нога въ ногу, терпѣла безъ ропота его испытующіе глаза, терялась въ его тѣни и Княжна слушалась, и прекрасный цвѣтъ ея пунцоваго платка казался уже не такъ ярокъ.—Вы видѣли, вы боялись, что она даже не спроситъ куда онъ ведетъ ее, къ чему болѣе лежитъ его сердце, въ какой міръ любитъ погружаться его душа... Одна черта ручалась за будущность Княжны и отчасти уничтожала опасенія, это удивительно-добрая улыбка, которая безпрестанно сопровождала тутъ его суровые и пристальные взгляды. Необыкновенная бѣлизна зубовъ сквозилась постоянно сквозь чуть-чуть раскрытыя губы, прекрасно-образованныя, свѣжія, нѣжныя, и на этой половинѣ лица проглядывала первородная чистота души. Ни смуглость, ни угрюмыя

брови, ни взглядъ, пріобрѣтенный отъ людей, не мѣшали дѣйствію улыбки, созданной Богомъ, хотя общее впечатлѣніе было двусмысленно, похоже на лучи солнца во глубинѣ сосноваго лѣса. — Если Талейранъ говоритъ правду: «смотрите на ротъ, а не на глаза, когда хотите знать что на сердцѣ», то мужчина въ сѣрой шляпѣ былъ человѣкъ прекрасный. Княжна должна бы при немъ упасть въ мнѣніи, сейчасъ видѣли ее торжественную, свободную, безпечную и вотъ она подвергается не тайнымъ страданьямъ, а явному униженію, идетъ безпрекословно въ какомъ-то подданствѣ, довольная своимъ рабствомъ. Но онъ такъ пріятно улыбался, такъ глубоко высматривалъ ее!... Другіе заботились доказывать, что ведутъ жизнь самую разсѣянную, что знакомы съ цѣлымъ свѣтомъ, что женщины ихъ слабость и дрожали съ восторга, когда представлялся случай поклониться модной женщинѣ или и-

нымъ мнимымъ знаменитостямъ. Этотъ въ самомъ дѣлѣ былъ знакомъ съ цѣлымъ свѣтомъ, но за то кланялся ему съ такимъ благовоспитаннымъ однообразіемъ, что вдругъ на разноплеменномъ бульварѣ, насталъ золотой вѣкъ, исчезли чины, породы, состоянья, извѣстность, слава; мода перемѣшалась съ стариной, люди сравнялись, онъ пропускалъ ихъ мимо, какъ самыхъ близкихъ родственниковъ, едва взглядывая на того, кому слѣдовалъ поклонъ, едва отдѣляя глаза отъ своей прелестной и присмиренной Княжны.

На гульяньѣ стало показываться уже много такихъ, которые давнымъ давно отобѣдали. Четверомѣстная каляска помчалась въ обратной путь, мужчина въ сѣрой шляпѣ пошелъ тихимъ шагомъ куда-то къ Страстному Монастырю.

«Умна» сказала одна дама.

«Счастье» сказала другая.

«Она его промотаетъ» замѣтила бѣгло коренная жительница Москвы, торопя безъ милосердія свою дочь, чтобъ скорѣе садилась въ карету.

«Онъ возьметъ ее въ руки» проговорила четвертая, впиваясь глазами въ исчезающій вуаль Княжны.

А между тѣмъ одинъ молодой человѣкъ кинулся красиво въ свою Петербургскую калясочку и взглянулъ на другую сторону, только такъ милостиво что видно не запрещалъ никому жениться, взглянулъ, какъ глядить человѣкъ который ѣдетъ на того кто идетъ, или который думаетъ: «тебѣ сорокъ лѣтъ, мнѣ двадцать пять».

II

Мужчина въ сѣрой шляпѣ.... Я выставлю начальную букву его фамиліи, Г..., назвать полнымъ именемъ не могу, а выдумать имя не хочу. Имѣя несчастіе и рѣшась разсказывать истинное происшествіе, я не желалъ бы,

чтобъ оно было принято за плодъ моего воображенія. Гдѣ онъ служилъ, какъ служилъ и наконецъ служилъ ли — не знаю, да это и не касается до насъ. Дѣло идетъ не о чинахъ, а о деньгахъ. Отрывокъ изъ его жизни, который я счелъ приличнымъ употребить въ мою пользу, не наполненъ заботами честолюбія, столкновеніемъ съ дѣйствующими людьми, ни счастьемъ угнетать другихъ, ни выгодами быть на время угнетеннымъ. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Аристократъ особеннаго рода, болѣе слабый или болѣе сильный, не берусь рѣшать, онъ получилъ въ наслѣдство отъ своихъ незначительныхъ предковъ четыре тысячи душъ. Довольно кажется. Но жадный вѣкъ не далъ ему покоя. Куда ни обернется онъ, вездѣ такъ

и выростетъ передъ нимъ промышленикъ, фабрикантъ. У всякаго только и на умѣ чтобъ имѣть работниковъ подешевле, или чтобъ человѣка замѣнить машиной, потому что машина не ѣстъ; всякой такъ и норовитъ выбарышничать у голоднаго нѣсколько кусковъ его насущнаго хлѣба, чтобъ самому потомъ объѣсться трюфелей. Г... не находилъ спасенья отъ фабричныхъ наклонностей человѣческаго рода.

Некуда было ему уйти отъ нихъ, негдѣ спрятаться. У торгашей нѣтъ ничего святаго. Они гонялись за нимъ по пятамъ. Театръ, балъ, гулянье, всѣ эти мѣста, гдѣ не прилично говорить о хозяйственныхъ и чистыхъ доходахъ, не могли укрыть его отъ прядилень, откуповъ, а пуще отъ свекловицы. Если кто изъ состраданья, изъ милости или изъ уваженья къ его душамъ, и рѣшался потерять нѣсколько словъ, и

заводилъ съ нимъ рѣчь о книгѣ, о литтературѣ, о политикѣ, о религіи, то это дѣлалось такъ легко, такъ воздушно и вмѣстѣ съ такимъ насиліемъ, какое употребляетъ женщина, чтобъ растаять отъ нѣжности, когда случается ей гладитъ по головкѣ чужаго ребенка. Онъ видѣлъ, что не эти вопросы забирали людей за живое, не отъ нихъ приходили въ движенье вялыя руки, вспыхивали лица и наливались кровью глаза. Въ то время, какъ языкъ у инаго лепеталъ что-то похожее на идеи, на бескорыстную мысль, на участіе въ такомъ дѣлѣ, отъ какого до скончанія земли не получишь ни гроша доходу, въ то время Г... слышалъ глухое біеніе сердца, которое мучилось сомнѣньями между выжимкой и вымочкой, терялось въ сладкихъ мечтаньяхъ о томъ, какъ-бы извлечь изъ деревень все что̀ можно и слѣдовательно должно извлечь, и что̀ на фабричномъ нарѣчіи назы-

вается: поставить крестьянъ на купеческую ногу. Страхъ его бралъ, что наконецъ, какой нибудь фабрикантъ потеряетъ съ нимъ терпѣнье, кинется на него, растерзаетъ, сдѣлаетъ изъ него пряжу и получитъ на нее сорокъ процентовъ. Но не льзя жить съ людьми и не дѣлать того, что̀ они дѣлаютъ. Святые уходили отъ нихъ въ пустыни, чтобы спасаться. Г... не ушелъ, а потому сколько ни защищался, не могъ со всей своей идеальностью уцѣлѣть отъ вліянія вѣка и попалъ въ откупщики. Сначала онъ думалъ, что раззорится, но потомъ, когда возмущеніе въ Польшѣ было прекращено и войска, по счастливому стеченію обстоятельствъ, расположились въ той губерніи, гдѣ онъ держалъ откупъ, барыши превзошли всякое ожиданіе. Черезъ четыре года Г... увидалъ себя обладателемъ не только душъ, но и огромной суммы чистыхъ денегъ. Денегъ было

много, прихотей не прибавилось. Такъ бываетъ. Кому не нужно тому дается, кто умираетъ съ голоду, у того отнимается. Г. ... сталъ чрезвычайно богатъ и неизвѣстно за чѣмъ. Его желанья остались въ тѣхъ же размѣрахъ, возможность удвоилась. Такъ какъ онъ любилъ заниматься самъ всякимъ дѣломъ, за которое брался, то занятіе откупами, совершенно несходное ни съ его образомъ мыслей, ни съ его чувствами, утомило его и вывело почти изъ терпѣнья. Онъ кинулся въ омутъ спекуляцій по тому же, по чему хорошо оснащенный корабль, съ многочисленнымъ экипажемъ и съ искуснымъ капитаномъ не можетъ иногда противиться милліонамъ волнъ, которыя гонятъ его въ водоворотъ; онъ заплатилъ дань своему вѣку, привилъ себѣ такъ сказать оспу, чтобы послѣ никогда не имѣть ея и откланялся промышлености. Часто сидя за щетами,

углублясь въ проклятыя цифры, Г... съ какой-то тоскою, съ какимъ-то озлобленьемъ глядѣлъ на ихъ красивыя формы и, однакожь, не смѣлъ спустить съ нихъ глазъ. Эти единицы, эти десятки, а особенно эти нули... что̀-то живое, что̀-то могучее, что̀-то нестерпимо-пріятное приковывало его къ бумагѣ. Онъ чувствовалъ, что не за свое взялся, но соблазнительный духъ жизни извивался передъ нимъ въ этихъ маленькихъ, кривыхъ и круглыхъ фигурахъ, не слушалъ раскаяній его души и не пускалъ ея на волю. Если лучъ солнца заставалъ его за Египетской работой, если заглавіе умной книги попадалось ему на глаза, онъ душилъ въ себѣ до времени впечатлѣніе, которое иной лучъ производитъ на иное сердце и грустно опускалъ стору; онъ выписывалъ книги и не развертывалъ ихъ, въ немъ сохранялось еще просвѣщенное благоговѣніе къ бескорыст-

ному труду разума, онъ считалъ себя недостойнымъ погружаться въ великій міръ мысли или можетъ быть испытывалъ на себѣ, что не можно Богу работать и мамонѣ. Всякое положеніе казалось ему предпочтительнѣй положенія откупщика, благородное сердце страдало подъ ярмомъ тяжелаго промысла и, между тѣмъ, мало по малу, нечувствительно, безъ собственнаго вѣдома, отравлялось ядомъ ежедневныхъ картинъ и мнѣній. Безпрестанное сообщеніе съ людьми, которые только и дѣлаютъ, что даютъ деньги или ихъ просятъ, представило ему цѣлый свѣтъ можетъ быть въ настоящемъ, а можетъ быть и въ ложномъ видѣ. Алчная толпа заслонила отъ него остальное человѣчество. Она ежеминутно совала ему на показъ свои собственныя лица. Правда, что въ утѣшеніе себѣ онъ открывалъ на нихъ удивительныя способности. Кто ни попадется на глаза,

всякаго употреби куда угодно, нигдѣ не испортитъ, всякій бросается подъ ноги съ своимъ самоотверженьемъ и молитъ усердно: «я отдамъ на растерзанье мое тѣло, для котораго хлопочу, я оскверню мою душу какимъ хотите порокомъ, я сгною съ кругу весь міръ, я пойду, пожалуй, въ герои добродѣтели, если это вамъ нравится, только заплатите мнѣ».

Чтеніе самыхъ деспотическихъ эпохъ исторіи не можетъ дать полнаго понятія объ этой чудной услужливости, какая окружаетъ откупщика. Неволя не выучитъ такой преданности, какъ собственная охота. Г.... привыкалъ жить съ мыслію, что все продается. Невѣріе ложилось въ основу его сердца. Борьба этого благопріобрѣтеннаго чувства съ прежде накопленнымъ достояньемъ души была ужасна!.. Счастливъ еще, что ему не проходили даромъ сцены,

которыя совершались у него за глазами въ скопищахъ разврата. Счастливъ, что матеріяльное благосостоянье не дѣлало его вовсе неспособнымъ къ мученьямъ душевнымъ. Съ пуками ассигнацій, съ кучами золота росло богатство, но и укоренялась неосязаемая и неизлечимая болѣзнь. Тайное правосудіе наказывало его за причину барышей, за безобразныя минуты забвенья въ жизни разумныхъ существъ, вымѣщало на немъ нищаго, который пропивалъ свою душу и свои лохмотья для его обогащенья. Деньги такъ и сыпались ему, но поди-жь, купи теперь на нихъ какое нибудь убѣжденье, купи вѣру, любовь, дружбу, купи человѣка, про котораго бы ты не думалъ, что онъ завтра тебя продастъ. Къ недовѣрчивости и раздору съ самимъ собой приводила его постепенно временная покорность направленію вѣка. Слабостью характера или вѣрнѣе силою общества онъ

былъ увлеченъ не въ ту сторону, куда просилась его душа и мучился, что не поборолъ чужой силы своей твердостью. Въ этихъ мученьяхъ, въ этомъ взглядѣ на людей съ денежной стороны, заключается тайна сцены, какая приключилась ему въ жизни, сцены ужасной для немногихъ, ничтожной или смѣшной для большинства. Она была окончательнымъ плодомъ четырех-лѣтняго занятія откупомъ и прежнихъ, лучшихъ годовъ, проведенныхъ въ заботахъ болѣе безкорыстныхъ, и въ приготовленіяхъ къ чему-то другому. Въ ней встрѣтились два противныхъ полюса: строгое благоразуміе промышленика и идеальный порывъ самаго благороднаго сердца...

III

Домъ Княгини, которая въ началѣ этой повѣсти прогуливалась съ дочерьми по бульвару, былъ почти со всѣхъ сторонъ окруженъ садомъ. Большія окна выглядывали кое-гдѣ изъ за широкихъ, зеленыхъ листьевъ и особенно

вечеромъ, при свѣчахъ, производили самое поэтическое впечатлѣніе. Когда сквозь старыя деревья вы чуть чуть примѣчаете или освященныя палаты или бѣдное жилье, это все равно, вамъ непремѣнно придутъ въ голову разныя мечты о необузданномъ весельи, о таинствахъ алхиміи. Тамъ, подумаете вы, или разливанное море, или собранье колдуній или шайка разбойниковъ. — Но страшныя грезы воображенья уступали тотчасъ мѣсто другимъ, болѣе женоподобнымъ ощущеньямъ при входѣ во внутренность дома. Тутъ все распологало васъ къ нѣжности, надеждѣ, все успокоивало и отнимало страхи. Совсѣмъ тѣмъ, невозможно бы отпускать безъ опасенія какого нибудь изъ своихъ близкихъ и неженатыхъ родственниковъ въ эту глушь, за эти густыя вѣтви, въ гости къ многочисленному семейству, составленному преимущественно изъ взрослыхъ дочерей. Да, легкій испугъ, прелестный ужасъ охва-

тилъ бы сердце всякаго хорошаго роднаго, еслибъ ему сказали: «видите за деревьями эти окна, этотъ огонь, видите мелькаютъ человѣческія тѣни, женскія головки, тамъ ничего нѣтъ, кромѣ розовыхъ щекъ, вѣчно-нѣжныхъ глазъ, вѣчно доброй улыбки, тамъ сидитъ мать, а изъ комнаты въ комнату порхаютъ ея дочери....»

Въ первый разъ еще лѣтомъ онѣ оставались въ Москвѣ; онѣ обыкновенно проводили это время года въ подмосковной, а съ нѣкоторыхъ поръ въ Петровскомъ паркѣ. Но наконецъ не полюбился имъ паркъ!.. притомъ же и Г..., привыкнувъ вѣрно къ вольному воздуху губерніи, къ ея жизни попросту, безъ церемоній, выразился о паркѣ довольно рѣзко и неблагонамѣренно: «помилуйте, какъ тамъ можно жить! пыль, шумъ, только и дѣлай что̀ гуляй да принимай гуляющихъ, домъ какъ улица, а главное, непремѣнно встрѣ-

тишься со всѣми, кого, по милости Божіей, не видалъ уже лѣтъ десять». Впрочемъ, не льзя было сказать, что онъ врагъ общественныхъ увеселеній. Напротивъ, послѣ губернской прозы, ему примѣтно нравилась кое-какая поэзія столицы. Княжна Софья, изъ чувства благодарности, намекнула было что-то въ защиту Петровскаго: она помнила, тихонько про себя, дни многихъ торжествъ и колѣнопреклоненій, дни, которые не легко сглаживаются съ сердца, но потомъ, вдругъ начала открывать въ своемъ саду и въ своемъ Московскомъ домѣ такія прелестныя качества, что противъ нихъ не устоялъ бы никакой паркъ въ мірѣ. «Какъ мы умно сдѣлали, что васъ послушали», сказала она весело, стоя внизу рампы при входѣ въ широкую аллею. Бѣлое платье ея освѣщено заходящимъ солнцемъ, лицо покрыто тѣнью отъ вѣтвистаго дерева. Г... прислоняся вверху къ растворенным дверямъ, смо-

трѣлъ на прямодушную красавицу, которая не думала скрывать кого послушалась и для кого перемѣнила образъ мыслей о паркѣ. Княжна въ глубинѣ комнаты работала, вдали играла на фортопьянахъ. Это была самая затруднительная минута для того, кто или въ гостяхъ или съ гостями, это было вскорѣ послѣ обѣда. Однакожь Г... имѣлъ видъ человѣка на тощакъ, человѣка въ часъ по полудни, хотя и не льзя было ни въ чемъ упрекнуть обѣда. Оживленныя черты его казались даже не такъ мрачны какъ обыкновенно, дѣятельность сердца придавала бодрость отягченному тѣлу. Онъ ничего не отвѣчалъ, а только вынулъ изорту сигару, подержалъ ее нѣсколько секундъ на воздухѣ, прищурилъ отъ дыму глаза и улыбнулся своей доброй улыбкой. Столько счастія выражалось на его лицѣ, что не было пустаго слова, котораго не выслушалъ бы онъ съ великодушнымъ участіемъ, не было у Княж-

ны движенья, за которымъ не послѣдовалъ бы глазами. Вы видѣли, что онъ совершенно погрузился въ тихое наслажденье настоящей минутой, что у него нѣтъ никакой заботы, что его не ждетъ никакое дѣло, что ему некуда ѣхать, некого отъискиватъ, что онъ не жалѣетъ вчерашняго дня и не боится за завтрашній. Стоитъ наладиться ѣздить все въ одинъ домъ, то наконецъ такъ въ немъ обживешься!.... если въ первой молодости страсть холодѣетъ отъ привычки, то въ нѣкоторыхъ лѣтахъ и послѣ извѣстныхъ бурь, привычки становятся страстью. Хотя ему не было еще сорока лѣтъ, но онъ привыкъ уже къ этому саду, къ этой семьѣ, къ тому что тутъ дѣлалось, что̀ говорилось и даже къ тѣмъ, кто надоѣдалъ ему тутъ. Сперва красота привлекала его, сперва представился ему въ женщинѣ свѣтлый міръ поэзіи, куда могъ онъ уйти отъ сухихъ воспоминаній и черствыхъ вне-

чатлѣній, потомъ обворожило радушіе. Въ его положеніи онъ имѣлъ полное право считать себя опаснымъ и ожидалъ, что примутъ его въ число знакомыхъ со всѣми признаками свѣтскаго удовольствія, но церемоннѣй, но холоднѣй чѣмъ женатаго или бѣднаго, но станутъ, изъ уваженія къ строгости нравовъ и толкамъ, защищаться отъ него и держать себя нѣсколько поодаль, чтобъ не войти съ нимъ въ эти родственно-пріятельскія отношенія, которыя почитаются, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и не приличными и вредными для развитія въ мущинѣ полезнаго чувства. Онъ ошибся. Съ перваго разу замѣтилъ простосердечный тонъ дома. Съ перваго разу поставили его на такую пріятную ногу, обошлись съ нимъ такъ искренно, такъ незлонамѣренно, какъ будто у него все имѣнье въ залогѣ, а потому онъ, воротясь тогда къ себѣ, бросился какъ былъ, на диванъ, легъ на

спину, положилъ руки подъ голову и пролежалъ часа три, разглядывая потолокъ, то справа то слѣва, и часто закусывая губы съ лукавой улыбкой. Точно удалось ему обмануть кого нибудь и прикинуться нищимъ. Княгиня давала полную свободу дочерямъ и совсѣмъ не надзирала за ними. Сидитъ себѣ бывало за работой, покоясь отъ трудовъ воспитанья, съ совершенной безопасностью, съ полнымъ убѣжденьемъ, что ей не слѣдуетъ уже бояться ни за одно чувство, ни за одну мысль, ни за одинъ шагъ своей дочери. Не безъ особеннаго удовольствія взглядывалъ иногда на нея Г.... и подмѣчалъ это гомерическое состоянье души. Онъ ѣздилъ уже къ нимъ почти каждый день, Княжны выбѣгали къ нему на встрѣчу, Княжна Софья не столько проворная, пускала сестеръ впередъ, а сама или слѣдовала за ними поодаль, или едва успѣвала показаться въ дверяхъ гостиной. Иногда

она измѣняла имъ и приносила его шляпу, которую часто прятали онѣ. Въ ея обращеніи съ нимъ было нѣсколько болѣе воздержности, не такъ много, чтобъ онъ могъ подозрѣвать совершенную холодность или глубоко обдуманный замыселъ и не такъ мало, чтобъ не могъ надѣяться на истинное и потому робкое чувство. Впрочемъ, гармонія между сестрами нарушалась только изрѣдка. Изрѣдка Княжна Софья разногласила съ ними или медленностью шага или молчаливостью или невниманьемъ. Бывало, въ минуту довольно живаго разговора съ ихъ ежедневнымъ посѣтителемъ, вдругъ нечаянно, легкая тѣнь подернетъ ей лицо, тонкій сумракъ застелетъ глаза и два, три слова ея собесѣдника потеряются даромъ. Г... однакожь, ни разу не осердился на такое разсѣянье, вѣрно предполагалъ, что иногда женщины отъ того васъ не слушаютъ, что думаютъ о васъ. Впрочемъ, повторяю, это

случалось рѣдко. Большею частію сестры дѣйствовали по братски, составляли прелестную группу, освѣщенную равнымъ свѣтомъ и проникнутую той же идеей. Всѣ онѣ были одинаково простодушны и прелестно-искренны и добродѣтельно-опрометчивы. Не смотря на иностранное воспитанье, въ нихъ сохранилась Русская, коренная черта: онѣ вѣчно имѣли видъ, что говорятъ отъ всего сердца, радуются изо всѣхъ силъ. Но что есть грубаго въ такой радости, что есть наглаго въ душевныхъ изліяньяхъ, это приняло у нихъ форму болѣе благонравную, болѣе нѣжную. Онѣ не скрывали своихъ недостатковъ, не заботились о послѣдствіяхъ, съ дѣтской небрежностью бросали слова на воздухъ, жили какъ-то не думавши, какъ-то по безпрестанному вдохновенью. Эта патріархальная или, если хотите, провинціяльная черта могла бы оскорбить привычки человѣка, который, пройдя из-

вѣстную часть жизни, полюбилъ съ горя все условное, все выученное, все пристойно-лицемѣрное. Г... запретилъ бы охотно говорить по увлеченью, смѣяться отъ души и готовъ былъ сказать всякому: «ради самаго Бога, не будьте со мной искренни, отстаньте отъ меня съ вашей откровенностью, я не хочу знать что происходитъ у васъ на сердцѣ, не хочу заглядывать ни въ чью душу». Но тутъ въ домѣ Княгини ему правилось то что̀ онъ ненавидѣлъ. Тутъ онъ плѣнялся простодушіемъ, дѣлался ребенкомъ. Когда Княжна съ сестрами смѣялась передъ нимъ, рѣзвилась, шутила, онъ позволялъ себѣ раздѣлять расположеніе ихъ духа, вмѣшивался въ ихъ кругъ, бѣгалъ съ ними по саду. Онѣ то толпились около него, то разбѣгались и медленная Княжна Софья оставалась одна съ нимъ. Но обыкновенно онъ бывалъ тяжелъ на подъемъ, сидѣлъ и любовался. Картина этой семьи умиляла и

нѣжила. Милыя существа, существа слабыя, беззащитныя мелькали передъ нимъ, кружились, не спускали съ него глазъ; онъ былъ центромъ ихъ движенья, магнитомъ, къ которому летѣли ихъ слова, въ который впивались ихъ мысли. Онѣ не знали и не справлялись кто онъ, откуда, гдѣ жилъ, что̀ дѣлалъ; онѣ вѣрили его взгляду, его улыбкѣ, тому что̀ онъ самъ скажетъ про себя; ихъ можно было обмануть, очернить, ограбить и Г... глубже уходилъ въ кресла и безсильнѣй опускалъ голову на руку: чувство довольства, чувство силы, чувство гордости проникало на его угрюмое лицо. Между тѣмъ этотъ покой, эту безопасность, эту адскую увѣренность, что вы можете быть вредны, а другой безоруженъ передъ вами, бездѣлица возмущала. Г... то погружался въ забвеніе, въ негу счастія, то вдругъ отъ вещи самой ничтожной, отъ мелочей станъ его вытягивался, брови ста-

новились гуще, глаза важнѣе.... онъ стоялъ, какъ мы видѣли, въ дверяхъ, на верху рампы, курилъ сигару, смотрѣлъ на Княжну. Разговоръ не оживлялся. Созерцательное состояніе убиваетъ внѣшнюю жизнь. Княжнѣ неловко стало отъ такого нѣмаго восторга. Чтобъ придать драматическое движеніе этой сценѣ, она взбѣжала на рампу, подошла къ кусту цвѣтовъ и съ какого-то невиннаго цвѣтка начала обрывать листья. Но нельзя же ей было до того заняться этимъ, чтобы выпустить изъ виду все окружающее, а потому, продолжая терзать и уродовать что-то прелестное, она взглянула раза два на своего гостя, взглянула въ бокъ, бросила этотъ косвенный взглядъ, о которомъ говорили мы вначалѣ нашего разсказа. Сигара у Г... потухла, онъ отнялъ плечо отъ притолоки и выпрямился, какъ будто чей-то грубый голосъ закричалъ на него: «что ты такъ по родственному

расположился въ этомъ домѣ»? Странный блескъ мелькнулъ передъ нимъ. Прекрасные глаза освѣтили картину какимъ-то другимъ, неежедневнымъ смысломъ. Чудесный, но страшный взглядъ сорвался съ женской души. Это уже взглянуло не простосердечное, не слабое, беззащитное существо, взглянула женщина, у которой въ головѣ перебывало также много мыслей, которая не безъ пользы обращается въ обществѣ и не безъ оружія ходитъ между людьми. Г... повернулся, вошелъ въ комнату и, покуда никому не было видно его лица, на немъ успѣла блеснуть минута такого горькаго раскаянья, такого глубокаго упрека самому себѣ: «ахъ, что это? гдѣ ты? за чѣмъ ты такъ далеко зашелъ?...» въ разсѣяньи, преслѣдуя этотъ разрядъ мыслей, надѣясь, что шляпа да перчатки поправятъ дѣло, онъ взялъ ее, надѣлъ ихъ и сѣлъ точно пріѣхалъ въ первый разъ съ самымъ церемон-

нымъ визитомъ. Никто не понялъ этого движенья. Княжна, удивленная, смотрѣла издали сквозь двери, рука ея замерла на цвѣткѣ. Сестры кинулись съ вопросами: «что съ вами? что вы это?» и остановились въ недоумѣньи, за чѣмъ онъ сѣлъ такъ чинно и, повидимому, надолго, когда собрался въ путь. Княгиня, — она обыкновенно постигала все, отгадывала причины всѣхъ человѣческихъ дѣйствій и пустыхъ и важныхъ, улыбнется бывало, да скажетъ: «горячая голова, доброе сердце и дѣло кончено». — Княгиня положила иголку, не выронила на слова, а только уставилась на Г... съ самой привѣтливой улыбкой, какъ будто слушала чтеніе прекрасныхъ стиховъ, которыхъ не понимала. Онъ опомнился, выдумалъ, что ему нужно ѣхать, подошелъ къ канвѣ, пробормоталъ что-то забавное, разсмѣялся и исчезъ.

IV

Не знаю была ли эта сцена поводомъ къ безпокойствамъ и продолжительнымъ семейнымъ толкамъ въ домѣ Княгини, только на другой день не оказалось никакихъ печальныхъ послѣдствій. Г . . . опять явился попрежне-

му и встрѣча сдѣланная ему, изгладила тотчасъ воспоминанія, если онѣ оставались, о невинныхъ взглядахъ, которые онъ отъ своего подозрительнаго характера перетолковалъ такъ ужасно. На него находило вдругъ, Богъ знаетъ отъ чего, желанье воротиться назадъ, желанье, выраженное въ исторіи человѣчества понятіемъ о золотомъ вѣкѣ, но кто изъ насъ не пугался иногда настоящаго, не осуждалъ того что̀ дѣлаетъ и не хотѣлъ приняться за то что̀ дѣлалъ прежде? кто не говорилъ себѣ «за чѣмъ я ѣзжу въ этотъ проклятый домъ» и не приговаривалъ: «дай уже заѣду въ послѣдній разъ». Впрочемъ, его странностей не льзя сравнивать съ странностями всего человѣческаго рода. Онъ былъ исключеньемъ изъ общихъ законовъ. Сидѣть въ кругу Княженъ, разговаривать съ ними, видѣть ихъ каждый день вошло у него въ обычай, сдѣлалось необходи-

мостью, между тѣмъ онъ являлся къ нимъ не съ раболѣпнымъ чувствомъ обожателя, не представлялъ изъ себя слѣпаго поклонника, а добивался чести совершенствовать ихъ, направлять на путь истинный, разъигрывалъ, къ несчастью своему, рѣчь наставника: онѣ были веселаго нрава, охотницы смѣяться, рядиться, говорили, не напрягая слишкомъ умственныхъ способностей и тѣмъ самымъ, въ слѣдствіе законовъ учтивости, не налагали на своихъ собесѣдниковъ обязанности слушать ихъ съ трудолюбивымъ вниманьемъ. Княжна Софья была, какъ мы видѣли, степеннѣе, сердце ея успѣло уже настрадаться, однакожь и она не портила нисколько общей семейной черты. Если кто отравилъ веселую безпечность этого дома, согналъ безпрестанную улыбку съ прелестныхъ лицъ, это былъ Г . . . правда, онъ бѣгалъ по саду и все таки внесъ съ собою стихію важ-

ности, пошелъ на перекоръ привычкамъ Княженъ. До него онѣ прикасались только къ тому, что̀ мило, легко, небезпокойно; протанцуютъ на балѣ, мелькнутъ на гуляньи, пропоютъ романсъ, котораго завтра не станутъ пѣть, скажутъ и услышатъ только то, отъ чего черезъ минуту не уцѣлѣетъ ни обрывка мысли въ головѣ, ни ползвука въ ушахъ, такъ что каждый день жизнь у нихъ начиналась снова, свѣжая, новорожденная, необезображенная вчерашними остатками. Г... напротивъ, съ чѣмъ, бывало, ни явится, все это какъ-то вѣчно, постоянно, все это какіе-то толки о томъ, о чемъ люди не перестанутъ толковать. Всегда съумѣетъ навести разговоръ на нравоучительный предметъ, пристанетъ съ книгами. Его слушаютъ и, разумѣется, не перебиваютъ: завидная участь ораторствовать между Княженъ!... для него нѣжная природа женщины гнет-

ся во всѣ стороны. Съ необыкновеннымъ величіемъ души онѣ отказываются отъ всего что̀ любили, перестаютъ почти выѣзжать, принимаютъ къ себѣ, но съ особеннымъ удовольствіемъ проводятъ время только съ нимъ, въ неограниченномъ счастіи домашняго круга, наводняютъ свои гостинныя книгами, развертываютъ ихъ и впадаютъ въ отчаянье. Г . . . все критикуетъ. Тотъ романъ не хорошъ, ту повѣсть не стоитъ читать, Французскія книги никуда не годятся, (на чтобы, кажется, лучше?) давайте Англійскихъ, а по Англійски ни одна изъ Княженъ не знала. Можете представить ихъ затруднительное положеніе, когда онъ, увлекаясь собственнымъ краснорѣчіемъ и чужимъ молчаньемъ, распространялся передъ ними о Шекспирѣ, Моцартѣ и чуть чуть, на волосъ, не доходилъ до ораторій Мендельсона - Бартольди. Такое отсутствіе такта должно бы взволновать гор-

дую душу, независимое сердце взбунтовалось бы противъ этихъ богачей, которые все себѣ позволяютъ; но чего не перенесетъ снисходительное долготерпѣніе женщины!... Княжны то опустятъ головки, то приподнимутъ; Княгиня продернетъ иголку и остановится!... Меньше стало у нихъ смѣха, больше чтенія, меньше ходили онѣ изъ комнаты въ комнату, больше сидѣли на мѣстѣ. Однажды Г..., взглядывалъ изподтишка на Княжну Софью, которая, держа голову въ косвенномъ положеніи, смотрѣла на него прямо и, повидимому, слушала всѣмъ сердцемъ, что онъ говорилъ. Разговоръ вертѣлся на предметахъ, нестоющихъ вниманья, наконецъ дошло до чего-то Англійскаго, до Англійской машины или лошади, все равно, только Княжна выпрямила тотчасъ голову, повернула глаза, сдѣлала движенье, какъ будто сказала про себя: «а вспомнила!» потомъ прикоснулась самымъ

нѣжнымъ образомъ къ какой-то небольшой книжкѣ, которая лежала возлѣ на столикѣ, чуть чуть приподняла двумя пальцами прелестный переплетъ, взглянула подъ него и проговорила весело, не робко, безъ малѣйшаго кокетства въ голосѣ:

«Хотите прослушать мой Англійской урокъ?»

—Какъ Англійской?—спросилъ Г... съ такимъ видомъ что, казалось, перезабылъ все о чемъ прежде шла рѣчь.

— Да давно ли вы учитесь? —

Княжна отвѣчала давно ли, съ точностью опредѣлила время, но съ этими словами куда дѣвалась ея смѣлость? потупились прекрасные глаза и зарумянились щеки. Г... вѣрно приписалъ это застѣнчивости, страху передъ его глу-

бокими познаніями въ Англійскомъ языкѣ, а нерасчелъ, не догадался, что Княжна начала учиться, назвала ему именно тотъ день, когда онъ въ первый разъ принялся надоѣдать ей Англичанами. Еслибъ жалкая, сороколѣтняя память не измѣнила ему, онъ принялъ бы еще болѣе къ сердцу эти чувствительныя тонкости, эту обдуманную нѣжность и улыбнулся бы еще счастливѣе. Урокъ былъ сказанъ, Княжна прочла наизусть какіе-то стихи и Г... впалъ въ совершенное изумленіе, глядѣлъ на нее, какъ на красоту, которая отнимаетъ у васъ увѣренность, что вы ее стоите, какъ на талантъ, за которымъ не смѣетъ гнаться ваше воображеніе. Выучиться въ такое короткое время и съ такимъ совершенствомъ коверкать по Англійски свой языкъ, это было, конечно, сильное доказательство любви, одно, на что̀ еще можно положиться.

Въ этотъ вечеръ Г... поѣхалъ отъ нихъ съ особеннымъ расположеніемъ къ астрономическимъ наблюденьямъ. Дорогой, развалившись въ коляскѣ и закинувъ голову, онъ мужественно поднялъ глаза на небо, однакожь, безъ всякаго благоговѣнія озирался на звѣзды то туда, то сюда, не задумался ни на одной, точно все зналъ, все понялъ и не боялся ни пространства, ни времени.

V

Литтература до того вскружила Княженъ, что онѣ начали приставать, къ Г..., чтобъ онъ познакомилъ ихъ съ однимъ Россійскимъ сочинителемъ, съ которымъ былъ очень друженъ. Похвально вниманіе къ отечественной сло-

весности. Сладко писать для Княженъ. Г... не хотѣлъ привести своего друга тотчасъ, по слову, сказанному вскользъ, по мановенью женской руки, чтобъ, разумѣется, придать ему болѣе вѣсу, заставить ихъ думать, что Русской тоже Французъ, и тѣмъ самымъ способствовать развитію народности, развитію страсти къ отечественнымъ произведеньямъ, которая начинала обнаруживаться въ Княжнѣ Софьѣ съ довольно уже опасными признаками. Г... откладывалъ, но его друга требовали непремѣнно; не было никакого средства противиться новому направленью Княженъ, основанному на благородной привязанности къ Русскому чтенью: любовь къ отечеству превозмогаетъ препятствія, а потому сочинитель и былъ привезенъ. Едва онъ вошелъ въ этотъ волшебный домъ, то первый предметъ, который поразилъ его и отправился прямо къ нему въ сердцѣ, — было его сочиненіе, книга бро-

шенная на фортопьяны, на самое видное мѣсто, не развернутая, но судя по наружности, безъ милосердія исчитанная. Кто при такихъ обстоятельствахъ не понялъ бы что это обманъ, приготовленье, умыселъ, — и между тѣмъ, у какого писателя въ душѣ не родилось бы подозрѣніе, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ его читаютъ да перечитываютъ. Сочинитель скользнулъ по книгѣ, окинулъ глазами потолокъ, прищурился на длинную амфиладу комнатъ и съ чувствомъ знатока, архитекторскимъ тономъ сказалъ своему другу: «какой прелестный домъ!» Эта пустая фраза, это пріятное впечатлѣніе подѣйствовали сильно на Г...: въ его движеньяхъ замѣтно было что-то странное, онъ принималъ гостя точно у себя и, какъ самый тщеславный хозяинъ, трусилъ за каждый стулъ. Но ему нечего было бояться. Все стояло на своемъ мѣстѣ и во всемъ замѣчалась особенная строй-

ность. Княжна, какъ нарочно, одѣлась еще лучше обыкновеннаго и позволила себѣ явиться въ полномъ блескѣ своего ума, красоты, вкуса. Передъ Г... она скромничала немного, выставляла больше сестеръ, не дѣлала шагу, чтобъ не затмить ихъ и, по собственному чувству, изъ самоотверженія, безпрестанно обуздывала свое могущество. Пріѣздъ сочинителя измѣнилъ это благое поведеніе и поставилъ ее на грѣшную стезю тщеславія. Она вступила въ свои права, перестала щадить родныхъ и завладѣла первымъ планомъ картины, а потому, когда сочинитель вошелъ, то, послѣ нѣсколькихъ словъ съ парадной хозяйкой дома, онъ замѣтилъ тотчасъ что не тутъ присутствіе силы, не тутъ центръ гостинной и, переминаясь по комнатѣ, невольно обратился къ Княжнѣ, инстинктно передвинулся къ главному лицу, къ настоящей власти, которая дарована свыше, а не присвоена пустыми обычаями.

Г... болѣе великодушный, помѣстился около слабости, сѣлъ возлѣ Княгини и началъ упрашивать ее... « Ради Бога, Княгиня, положите себѣ за правило не вышивать Турокъ.... Турка верхомъ, Турка пѣшкомъ, Турка подъ окномъ, что это у васъ за Азіятскія наклонности!.. »

Они вступили въ ученый разговоръ, а между тѣмъ сочинитель испытывалъ счастіе, какое только суждено человѣку испытать на землѣ. Княжна, (подъ этимъ словомъ должно теперь разумѣть Княжна и ея сестры,) Княжна оробѣла: не смотря на прелестное платье, на самый живой румянецъ, на самое выгодное положеніе, — съ одной стороны около нея стояли ширмы, всѣ обвитыя плющемъ, съ другой кусты цвѣтовъ, она выглядывала своими чудными глазами изъ этой зелени, изъ этого благоуханья и какъ-то мѣшалась, не-

ясно говорила. Сочинитель, разумѣется, понялъ это. Близкое присутствіе отличнаго ума, таланта, способностей, геніяльности пугаетъ чрезвычайно!

Въ какую это обѣтованную часть Москвы завезли его!... по добротѣ сердца онъ началъ прибѣгать къ разнымъ средствамъ, чтобъ не остаться на долго страшнымъ и умѣрить ужасъ своего появленья: далъ пройти первой минутѣ, самъ опустилъ глаза, выдумывалъ безпрестанно разговоры, одинъ пустѣе другаго, чтобъ не очень затруднить милую Княжну, чтобъ снизойти до нея, чтобъ показать глубокое пренебреженіе къ своему величію. Г... какъ ни былъ увлеченъ разсужденьями о канвѣ, но отъ него не ускользнуло и то что̀ совершилось въ другомъ углу комнаты: онъ увидалъ впечатлѣніе, произведенное его другомъ и развеселился съ Княгиней больше чѣмъ бывало и смѣялся отъ всей

души. О, пріятно, тысячу разъ пріятно, когда блистательная Княжна, драгоцѣнная вашему сердцу, робѣетъ передъ человѣкомъ, у котораго нѣтъ другихъ преимуществъ кромѣ слова и мысли. Но это было только начало. Сочинителя провели по всѣмъ ступенямъ удовлетвореннаго самолюбія. Сперва онъ встрѣтилъ книгу, потомъ благоговѣніе, потомъ показали ему до какой степени владѣетъ онъ навыкомъ свѣта, какъ ловокъ въ пріемахъ, какъ легко можетъ ободрить, приподнять до себя всякаго кого захочетъ. Мало помалу Княжна приходила въ свое обыкновенное состояніе, связнѣе начинала говорить, смѣлѣе взглядывала, — постепенность въ этомъ переходѣ отъ трусости къ мужеству была такъ естественна, вліяніе сочинителя на это двоякое расположеніе духа было такъ очевидно, что никто на мѣстѣ Г... не усидѣлъ бы возлѣ Княгини. Но онъ позволялъ себѣ изда-

ли только нѣкоторый родъ наблюденія, посматривалъ не окажется ли пищи для критики, его самолюбіе было въ безпрестанной игрѣ и совсѣмъ тѣмъ онъ, казалось, оставался очень доволенъ, радовался на Княжну и не думалъ, что его другу, хотя на одну секунду, придетъ въ голову какая нибудь грѣшная мысль. На этотъ щетъ можно быть покойну съ сочинителями. Первый визитъ продолжился болѣе чѣмъ слѣдовало, разговоръ сдѣлался живѣе и основательнѣе чѣмъ прилично. Княжна дала ему этотъ оборотъ и успѣла блеснуть передъ своимъ новымъ собесѣдникомъ сокровищами воспитанія. Ей не трудно было ослѣпить его. Во первыхъ, разумѣется, она говорила по Французски лучше всѣхъ сочинителей, а это на нихъ очень дѣйствуетъ, хотя они и запираются. Слѣдовательно, онъ въ глубинѣ души непремѣнно подумалъ: «Боже мой, какъ она говоритъ по Французски!..»

потомъ Княжна все читала, все, чего не нужно читать, отъ этого онъ необходимо пришелъ къ слѣдующему заключенію: «Боже мой, какъ у насъ женщины образованы!...» Наконецъ она знала нѣсколько языковъ, т. е. умѣла говорить на нихъ: это должно было довести его до совершеннаго отвращенія отъ мужчинъ, а особенно отъ своихъ собратовъ, которые, какъ Англичане, только что понимаютъ, а говорить не могутъ. Красота, сладкій голосъ, запахъ цвѣтовъ, роскошная мебель дополняли очарованіе. Сочинитель засидѣлся, выборъ предметовъ для разговора увлекъ его въ бездну поэзіи: онъ попалъ въ домъ, гдѣ все такъ и дышало музыкой, стихами, невинной любовью къ изящнымъ искусствамъ, непреодолимой страстью къ книгамъ... «Боже мой, какъ ты счастливъ!» вскрикнулъ онъ своему другу, когда этотъ тотчасъ послѣ визита заѣхалъ къ нему и едва успѣлъ

войти. Восклицаніе было нескромно, потому что Г... пересказывалъ кое-что изъ своихъ посѣщеній Княгинѣ, но ни въ чемъ не открылся, не признался ни въ своей слабости, ни въ своихъ намѣреньяхъ, да до этой таинственности не было уже сочинителю дѣла: онъ не простылъ еще отъ жару и не имѣлъ болѣе силъ молчать, какъ будто ничего не подозрѣваетъ. Мерещилась ли ему книга на фортоньянахъ или въ самомъ дѣлѣ душа отдохнула съ новой Княжною отъ всѣхъ старыхъ Княженъ, только онъ ходилъ по комнатѣ, поэтически взволнованный. Г... не принялъ ни малѣйшаго участія въ этомъ волненіи, усмѣхнулся какъ старикъ на молодаго человѣка, который горячится, сѣлъ въ шляпѣ и началъ или шутить или выпытывать у своего друга самое искреннее мнѣніе съ самаго дна сердца.

«Да что же за счастіе? Я не вижу ничего особеннаго.»

Г... сталъ очень заботливо раскуривать сигару, сочинитель остановился.

Одинъ имѣлъ видъ неприступной крѣпости, другой, маленькаго роста, живаго темперамента походилъ на наѣздника, который по пустому гарцуетъ въ полѣ.

—Если ты имѣешь намѣреніе жениться когда нибудь, то долженъ жениться на Княжнѣ. Богъ не сотворилъ для тебя другой женщины лучше. . . . Да сдѣлай одолженіе перестань курить. —

Г... засмѣялся и курить продолжалъ покойнѣе прежняго.

«Да что же ты меня уговариваешь? положимъ, что я тронусь твоимъ краснорѣчіемъ, но вѣдь это не все. Почему ты увѣренъ, что я нравлюсь ей, да и какъ ты увѣришься?»

—О, на этотъ щетъ ты можешь быть покоенъ. —

Сочинитель любилъ, когда про него говорили, что онъ удивительно знаетъ человѣческое сердце, — прежде какъ я не видалъ ея, то думалъ, что тебѣ трудно вывѣдать правду, что за тебя пойдетъ тотчасъ всякая, и что ты, тебѣ подобные, должны же чѣмъ нибудь искупить ваши богатства, должны же отказаться отъ чего нибудь въ пользу нашу. Женская искренность, покрайнѣй мѣрѣ, думалъ я, принадлежитъ намъ, намъ остается удовольствіе просить руки и получить отказъ. —

Г... снялъ шляпу, лицо его почти исчезло въ дыму, сочинитель продолжалъ:

—Но, другъ, я видѣлъ ее. Вздоръ эти бредни скептицизма! неправда, что наблюдательный глазъ не отличитъ лжи

отъ истины, души прекрасной отъ души хитрой. Сердце возмущается при такой мысли. Есть взгляды, которые какъ нибудь да измѣнятъ, есть эти чистые звуки въ голосѣ, подъ которые нельзя поддѣлаться! Что это за варварскія мнѣнія! Женщину съ дѣтства приучаютъ лгать да притворяться, а потомъ клянутъ, что не всегда искренна. Да посмотри какъ она мила, какъ рада, когда представляется ей случай и когда позволятъ ей несчастной обнаружить то, что̀ у нея на сердцѣ. Княжна такъ скоро говоритъ, что ей нѣкогда размѣривать и обдумывать свои слова. Повѣрь мнѣ, это видно, у нихъ въ домѣ не тотъ тонъ, ихъ какъ-то не боишься, съ ними чувствуешь себя свободнѣй, лучше. Изъ вѣжливости она старалась въ разговорѣ со мною показать, что на ту минуту я былъ главное лицо и не умѣла: взгляды ея невольно относились къ тебѣ, уши подслушивали не скажешь

ли ты чего нибудь, сердце боролось съ требованьями свѣта, — эту борьбу не переймешь, этому не выучишься, она не такъ создана, не такъ смотритъ, а что за образованіе!..—Сочинитель изчерпалъ свое воображеніе въ похвалахъ Княжнѣ и наконецъ сошелъ до того, что сказалъ даже: — Я истинно въ цѣлой Москвѣ не знаю другой!—Это была конечно маленькая несообразность; ну какъ, кажется, въ Москвѣ не найти другой! Г... всталъ весело, какъ будто добился до того за чѣмъ пріѣхалъ и проворно, но безъ всякаго безпокойства возразилъ ему: «Да ты влюбился въ нея! »

—Полно, пожалуста, шутить, когда человѣкъ говоритъ дѣло. Боже мой, что это можетъ быть вашъ домъ! Вы сосредоточите около себя все что̀ есть просвѣщеннаго; путешественникъ или кто другой изъ людей любо-

пытныхъ, его непремѣнно встрѣтишь у васъ; куча книгъ, музыкальные вечера, образованные обѣды;—обѣдовъ, пожалуста, не забудь, всѣ журналы, да женись другъ, сдѣлай милость, женись.—

Я распространился о сочинителѣ, потому что, онъ съ этихъ поръ сдѣлался добрымъ геніемъ Княжны и заплатилъ ей щедро за вниманіе, оказанное въ лицѣ его Россійской словесности, а особенно за благосклонность, съ какою удостоила она бросить его книгу на фортопьяны. Ему предстоялъ тяжелый подвигъ. Онъ безпрестанно долженъ былъ возстановлять ее въ мнѣніи своего друга, хотя она не дѣлала нималѣйшаго проступка и не подавала повода ни къ какимъ оскорбительнымъ подозрѣньямъ. Но что дѣлать! такова была ея участь. Не такъ прямо взглянетъ и ужь виновата и Г... ѣдетъ къ сочинителю и вхо-

дитъ въ комнату полновѣсными шагами, точно статуя коммандора на ужинъ къ Дон-Жуану. Услышитъ ли онъ гдѣ нибудь въ гостинной, на улицѣ, въ лавкѣ, что въ какомъ нибудь домѣ, который Провидѣніе наградило дочерьми, за кѣмъ нибудь ухаживаютъ и помилости пустаго слова, невѣрнаго слуха, клеветы, сочинитель лишается сна. Г... явится къ нему поздно, просидитъ часовъ до трехъ ночи, ни о чемъ нѣтъ рѣчи, кромѣ несчастнаго, кого заводятъ, и къ концу бесѣды похудѣетъ, истерзается участіемъ къ человѣку постороннему. Но теперь буря, которая безпрестанно поднималась у него въ душѣ, проходила скорѣе. Онъ боролся съ нею уже не одинъ, въ глуши своего сердца, другъ своими розовыми мыслями помогалъ ему осиливать ее. Домъ Княжны съ каждымъ днемъ становился для него необходимѣй и пріятнѣй; не такъ часто его злое воображеніе перетолковывало

въ дурную сторону поступки Княжны, не такъ часто придирался къ ней его невѣрующій умъ. Съ нѣкоторыхъ поръ она поблѣднѣла немного, или лучше сказать, румянецъ у нея на щекахъ сталъ еще тоньше, еще нѣжнѣй. Цвѣтущее здоровье, сила сложенья пострадали пріятнымъ образомъ для глазъ отъ продолжительнаго невѣденья судьбы, отъ первыхъ тревогъ, сопряженныхъ равно и съ истинной любовью и съ болѣзненнымъ ожиданьемъ конца начатому дѣлу. Г. . . все ѣздилъ и все не говорилъ ни слова никому, даже и сочинителю, за чѣмъ ѣздитъ, съ какой цѣлью. Частыя посѣщенья подавали надежду, убійственное молчанье отнимало ее. Это была причуда богача, который не давалъ себѣ труда подумать, что надо же поскорѣй рѣшиться на что нибудь, что за минуты своего удовольствія въ кругу прелестной, обворожительной семьи, онъ, можетъ быть, платилъ ей тайными му-

ченьями и навѣрное уже доставлялъ обильную пищу толкамъ да пересудамъ. Неизвѣстно, что̀ въ продолженіи этого времени было на душѣ у Княгини и ея дочерей. Ихъ мысли, ихъ планы, ихъ чистосердечные бесѣды между собой оставались загадкой для любопытнаго. Тамъ, во внутреннихъ комнатахъ, безпокоились ли онѣ, радовались ли, приходили ли въ отчаянье, уповали ли на волю Божью, плакали или смѣялись— никто не зналъ. Но никто не могъ имѣть такого черстваго сердца, чтобъ со стороны даже не принять участія въ ихъ положеніи. Разумѣется, за то, что Г...ѣздилъ къ нимъ, ихъ терзали въ свѣтѣ, между тѣмъ къ этимъ терзаньямъ примѣшивалось и человѣколюбіе. Многіе жалѣли, что онъ, повидимому, не намѣренъ жениться, когда съ часу на часъ должно было рухнуться состоянье Княгини. Завтра не будетъ у

Княжны новой коляски, завтра она умретъ съ горя, изсохнетъ отъ обманутой любви, завтра какой нибудь бородачъ поселится въ этомъ великолѣпномъ домѣ, спуститъ собакъ и запретъ ворота. Впрочемъ, такъ какъ мнѣнія о состояньяхъ часто ошибочны, то не знаю до какой степени эти опасенія были основательны. Во всякомъ случаѣ, нравственное чувство обязывало уже Г... заплатить собою за неосторожность своихъ ежедневныхъ визитовъ, еслибъ даже рука Княжны не сдѣлалась постояннымъ предметомъ его размышленій. По счастію наступилъ такой промежутокъ времени, въ который не приключилось никакихъ пустяковъ, способныхъ разстроить и взволновать его. Онъ являлся къ Княгинѣ съ свѣтлымъ лицомъ, болѣе чѣмъ прежде заговаривалъ съ Княжною и началъ входить въ гостинную такимъ рѣшительнымъ ша-

гомъ, что не льзя было не вздрогнуть отъ радости и не испугаться мужской смѣлости: въ глазахъ у него сверкала окончательная мысль, на губахъ шевелилось уже дерзкое слово. Княгиня уходила со страху за шерстью, часть ея дочерей отправлялась играть на фортопьянахъ въ двѣ руки, передъ нимъ оставалась одна. Каждую минуту слѣдовало ожидать, что онъ объявитъ себя спасителемъ этой семьи, сбережетъ этотъ домъ для просвѣщенныхъ любителей баловъ, сохранитъ Княженъ въ поученье другимъ Княжнамъ. Каждую минуту, того и гляди, онъ предложитъ руку и сердце, какъ водится, законнымъ порядкомъ, начнутъ громоздить приданое, начнутся изліянія нѣжности, сладкія рѣчи, богатые подарки, установленные вѣковой мудростью человѣка, и ко дню бракосочетанія, любовь разрастется въ сердцахъ невѣсты и жениха неимовѣрнымъ образомъ; но нечаянно впуталось

тутъ ничтожное обстоятельство, которое измѣнило естественный ходъ дѣла и дало ему неправильный, неслыханный оборотъ.

VI

Сказано выше, что Княгиня принимала. Иногда по вечерамъ сбиралось у нея общество небольшое, но пріятное, т. е. веселое. Хозяйки дома одушевляли гостей и сообщали имъ свою любезность. Но такъ какъ любезность есть

*

вдохновеніе, лирическое состояніе души и слѣдовательно не можетъ продолжаться, то на этихъ вечерахъ чувствовалась тотчасъ потребность въ чемъ нибудь болѣе существенномъ. Любезность очень удачно замѣняется у насъ картами и танцами. Раздавались фортопьяны или скрипки. Каждый и каждая становились сноснѣе, умнѣе, живѣй. Княгиня избѣгала стариковъ. Бывало, куда ни обернись, все у нея такъ молодо, вездѣ вѣчная весна. Представителемъ осени былъ едва ли не одинъ Г..., а потому онъ начиналъ тѣмъ, что пересаживался съ кресла на кресло и не находилъ приличнаго мѣста между зеленью и розами жизни. Но и его увлекали въ танцы. Такъ было много свободы, мало чопорности, что сестры Княжны подбѣгали къ нему, какъ къ брату, долго шумѣли съ нимъ, она же издали взглядами, улыбкой, всей душой поощряла ихъ. Г... уступалъ женской

настойчивости, никогда однакожь не бралъ самой Княжны, а всегда въ контрдансѣ приходился противъ нея и, дѣлая съ нею вторую фигуру, танцовалъ отлично. Вторая фигура была его торжествомъ. Прекрасная женщина передавала ему свое искусство. Она смотрѣла на него такъ вдохновительно, приближалась такъ благородно, отлетала такъ легко, что и онъ становился гораздо воздушнѣй обыкновеннаго. Г... выносилъ изъ контрданса убѣжденіе, что протанцовалъ хорошо и это сознаніе собственнаго достоинства дѣйствовало на его нравъ въ продолженіе остальной части вечера. Онъ смѣялся, шутилъ и уже по охотѣ, изъ любви къ предмету, пускался опять въ танцы. Веселое расположеніе духа оканчивалось мазуркой. Мазурку онъ съ нѣкоторыхъ поръ оставилъ и потому, выключенный изъ круга людей дѣйствующихъ, удалялся къ сторонѣ, смиренно выглядывалъ изъ

какого нибудь угла, но его выкапывали изъ угловъ, его начинали безпрестанно выбирать и выбирать уже не однѣ Княжны (въ мазуркѣ дамамъ своя воля), а всѣ, у кого двигались ноги и билось сердце. Другому это было бы пріятно, онъ хмурился, лицо его становилось пасмурнѣй да пасмурнѣй, онъ конечно приписывалъ такое невинное предпочтеніе испорченности нравовъ, безнравственности вѣка, потому что наконецъ отрывалъ себя отъ Княжны, уходилъ въ другія комнаты, останавливался передъ растворенными дверями, пристально смотрѣлъ туда, вонъ изъ этого околдованнаго дома и пряталъ свое лицо въ потемки сада. Но кромѣ мазурки, еще одно обстоятельство мѣшало ему наслаждаться безмятежнымъ счастіемъ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, недуренъ собою, ловокъ, свѣжъ, мастерски одѣтъ. Въ его осанкѣ, въ его пріемахъ видна была такая самонадѣян-

ность, такое подражаніе современному эгоизму и такая полнота силъ, что поневолѣ становилось досадно. Онъ что-то написалъ, что-то напечаталъ, но, заговорите съ нимъ о какой нибудь книгѣ, онъ скажетъ, что ничего не читаетъ; спросите у него: «это ваше помѣщено въ журналѣ?» Онъ сдѣлаетъ мину и съ надменнымъ пренебреженьемъ пробормочетъ: «Да, вздоръ, пустяки, я ужь не помню.» Заведите же рѣчь о торговлѣ, о политикѣ, тутъ онъ закипитъ стихами, вспыхнетъ поэзіей, примется напѣвать какой нибудь прелестный мотивъ и вамъ станетъ совѣстно заниматься житейскими дрязгами, грязнуть въ государственныхъ сплетняхъ, когда другой только и дѣлаетъ, что бредитъ искусствами, да упивается мелодіей. Черта, которая особенно сердила степенныхъ москвичей и возбуждала зависть въ честолюбивыхъ юношахъ была та, что онъ подсядетъ къ женщи-

нѣ, расположится въ креслахъ какъ можно покойнѣе, вытянетъ ноги, наклонится къ ней очень близко, Богъ знаетъ что шепчетъ, Богъ знаетъ чему улыбается. Нѣкоторая наглость въ обращеніи, принимаемая многими за самую послѣднюю моду, истинный духъ времени за чудный отрывокъ Парижа, придавала молодому человѣку обольстительный видъ и, судя по женскимъ физіономіямъ, проводить съ нимъ время было очень нескучно. Княжна Софья встрѣчала его холодно и между тѣмъ Г..., при всякомъ удобномъ случаѣ, подшучивалъ надъ нимъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Когда оба они съѣзжались у Княгини, то одинъ все молчалъ, а другой старался говоритъ чрезвычайно много и, казалось, сердился, что тотъ молчитъ; одинъ сыплетъ бывало драгоцѣнности своего ума, а другой посмотритъ въ окно, оборветъ цвѣтокъ, пропоетъ романсъ, повернется и уѣдетъ.

Молодой человѣкъ не былъ богатъ, не слышно было, чтобы кто нибудь посягалъ на его свободу, онъ утромъ одѣвался, вечеромъ танцовалъ и такимъ образомъ жилъ пріятно для себя, не во вредъ другимъ. На одномъ изъ этихъ вечеровъ Г... въ первый разъ позволилъ себѣ провальсировать съ Княжною. Когда они дѣлали кругъ, то нельзя было безъ особеннаго чувства видѣть радость на лицѣ матери, участіе въ глазахъ сестеръ. Тутъ обнаружилось въ полнѣ до какой степени жили онѣ всѣ душа въ душу, а доброе согласіе между членами семейства трогаетъ чрезвычайно. Оробѣлъ ли Г.... при этомъ важномъ шагѣ, думалъ ли, что послѣ вальса необходимо уже слѣдуетъ жениться или просто изъ худо-понятой вѣжливости, только обнялъ станъ Княжны какъ-то не смѣло, какъ-то не близко придвинулся къ ней и провертѣлся съ нею по залѣ безъ этого пыла, котораго ожидаешь

отъ мужчины влюбленнаго и вальсирующаго въ первый разъ съ предметомъ своей любви. Княжна сдѣлалась неприступнѣй для всѣхъ прочихъ кавалеровъ. Съ кѣмъ ни танцовала потомъ, никто не могъ обратить на себя ея вниманья. Она едва удостоивала отвѣтомъ и то вскользъ, не повернувъ головы; она не слыхала многихъ словъ, мило ей сказанныхъ, и имѣла видъ, что вымѣщаетъ наконецъ своимъ пренебреженьемъ свои прежнія страданья въ свѣтѣ. Эта строгость нравовъ, эта неподвижность придавала еще болѣе силы и господства ея красотѣ. Она была какъ-то особенно неприкосновенна. Не для нихъ, не для этихъ легкихъ и безчувственныхъ сердецъ, которыя со всѣхъ сторонъ залы, слетались къ ней безъ цѣли, Богъ одарилъ ее бѣлизной, румянцемъ и прелестью взгляда. Между тѣмъ черты ея были веселы, свѣтлые глаза живы, лицо находилось въ противорѣчіи съ холод-

ностью обращенья; казалось, она положила на себя тяжкій обѣтъ, сдерживала невинные порывы молодости, жажду забвенья и всѣ поэтическія наклонности. Княжна стала неприступна, Г... напротивъ. Изъ степеннаго Англичанина онъ вдругъ превратился въ вѣтренаго Француза. Безпрестанно волнуется, безпрестанно говоритъ, безъ умолку дѣйствуетъ и вліянье ея на эти отступленія отъ характера было явно. Отовсюду они наблюдали и видѣли другъ друга, вездѣ помнили только себя, какъ будто для нихъ однихъ горѣли свѣчи, играла музыка и приносился душистый запахъ сада.

«У меня есть до васъ просьба, Княжна» сказалъ ей Г... тихо, когда она проходила мимо его ужинатъ и, проходя, останавливалась.

Княжна подвинулась къ нему.

«Мнѣ нужно съ вами поговорить наединѣ, можно ли завтра?»

Княжна потупила глаза.

«Я прошу у васъ только четверть часа.» Г... пришелъ въ свое первобытное положеніе, Г... стоялъ сурово, только нѣжная улыбка ручалась за благія намѣренья его сердца. Онъ просилъ таинственнаго свиданья съ такимъ достоинствомъ, такими благородными звуками голоса, что нельзя было отказать.

—Пріѣзжайте пораньше—сказала она торопливо и покраснѣла. Имъ тотчасъ помѣшали. Княжна бросилась въ другую комнату, пожала руку сестрѣ, которая попалась, взглянула на мать и сѣла за такой дамской столъ, что къ нему не могъ прилѣпиться ни одинъ мужчина.

Было весело и довольно шумно, а все шумѣли сестры Княжны. Онѣ спѣшили говорить, точно не надѣялись пересказать всего что̀ случилось съ ними въ этотъ вечеръ и, хотя взглядывали на Г..., сидѣвшаго въ сторонѣ молча, однакожь не пользовались нисколько примѣромъ скромности и покоя. Даже Княгиня за почетнымъ столомъ, куда обыкновенно приглашаютъ всякаго проходящаго и гдѣ наблюдается извѣстная воздержность въ рѣчахъ, даже Княгиня разговорилась до того, что, еслибъ не чепчикъ, то и ее можнобъ принять почти за Княжну. Ужинъ сближаетъ людей, за ужиномъ больше влеченья у сердца къ сердцу, больше братства на землѣ.

Многіе тѣснились въ переднюю, дѣлать уже нечего, отъужинали; но за то иные посматривали другъ на друга съ какимъ-то темнымъ желаньемъ и съ

какимъ-то блескомъ въ лицѣ. Куда ѣхать? зачѣмъ ѣхать?

По гостиннымъ образовалось нѣсколько группъ. Музыка заиграла опять. Двѣ, три пары еще вальсировали, но вальсировали быстрѣе, пламеннѣй. Ни кто не берегъ своего туалета, своей прически, а за нѣсколько часовъ никто не повѣрилъ бы, что не будетъ думать о нихъ. Правильная часть вечера кончилась, наступилъ безпорядокъ: всякій теперь скажетъ что у него на душѣ и поступитъ по самому внутреннему убѣжденію. Г... скрывался въ дальнихъ комнатахъ. Княжна стояла въ глубинѣ залы, не далеко отъ выхода, кого-то провожала и чего-то ждала. Разсѣянно пожимая руки уѣзжающимъ, она медленно повертывалась то туда, то сюда, взглядывала на окна, — отъ нихъ несло на нея холодомъ, а свѣжесть лѣтней ночи только что раздражала ей нервы. Щеки ея

горѣли, глаза обращались томно. Тосковала ли она, что разстается съ знакомыми на неопредѣленное время или послѣ этого длиннаго вечера, въ который вела себя такъ чинно, имѣла нужду въ одной минутѣ неблагоразумія и свободы? Откуда ни взялся молодой человѣкъ, о которомъ было говорено. Едва ступая, онъ показался изъ гостинныхъ, лѣниво остановился, гордо окинулъ глазами залу, увидѣлъ Княжну и встрепенулся. Они взглянулись. Молодой человѣкъ бросилъ шляпу, очутился возлѣ Княжны, кивнулъ музыкантамъ, чтобъ играли скорѣе и помчался съ нею. Зала исчезла подъ ихъ ногами, ихъ груди коснулись одна другой, ихъ мысли, чувства, желанья слились въ этомъ вихрѣ, замерли въ необузданности движенья; рука мужчины держала Княжну такъ крѣпко, кружила ее такъ сильно, такъ скоро и страстно... но она не рвалась изъ этихъ

объятій, но легкія ножки ея не опускались на паркетъ, а едва дотрогивались до него; но голова не отворачивалась съ негодованіемъ; Княжна не робѣла, Княжна не роптала, Княжна сносила жадные взгляды, терпѣла жаркое дыханье; это было мгновеніе силы, огня и безпамятства, это былъ взрывъ сердца, взрывъ свободы. Они сдѣлали нѣсколько огромныхъ круговъ и наконецъ остановились. Она пошатнулась. Сестры ея прощались еще съ уѣзжающими у выхода, зала была почти пуста, музыка затихла. Первое дѣло Княжны было взглянуть тотчасъ на противоположную сторону. Она подняла глаза и отъ усталости или отъ испуга помертвѣла. Тамъ, на другомъ концѣ, посерединѣ дверей стоялъ, какъ вкопанный, судья каждаго ея слова, каждаго шага и можетъ быть слишкомъ скораго вальса. Онъ заслонилъ длинный рядъ свѣтлыхъ комнатъ и да-

же издали чрезвычайно была замѣтна строгая наблюдательность на его мрачномъ лицѣ. Вы видѣли, что этотъ человѣкъ занятъ дѣломъ, что передъ нимъ проносятся по залѣ призраки испорченнаго воображенья, что онъ непремѣнно сравниваетъ различные способы вальсированья, вальсъ сорока-лѣтній съ двадцати-пяти-лѣтнимъ. Княжна вглядывалась въ его навислыя брови и стиснутыя губы: гдѣ эта добрая улыбка, гдѣ эти многозначущія слова, сказанныя ей недавно такимъ благороднымъ голосомъ? Онъ уже не помнитъ что̀ говорилъ, не помнитъ ея продолжительнаго благоразумія, безконечныхъ доказательствъ ея нѣжности, ни изобрѣтательности женскаго ума, ни вдохновеній женскаго сердца. Онъ все принесъ въ жертву впечатлѣнію минуты. Онъ уже не улыбался, не шевелился и ничего не просилъ. Черты его окаменѣли съ какимъ-то страшнымъ вы-

раженьемъ. Въ одной комнатѣ съ нимъ, противъ него нельзя уже было мечтать ни о счастіи, ни о любви, ни объ устройствѣ дѣлъ. Онъ не пойметъ невинной шалости, не извинитъ минуты увлеченья, не помилуетъ за молодость. Княжна едва сдвинулась съ мѣста. Блѣдная, не сводя съ него глазъ, тихо пошла къ нему. Еще не разъѣхались, кое-кто оставался, чтобъ все замѣтить, за все осудить и завтра разсказать по городу; но что значилъ этотъ страхъ передъ силой, которая влекла ее? зала сдѣлалась больше, длиннѣй. У Княжны не достанетъ силъ дойти него. Медленно приближалась она, никуда не оглядывалась, никого не боялась, она видѣла только его одного. Онъ одинъ тутъ способенъ понять всѣ ея мысли, проникнуть вглубь ея души, онъ способенъ по милости вальса дорыться до преступленья. Она подошла къ нему какъ можно ближе, на-

клонила голову на одно плечо и, съ умилительнымъ выраженьемъ, съ выраженьемъ самаго чистаго покаянья приподняла на него глаза, эти глаза просили пощады, сами не зная за что, они говорили ему: чѣмъ же я виновата, что вы не такъ скоро вальсируете? но не думайте, чтобъ я стала оправдываться: лучшія побужденья моего сердца, подвигъ добродѣтели, поступокъ высокой нравственности, я за все рада обвинить себя, все дурно, все ужасно, все, что̀ вамъ не нравится, я безъ малѣйшаго ропота признаю великимъ приступленьемъ.

«Вы будете къ намъ завтра?» спросила она у него.

—Буду Княжна — отвѣчалъ Г..., повернулся отъ нея недовольно вѣжливо и опять остолбенѣлъ. Молодой человѣкъ разговаривалъ игриво и чрезвы-

чайно развязно съ одною дамой, вдали виднѣлись его распаленныя щеки, его волосы, растрепанные въ вихрѣ вальса, ему не было дѣла ни до любви, ни до ревности, онъ не отъискивалъ истины, не подозрѣвалъ лицемѣрія, а просто находился въ блаженномъ и торжественномъ состояньи. Г... взглянулъ опять на Княжну. Она не обрадовалась еще отвѣту, она стояла по прежнему, преклонивъ свою душу передъ своимъ жестокимъ судьей. Ея прекрасное платье потеряло въ волненьяхъ вечера первоначальную свѣжесть, букетъ цвѣтовъ находился уже въ такомъ положеньи, что вѣрно не такъ былъ приколонъ.

—Буду, непремѣнно буду,—повторилъ Г... тономъ человѣка, который неизвѣстно съ кѣмъ говоритъ, съ вами или съ собой. — Да отъ чего-жь мнѣ не быть?—прибавилъ онъ, продолжая раз-

говаривать съ какимъ-то привидѣньемъ. Послѣднія слова давали Княжнѣ чувствовать неловкость и неосторожность вопроса, сдѣланнаго ею. Въ самомъ дѣлѣ отъ чего ему не быть? развѣ ихъ отношенія измѣнились совершенно въ нѣсколько секундъ? развѣ онъ имѣлъ основательную причину отказаться отъ выпрошенной четверти часа? развѣ... но гдѣ перечесть все, что можно иногда передумать, выходя изъ залы?...

Едва Г... вышелъ, какъ мать и сестры кинулись къ Княжнѣ.

VII.

Приѣхавъ къ себѣ Г... былъ очень недоволенъ освѣщеніемъ, съ какимъ обыкновенно встрѣчали его, когда онъ возвращался поздно и на которое прежде ни разу не обратилъ вниманья. Ему показалось темно, нестерпимо темно

и загорѣлись свѣчи, освѣтились комнаты не кстати, не вовремя, безъ всякой видимой надобности. Свѣта, огней, жизни требовалъ онъ, а не постели, не тихой ночи, не отдыха послѣ длиннаго дня и утомительнаго вечера. Ему не соскучилось еще бодрствовать, отправлять дневную работу существа разумнаго, не надоѣло мыслить и чувствовать, ворочать глаза во всѣ стороны, носиться съ головой, которая безпрестанно что̀ нибудь да думаетъ. Праздновалъ ли онъ наединѣ съ самимъ собою неожиданное открытіе, геніяльную находку или хотѣлъ безъ свидѣтелей наглядѣться на свою роскошь, упиться могуществомъ своего богатства, пересчитать у сколькихъ милліоновъ людей нѣтъ того, что̀ у него есть, а потомъ уже лечь покойно и заснуть счастливо? Правую руку онъ держалъ за жилетомъ, на груди, мялъ галстухъ, терзалъ рубашку, захватывалъ тѣло;

пальцы его пытались пробраться глубже, искали дороги къ несносному чувству, которое помѣстилось гдѣ-то внутри. Мрачно озирался онъ, какъ будто попалъ въ незнакомый домъ, какъ будто шелковыя стѣны, бронза, мраморъ, картины предвозвѣщали скорое появленье духовъ, владѣтелей этого великолѣпія. Мертвая тишина вездѣ. Ни шороха ногъ, ни стука кареты. Домъ и городъ, казалось, только построены, а не населены. Съ ужасомъ всматривался онъ въ украшенія своихъ комнатъ, въ дорогіе предметы искусствъ и чудеса промышлености. Не имъ ли, не этимъ ли игрушкамъ, накупленнымъ Богъ знаетъ зачѣмъ, обязанъ онъ и правомъ любить и правомъ свататься? безъ нихъ что̀ онъ можетъ? чего будетъ стоить? безъ нихъ, не отнимутъ ли у него воздуха, которымъ дышитъ, неба, на которое глядитъ, прекрасной Княжны, куда ѣздитъ? —

Онъ стоялъ съ глазу на глазъ съ своимъ богатствомъ и некуда было повернуться ему: вездѣ попадались на встрѣчу какія-то сокровища, все неодушевленное разговаривало съ нимъ живымъ, все шуміло ему въ уши: «сколько у тебя денегъ!...» но вмѣсто того, чтобъ отъ такого пріятнаго напоминанія притти въ себя, утѣшиться, помириться съ молодыми людьми, княжнами, княгинями и со всемъ добрымъ человѣчествомъ, Г.... впалъ въ уныніе, опустилъ руки, наклонилъ голову. Тоска, глубокая тоска или лучше чувство самаго ѣдкаго униженья выразилось въ чертахъ его лица. Онъ изнемогалъ передъ своей собственной силой, не выдерживалъ сравненья съ прелестями собственнаго дома. Эта картина лучше своего владѣльца, формы этой статуи, выписанной изъ Италіи, лучше нескладныхъ формъ человѣка. Всякое нѣжное сердце растаетъ здѣсь передъ изящны-

ми произведеньями, отдастъ справедливость Парижской бронзѣ, Англійскимъ коврамъ и проститъ непремѣнно недостатки хозяина изъ уваженія къ его мебели. Грустно оглядывался Г..., не послышится ли изъ какого нибудь угла грубый голосъ правды, жесткое слово со дна женскаго сердца, не сверкнутъ ли суровые, но покрайней мѣрѣ искренніе взгляды?... онъ вымаливалъ у этихъ стѣнъ свѣтлаго призрака, появленья чистой души, а передъ нимъ блистала позолота, да лоснился шелкъ. Расхаживай по комнатамъ сколько угодно, наслаждайся безсонницей, мучь до утра свое воображенье, тебѣ не пригрезятся безчувственные глаза, гордая осанка, холодное лице;—передъ тобою явятся женскія тѣни, но явятся не въ строгомъ видѣ, — вѣчно милыя, съ благосклонной улыбкой, съ ласковымъ языкомъ,... здѣсь такъ хорошо, такъ покойно, столь-

ко вкуса, здѣсь кто рѣшится сказать что̀ думаетъ, кто полѣзетъ сюда съ правдой какъ на улицу?... Истерзанный внутренними волненьями онъ медленно подошелъ къ бюро, отперъ и выдвинулъ ящикъ. Лицо его приняло выраженіе менѣе поэтическое, но болѣе глубокое, болѣе основательное.

Тутъ представился ему предметъ другой важности, лежала кипа небольшихъ бумагъ, сложенныхъ вдвое. Дѣло шло уже не о комнатахъ, прекрасно убранныхъ, не о стульчикахъ да картинкахъ, не о столярахъ да художникахъ, тутъ вкратцѣ, вчернѣ хранились всѣ произведенья природы, ея восхитительные климаты, нѣжныя растенья, цѣлая земля и полный человѣкъ. Въ уютномъ ящикѣ, на пространствѣ нѣсколькихъ вершковъ помѣщалось неимовѣрное количество удовольствій и мученій, самыхъ утѣшительныхъ добродѣтелей, самыхъ

высокихъ чувствъ. Бумаги лежали скромно, не шевелились, безъ всякаго сознанія собственнаго достоинства!... приятно бы видѣть такое смиреніе силы, но это была безобразная смѣсь, нелѣпый хаосъ: противоположныя вещи, разнородныя созданья Божьяго міра покоились вмѣстѣ, и у нихъ царствовало какое-то отвратительное равенство. Оттуда можно было вынуть все что̀ вздумается: вѣчную любовь и лакомый обѣдъ; дружбу по гробъ и тонкое вино; непреодолимую страсть, свободу, рабство, узы родства, почтительныхъ дѣтей и чудный экипажъ, и модное платье, всѣ открытія образованности, всѣ дары просвѣщенія, все что̀ великаго не сотворитъ геній, что̀ ни выглянетъ на свѣтъ милаго, прекраснаго, добраго. Г... смотрѣлъ на бумаги, станъ его принялъ гордое положеніе, голова отшатнулась назадъ, руки сложились крестомъ, онъ не признавалъ этой страшной власти, онъ рвал-

ся прочь отъ нея и между тѣмъ не могъ отдѣлаться; напрасно его надменный видъ обнаруживалъ презрѣнье: къ благородному порыву примѣшивалось чувство зависимости; ропотъ души выказывался невольно, глаза наливались негодованьемъ... его счастіе, его надежды, его права все это было не въ немъ, а въ проклятомъ ящикѣ.... Да, пусть въ эту глухую ночь, при этой тишинѣ какой нибудь дьяволъ просунетъ голову сквозь этотъ паркетъ, выползетъ изъ подъ этого ковра и навожденьемъ адскаго взгляда сотретъ твое имя на этихъ бумагахъ, а поставитъ другое кого больше любить; пусть перелетятъ онѣ отсюда въ сосѣдній домъ, передадутся въ чужія руки, исчезнутъ съ лица земли, и завтра ты разлетишься къ Княгинѣ, но войдешь уже въ сѣни не тѣми ногами; не такъ дерзко будетъ висѣть на плечахъ твой плащъ; ты не узнаешь ни стѣнъ, ни людей; ла-

кей едва приподнимется. «Княгини нѣтъ дома, Княгиня одѣвается, Княгиня отдыхаетъ, Княгиня дремлетъ, Княгиня занята, Княгиня миритъ царства, заводитъ войну, Богу извѣстно что дѣлаетъ, да только не изволитъ принимать . . . Теперь дѣло другое, теперь смотри на эти бумаги, кланяйся имъ, ползай передъ ними, для тебя нѣтъ положеннаго времени, урочнаго часа, теперь двери настежъ, лакей только что отворяетъ, да посторанивается: «Княгини нѣтъ дома, дома барышни—пожалуйте; Княгиня ѣдетъ—пожалуйте; Княгиня больна — пожалуйте; Княгиня лежитъ въ постели, умираетъ, послала за попомъ и все таки пожалуйте. Г... поблѣднѣлъ, губы его дрожали отъ гнѣва, но тотчасъ отвернулся отъ бумагъ: какъ не сердись, а съ ними нечего дѣлать, это вещь неприкосновенная, на нихъ ни поднимется рука: онъ въ изступленіи окинулъ

глазами комнату, кругомъ его отвратительный комфортъ.... Быстро подошелъ къ окну, съ какой-то злостью остановился передъ нимъ, схватилъ великолѣпные занавѣсы, рванулъ изо-всѣхъ силъ и бесподобныя украшенья упали къ его ногамъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Краска выступила у него на щекахъ, онъ нагнулся, поглядѣлъ, задумался и сталъ покойнѣе, точно нашелъ средство избавиться наконецъ отъ денегъ безъ вреда самому себѣ, сдѣлаться бѣднымъ безъ страданій бѣдности и увѣриться любитъ Княжна или обманываетъ. Черезъ нѣсколько секундъ послѣ такого безразсуднаго дѣйствія Г... не раздѣвшись, бросился на диванъ въ совершенномъ изнеможеніи.

VIII

На другой день, тотчасъ послѣ обѣда, Княжна Софья сидѣла у растворенного окна. Деревья сада мѣшали видѣть и проходящихъ и экипажи. Ей нечего было наблюдать, не на кого смотрѣть; она сидѣла, положивъ голо-

ву на руку, облокотясь о мраморную доску окна и чертила по ней пальцемъ какіе-то кабалистическіе знаки. Глаза ея слѣдовали пристально за невидимымъ рисункомъ. Казалось, что ей была понятна эта тарабарская грамота и что холодный мраморъ принималъ въ себя каждое прикосновенье волшебнаго пальца. Ничтожное занятіе производило глубокое впечатлѣніе. Надлежало заключить, что она провела утро не въ праздности, не въ забавахъ, не въ пустой суетѣ, а что ея душу посѣтили суровыя размышленья. Это было, какъ я сказалъ, послѣ обѣда и однакожь Княжна находилась въ такомъ духовномъ состояніи, что, по всему вѣроятію, не только сама не ѣла ничего, но конечно отворачивалась, когда ѣли и другіе. Стукъ на мостовой не извлекалъ ея изъ задумчивости. Въ это время дня гремятъ, по большей части, однѣ дрожки, а на нихъ не стоитъ об-

ращать вниманья. Иногда, правда, что-то походило на карету или каляску; Княжна останавливала свой палецъ, приподнимала голову, но медленно, безъ особеннаго движенья, держала ее нѣсколько секундъ, отдѣливъ отъ руки, потомъ опускала опять, потомъ продолжала опять чертить. Это не та карета, не та каляска, это ѣхалъ кто-то далеко, на край Москвы, неизвѣстно къ кому. Княжнѣ было грустно, Княжнѣ было скучно, но вмѣстѣ и досадно. Раза два она схватывала мраморную доску за край, какъ будто пробовала не выломитъ ли изъ нея хоть крошечный кусокъ. Разумѣется, такое богатырское дѣло оказывалось ей не по силамъ. Вдали, въ глубинѣ комнатъ что-то бѣлѣлось, порхало, чуть чуть переносилось съ мѣста на мѣсто. Это были ея мысли въ видимыхъ образахъ, тѣни, неиздающія никакого звука, существа, принявшія на свое сердце чу-

жое безпокойство и чужія мученья. Это были ея сестры, которыя не могли усѣсться. Ни одна изъ нихъ не подошла къ ней, не сказала ей ни слова, не осмѣлилась взглянуть на нея; ни одна не повернулась такъ неосторожно, чтобъ легкій шумъ платья или шорохъ ноги коснулся до слуха милой сестры, напомнилъ ей, что тутъ есть свидѣтели, которые видятъ состояньe ея души, знаютъ ея ошибку и отчаяваются какъ она. Что̀ терзать состраданьемъ, мучить утѣшеньями, оскорблять надеждой и безъ того разстроенное сердце? иногда всякой взглядъ, всякой шагъ, всякое слово близкаго человѣка только что растравляетъ свѣжую рану. Вѣсь домъ замеръ. Послѣ грѣшныхъ веселій вчерашняго дня онъ преобразился и сдѣлался похожъ на тихій пріютъ добродѣтели. Княжна утомилась наконецъ сидѣть согнувшись и встала, но уже не такъ живо, какъ вста-

вала прежде. Походка не имѣла той бодрости, ноги едва волочились одна за другою. Подошла къ часамъ, половина осьмаго. Рано для обыкновеннаго визита, ужасно поздно для того, кому сказано: пріѣзжайте пораньше. Несносный маятникъ стукалъ безпрестанно. Время шло и ничего не приносило съ собой. Орлиный взглядъ Княжны впился въ стрѣлку, которая прыгала по секундамъ, но и стрѣлка не останавливалась. Вотъ еще четверть часа вонъ изъ жизни. Каждая минута становилась драгоцѣнней. Нѣсколько ударовъ маятника и Г... уже конечно не будетъ. Блестящія надежды, гордые замыслы, столько утѣхъ тщеславія, столько шалостей воображенья, столько жизни, употребленной на одну заботу, на одну мысль, на одну цѣль—все по пустому, надо отказаться отъ всего и это по милости двухъ, трехъ круговъ вальса: Княжна не отходила прочь отъ ча-

совъ. Проклятое время, съ которымъ вѣчно должно соображаться!... Ея лицо, весь станъ, всѣ члены находились въ оцѣпенѣніи, только два пальца руки, державшіе ленту пояса, занимались счетомъ секундъ и вздрагивали въ тактъ со всякимъ прыжкомъ стрѣлки. Но и это движенье прекращалось, и пальцы нѣмѣли, когда что нибудь ѣхало по улицѣ. Теперь ненужно уже было кареты или каляски, чтобъ подѣйствовать на аристократическій слухъ Княжны, — дрожки, извощикъ, телѣга, всякая мерзость дѣлала изъ нея совершенную статую. Ея понятія объ экипажахъ перепутались, сумазбродный духъ равенства овладѣлъ ею, тамъ тащились ломовыя дроги, а она бѣдная едва едва повертывала глаза на окно, взглядывала изкоса, взглядывала робко и не переводила дыханья, чтобъ не помѣшать имъ ѣхать. Ударило восемь и что-то ужасно загремѣло. Домъ задрожалъ.

Какой-то сорванецъ несся мимо съ нестерпимымъ трескомъ. Княжна бросилась къ окну, высунулась немного, но тамъ все зелень да цвѣты, все прекрасная природа, покрытая пылью.... Она не стала наслаждаться этой пріятной картиной, а очень проворно повернула спину, толкнула кресло, и, ломая руки, остановилась передъ амфиладой комнатъ. Сестры ея, которыхъ прежде было видно, тотчасъ исчезли. Она стояла одна, никого передъ нею, она уже не прислушивалась ни къ бою часовъ, ни къ уличному шуму, а смотрѣла въ глубину, во внутренность дома. Не уйти-ль ей изъ гостинныхъ, не убѣжать ли къ себѣ въ спальню или кабинетъ? тамъ можно кинуться въ отчаяньи на диванъ, спрятать лицо въ подушку, облить ее слезами, можно съ досады исковеркать что нибудь. Въ эту минуту позади ея что-то заходило, растворились какія-то двери, человѣкъ до-

ложилъ и въ слѣдъ за нимъ показался Г... Онъ шелъ медленно, приподнявъ не много голову; въ лѣвой рукѣ у него была шляпа съ палкой, правая играла на лбу концами его густыхъ волосъ. Княжна на этотъ разъ, противъ обыкновенія, встрѣтила гостя сама, а не пустила впередъ своихъ сестеръ...

Если вамъ случалось играть въ карты и проиграться въ пухъ, если въ этотъ ужасный вечеръ или лучше въ эту ужасную ночь вашъ противникъ, обобравъ у васъ всѣ деньги, кидался къ вамъ на шею, прижималъ съ чувствомъ къ своей груди и только не разливался въ слезахъ, что долго не увидится съ вами, потому что завтра чѣмъ свѣтъ ѣдетъ въ деревню или на Кавказъ; если никакія увѣщанья съ вашей стороны не могли тронуть его и заставить отказаться отъ такого безчеловѣчнаго намѣренья, то вспомните

же это утро, это завтра, когда вы, не сомкнувъ глазъ, приподнимались на постели, садились и думали, что онъ теперь ѣдетъ, ѣдетъ съ вашими деньгами, что можно отъиграться да не у него, можно имѣть деньги, да не тѣ, которыя онъ увезъ. Теперь представьте, что этотъ злодѣй въ ту самую минуту, какъ вы мучаетесь, воображая его на большой дорогѣ, входитъ къ вамъ... что̀ тогда бывало съ вами? только съ вашимъ тогдашнимъ чувствомъ могу я сравнить чувство Княжны. Глаза ея засверкали, лицо ожило, всѣ черты, всѣ движенья выразили эту твердую увѣренность, это энергическое состоянье души, когда тихонько говоришь себѣ: «нѣтъ, теперь ужь ты не поѣдешь въ деревню, не отправишься на Кавказъ, теперь ужь я тебя не выпущу, теперь я отыграюсь». Такая неосновательная радость, а можетъ быть и то, что Княжна обращала вѣроятно больше вниманья

на душевныя свойства, чѣмъ на лицо, помѣшали ей замѣтить, что Г... пріѣхалъ не играть, что онъ также не спалъ всю ночь, терзаемый другаго рода мыслями и что при видѣ его нечему еще было веселиться. Онъ подошелъ къ ней и остановился, не говоря ни слова.

«А маменька сейчасъ будетъ» сказала Княжна; «поѣхала куда-то.»

—Поѣхала!.:: кудажь она поѣхала?— спросилъ Г... Это былъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые не нужно отвѣчать. Княжна перемѣнила рѣчь и заговорила очень скоро.

«А вы меня застали въ большой радости. Сію минуту, передъ вами, я получила подарокъ. Брюловъ, бывши въ одномъ домѣ, нарисовалъ простымъ карандашомъ эскизъ какой-то будущей

картины.... Мнѣ такъ хотѣлось имѣть этотъ рисунокъ.... Я такъ просила... хотите видѣть? я ужь вклеила его въ альбомъ, боюсь только, чтобъ карандашъ не стерся.»

Восхищенная Княжна, не дожидаясь отвѣта, повернулась рѣзво и почти побѣжала. Г... пошелъ за нею и встрѣтилъ ея сестеръ; остановился съ ними, чѣму-то улыбнулся, надъ чѣмъ-то подшутилъ, онѣ разсердились, отвернулись и ушли отъ него въ противоположную сторону той, куда отправилась главная изъ нихъ: она же между тѣмъ стояла уже вдали съ развернутымъ альбомомъ въ рукахъ, не трогалась отъ восторга съ мѣста и въ художническомъ забытьи повторяла: «прелестно, посмотрите.» Г... дошелъ наконецъ до нея. Княжна, чтобъ покойнѣй разсматривать эскизъ, вдвинулась въ глубину комнаты и опустила альбомъ на столъ, не

выпуская его совсѣмъ изъ рукъ и не сводя съ него глазъ. . . .

Тутъ по разнымъ мебелямъ было разбросано нѣсколько Англійнскихъ кипсековъ, нѣсколько героинь Байрона; на стѣнѣ висѣлъ портретъ брата Княжны, прелестнаго молодаго человѣка въ адъютантскомъ мундирѣ, лежали двѣ, три развернутыхъ книги чуть ли также не всѣ Англійскія и гравюра паровыхъ каретъ, унизанныхъ человѣческими фигурами.

Въ скромномъ углу, на крошечномъ столикѣ пышный букетъ розановъ, погруженный въ воду, издавалъ еще тонкій запахъ, едва чувствительный самому нѣжному обонянью. Окна были заставлены стеклянными ширмами фабрики Орлова: ихъ живыя краски спорили съ свѣжестью Божьихъ цвѣтовъ и зелени. Стояли пяльцы; на потолкѣ го-

тическій фонарь, а къ довершенію чудныя готическія кресла. Формы среднихъ вѣковъ, наслѣдство отъ замковъ и рыцарей было перенесено въ Москву неизвѣстно по какому праву и перемѣшано съ принадлежностями новѣйшей образованности. Я не говорю о дамскихъ бездѣлицахъ, разложенныхъ на такъ называемомъ письменномъ столѣ.

Что это была за комната? какое ей дать названье? но комната мирная, комната небольшая, въ ней ловко остаться вдвоемъ и прошептать тихое слово любви. Княжна смотрѣла въ альбомъ и никуда болѣе, наклоняла голову то въ ту, то въ другую сторону, сыпала похвалы, однакожь скромныя, безъ малѣйшей дерзости въ голосѣ. Между тѣмъ никто тутъ не вторилъ ей, никто не принималъ участія въ успѣхахъ отечественной живописи. Надо было видѣть, надо было взглянуть, чтобъ удостовѣ-

риться въ присутствіи живаго существа и убѣдиться вполнѣ, что не призракъ, а истинный человѣкъ вошелъ сюда за нею. Этого Княжна не осмѣливалась еще сдѣлать. Какъ взглянуть на того, кто сейчасъ положитъ къ вашимъ ногамъ свое сердце, свою голову и свои милліоны? Искушенная свѣтомъ, испытанная въ премудрости притворства, она не могла однакожъ противостать своему положенью и, по примѣру прошлыхъ дней, угомонить внутреннюю тревогу. Румянецъ благочестивой робости вспыхнулъ живѣе на ея бѣлыхъ щекахъ, голосъ началъ замирать, она замолчала, она продолжала еще вертѣть альбомъ, но не знала уже куда дѣваться ей съ живописью, чѣмъ спастись отъ ужасной тишины, которая распространилась кругомъ. Возлѣ нея въ двухъ шагахъ стоялъ знакомый мужчина: сію минуту она видѣла, слышала, чувствовала его, но куда-жь онъ дѣ-

вался? тутъ нѣтъ никого кромѣ ея; тутъ только она чуть чуть переводитъ дыханье, только она пугается безпрестанно шума альбомныхъ листовъ и безпрестанно шумитъ ими. Не растаялъ ли онъ въ ароматномъ воздухѣ этой комнаты, не проскользнулъ ли сквозь стѣну, не окаменѣлъ ли на мѣстѣ отъ созерцанья красоты? Княжна находилась въ большомъ затрудненіи... прервать молчанье, когда оно завязалось уже не на шутку, есть дѣло самое трудное.

Чтобъ какъ нибудь ободрить себя, чтобъ быстрымъ движеньемъ, рѣшительной мѣрой выйти изъ этого несноснаго состоянія, высвободиться изъ подъ смертоносныхъ взглядовъ какого-то остолбенѣлаго существа, она кинула альбомъ, повернулась проворно и сѣла, но въ ту же минуту, по несчастной привычкѣ, навела искоса свои проница-

тельные глаза на тотъ пунктъ, гдѣ слѣдовало ей наконецъ отъискать своего собесѣдника, посмотрѣла на него лукаво, обольстительно, ужасно. Комната ожила, комната населилась людьми. Чья то палка, неизвѣстно отъ какой причины хлопнулась объ полъ съ великимъ трескомъ. Княжна вздрогнула и ея глазамъ представился Г... въ полномъ своемъ видѣ, мрачный, съ навислыми бровями. Онъ стоялъ согнувшись, позади готическихъ креселъ, крѣпко держался за ихъ спинку и глядѣлся пристально въ бархатную подушку. Паденье палки не возбудило въ немъ чувствительности и не развязало его языка. Это была застѣнчивость, свойственная всякому мужчинѣ, который не знаетъ съ чего начинаются нѣжныя изліянья сердца; а потому Княжна усѣлась такъ благосклонно, въ ея улыбкѣ, на ея розовыхъ щекахъ появилось столько доброты, столько

человѣколюбиваго снисхожденья, что можно было начать съ чего угодно.

Опять наступила тишина.

Черезъ нѣсколько секундъ Г... поднялъ голову.

«Княжна» сказалъ онъ твердымъ голосомъ, «позволите ли вы говорить съ вами откровенно?»

Она положила на столъ конецъ своего пояса, взяла въ руку перломутровый ножикъ и занялась ими.

«Вы позволяете?» продолжалъ Г... вытянувшись во всю длину своего роста и сложивъ руки на груди.

«Но, можетъ быть, мы имѣемъ разныя понятія объ откровенности. Я долженъ вамъ замѣтить, что на моемъ

языкѣ это слово не есть пустой звукъ; оно обыкновенно не заключаетъ въ себѣ никакой важности и не имѣетъ ни на волосъ смысла. Моя откровенность стоитъ мнѣ дорого. Я приготовлялся къ ней. Въ продолженіе нашего знакомства вы сдѣлали на меня такое сильное впечатлѣніе, что мнѣ захотѣлось быть съ вами совершенно искреннимъ. Этого желанья я не могъ преодолѣть и испытываю его въ первый разъ въ моей жизни. Не знаю, есть ли тутъ что нибудь лестнаго для васъ, но, признаюсь, сказать вамъ, и вамъ одной, что у меня на душѣ, какія-бъ ни были послѣдствія нашего разговора, — мнѣ это кажется величайшимъ блаженствомъ».

Г... остановился, Княжна подождала немного, не заговоритъ ли онъ, потомъ была вынуждена отвѣчать.

—Я уже согласилась выслушать васъ, — сказала она очень тихо, продолжая разглаживать ножикомъ свою ленту.

«Да. Но вы воображаете, что такъ какъ я необходимо стану говорить человѣческимъ языкомъ, такъ какъ на мнѣ человѣческій образъ, то разговоръ нашъ приметъ обыкновенное направленіе и пойдетъ по заученнымъ правиламъ. Нѣтъ, Княжна, мнѣ уже несносны уроки воспитанья и законы свѣта, — не правда ли, что наконецъ становится невыносимъ нашъ ежедневный способъ выражаться, т. е. лгать и обманывать другъ друга. Я хочу сказать все что̀ не говорится, а только думается; я изъ уваженія къ истинѣ, на перекоръ учтивости, каждую мысль и каждое чувство назову ихъ настоящимъ именемъ. Перенесете ли вы суровую искренность мужчины? поймете ли удовольствіе отдѣлиться на нѣ-

сколько минутъ отъ людей, отъ ихъ привычекъ и предразсудковъ, заглушить пустое самолюбіе, сдѣлаться постороннимъ самому себѣ, стать выше самаго себя; раскрыть свою душу до ея послѣднихъ изгибовъ, признаться что̀ въ ней есть хорошаго и дурнаго, произнести свой собственный судъ холодно, разсудительно и приговорить себя къ смерти, если надо».

Княжна посмотрѣла на него очень важно и наклонилась опять къ своей лентѣ. Можно-бъ подумать, что она читаетъ вступленье въ какой нибудь романъ Валтера Скотта. Скучно, чрезвычайно скучно, а надо читать, будетъ весело.

«Вы, конечно» продолжалъ Г..., не перемѣняя положенія и не разводя рукъ, сложенныхъ по-наполеоновски, «желали иногда сказать вашему кавалеру

на балѣ «какъ ты несносенъ», вашей пріятельницѣ «какъ ты мнѣ надоѣла»; вашей гувернанткѣ «какому вздору ты меня учишь!» желали и не могли. Не льзя этого сказать, они разсердятся. Свѣтъ возопіетъ противъ васъ. Но такого рода неудовлетворительныя желанья не составляютъ еще великаго несчастія. Вамъ, вѣроятно, случалось страдать сильнѣй, мучиться искренностью болѣе высокой и болѣе существенной. Да, безуміе находитъ на человѣка и въ полномъ умѣ. Иногда, безъ всякой цѣли, не во вредъ ближнимъ и не въ пользу себѣ, а такъ, Богъ знаетъ изъ чего, прокричалъ бы громко всѣ свои мысли и чувства, навязалъ бы каждому встрѣчному свое мнѣніе о немъ. Чувствуешь, что послѣ такого поступка сдѣлался-бъ милѣе самому себѣ, лучше, благороднѣй и между тѣмъ ходишь притаивъ дыханье, ходишь молча въ этой толпѣ, гдѣ тотъ, кого ненавидишь, думаетъ, что

ты его любишь, а по комъ умираешь отъ любви, тотъ дрожитъ твоей ненависти. Ахъ, Княжна, можно придти въ ужасъ отъ нашей второй природы: ее называютъ нравами, воспитаньемъ, обычаями и чѣмъ еще?... не правда ли, что надо схватиться съ радостью ребенка за такую секунду, когда представляется возможность дать полную волю благороднымъ побужденьямъ сердца? Передъ вами стоитъ человѣкъ, которому вы можете сказать въ глаза все что думаете; съ нимъ вы можете разсуждать о немъ также смѣло, какъ объ этихъ креслахъ: самую горькую правду, но только правду, онъ приметъ, какъ милость, какъ первое счастье въ жизни, какъ такое благодѣянье, котораго не осмѣлится просить у Бога во второй разъ. Забудемте, что мы въ населенномъ городѣ, живемъ въ обществѣ, съ людьми, что тамъ, за этими окнами, они ѣздятъ, ходятъ и говорятъ по своему, станемте говорить не такъ какъ они».

— Какой правды требуете вы отъ меня? — спросила Княжна самыми нѣжными, самыми невинными и стыдливыми звуками. Ея голосъ выражалъ и дѣтскую непривычку къ головоломнымъ разговорамъ, и прелестную непонятливость, и обворожительный страхъ и тайную надежду.—Я кажется столько уже васъ знаю, что говорить откровенно съ вами мнѣ будетъ пріятнѣй чѣмъ со всѣми другими.—Тутъ она подвинула къ себѣ гравюру паровой кареты и такъ близко наклонилась къ столу, что едва не положила на него лица. Движенье Княжны было до тото мило, что не гармонировало нисколько съ суровыми пріемами мужчины; даже въ пальцахъ ея, когда они чуть чуть дотронулись до картинки, обнаружилась душа, настроенная въ эту минуту иначе, расположенная только къ мягкости, кротости и добру, душа, неспособная зарѣзать словомъ, сдѣлать несчастнымъ...

Г... схватился опять за спинку креселъ и съ усиліемъ оперся на нихъ обѣими руками.

«Княжна» сказалъ онъ съ убійственнымъ холодомъ, уставивъ свои глаза на нея гораздо пристальнѣй прежняго, «васъ отдадутъ за меня и вы пойдете.»

Она вся вспыхнула, отвернулась и встала; она взглянула на дверь, но не сдвинулась съ мѣста; она стояла беззащитная и не знала что̀ дѣлать... Гдѣ у нея оружіе противъ дерзкаго языка? гдѣ у нея сила противъ грубой, мужской силы?

«Э, Боже мой!» сказалъ Г..., не давъ ей времени опомниться и покачнувъ головой съ примѣтнымъ негодованьемъ, «у вашихъ ногъ лежалъ бы умирающій, къ вамъ однимъ обращалъ бы онъ шепотомъ первую и послѣднюю исповѣдь

своего сердца,—вы и тутъ нашли бы куда помѣстить свое женское тщеславіе, вы не простили бы ему прямаго, точнаго, нековарнаго выраженья, когда ужь онъ заботился бы не о словахъ, а о душѣ?... развѣ я говорю за тѣмъ, чтобъ оскорблять васъ? развѣ я хочу хвастать своей побѣдой надъ вами? развѣ я созвалъ сюда свидѣтелей? развѣ есть на землѣ еще кто нибудь, при комъ повернется мой языкъ повторить то, что̀ будетъ сказано въ этой комнатѣ? Я говорю потому что вы такъ думаете, потому что̀ такъ думаютъ ваши родные, потому что̀ это правда, а намъ слѣдуетъ теперь разобрать основательно наши съ вами отношенья и цѣль этихъ отношеній. Да отъ чего же и не желать выдти за меня? отъ чего не стараться объ этомъ? Что̀ тутъ дурнаго? напротивъ, вы поступили бы дурно, еслибъ не желали. Сядьте, Княжна. Будемте хладнокровны. Я не старъ, не бе-

зобразенъ, въ смыслѣ свѣта хорошо воспитанъ, образованъ, довольно уменъ, живу не какъ степной варваръ, принадлежу къ тому же роду людей, къ какому и вы, чистыхъ нравовъ, добраго характера; извѣстенъ за честнаго и благороднаго человѣка.... Мы будемъ съ вами непремѣнно счастливы, я нисколько не сомнѣваюсь,—вы будете прекрасной женой, а я очень хорошимъ мужемъ, мы даже никогда не узнаемъ любили ли другъ друга до сватьбы; тò вѣрно, что будемъ любить. Теперь бояться нечего, теперь всѣ безъ исключенія счастливы, несчастныхъ браковъ нѣтъ отъ того, чтò супружеское счастье не чувство, а умѣнье, а мы чего не умѣемъ въ нашъ вѣкъ? наконецъ я богатъ, богатъ» повторилъ Г... съ страннымъ ожесточеніемъ, «изъ всѣхъ же несчастій, которыхъ сумма называется жизнію, самое пріятное, разумѣется, богатство. Видите ли, вамъ можно при-

знаться въ своихъ намѣреньяхъ, отъ чего не говорить о нихъ громко, при всѣхъ? еслибъ вы отвѣчали мнѣ: «да, отдадутъ и я пойду», кто осудитъ васъ? кто смѣетъ осудить? Вы исполняете всѣ условія общества, всѣ требованія человѣческаго разума, всѣ обычаи и законы, — чего еще людямъ надо? гдѣ у нихъ написано что это не водится? что бракъ, основанный на самомъ зрѣломъ размышленіи, слѣдуетъ считать ужаснымъ преступленьемъ?»

— Я не размышляла, я не думала о людяхъ, я не пересчитывала вашихъ достоинствъ и не знала сколько ихъ у васъ, я была въ заблужденіи.—Послѣднее слово проговорила Княжна такимъ голосомъ, какъ будто сбиралась плакать. Она еще больше отвернулась, чтобъ спрятать свое лицо, которое поддерживала ладонью, именно съ той стороны, гдѣ стоялъ Г... и про себя прибавила:

— Въ пріятномъ заблужденіи. —

« Я не обвиняю, а оправдываю васъ, Княжна», продолжалъ онъ, безчувственный къ слезливому расположенію духа. «Еслибъ я зналъ что̀ вы думаете и не говорилъ въ слухъ что думаю самъ, неужь-ли это было бы лучше? оцѣните, пожалуста, мою искренность. Да, ни я, ни другіе не обвинимъ васъ; обвинятъ тѣ, которые станутъ завидовать, которые рады будутъ принять яду, умереть преждевременной смертью, чтобъ только помѣшать нашему соединенью. Стало быть у насъ все устроено и слажено, стоитъ мнѣ отнестись къ вашей матушкѣ и передъ нами раскроется прекрасная будущность, тихая или шумная жизнь, какая угодно.»

Княжна обернулась къ нему и взглянула во всѣ глаза

«Но» сказалъ Г..., щупая пальцами готическую рѣзьбу креселъ, «чѣмъ судьба надѣлила меня, чтобъ быть достойнымъ вашей руки, надѣлила недаромъ. Передо мною счастье, во мнѣ полное убѣжденье, я вижу цѣлую мою жизнь съ вами, ничего не могу придумать лучше, уладить вѣрнѣе и мнѣ мало этого. Я желалъ бы, Княжна, чтобъ ваше согласіе не было дѣломъ разсудка и не происходило ни отъ моихъ достоинствъ, ни отъ моихъ преимуществъ передъ другими. Знаю, что все равно такъ или иначе; какова ни будетъ причина, послѣдствія будутъ прекрасны: чувствую, что это ни къ чему не ведетъ, что это совсѣмъ не нужно, что это не прибавитъ ни на волосъ моего благополучія,— пустая прихоть, дѣтскія понятія. . . но что дѣлать? желанье существуетъ, оно есть, оно фактъ, я не въ силахъ стерсть его съ сердца, вырвать изъ несчастной груди; мнѣ хочется имѣть у-

вѣренность, что, еслибъ черты мои отвратительно исказились и я раззорилсябъ въ прахъ, то вы пошли бы за нищаго, то и тогда въ цѣломъ свѣтѣ не отыскалось бы другаго, кому-бъ вы отдали свою руку. Вникните, Княжна, въ мое безуміе. Мнѣ хочется этого безотчетнаго чувства, которое ни на чемъ не основано, ни зачто не держится и не опирается ни на что; родится само собою, берется Богъ знаетъ откуда и не имѣетъ, такъ сказать, на землѣ ни отца ни матери; этой чистой, обольстительной, но глупой любви, которая предпочитаетъ урода красавцу и дурака генію. Не приписывайте однако-жь моего желанья, этого прекраснаго плода доброму корню; я неумолимъ къ себѣ, во мнѣ есть другой я, и въ эту святую минуту, нѣтъ у меня съ нимъ ничего общаго. Желанье мое не чувствительность, не нѣжность, не добродѣтель; это безчеловѣчия гордость,

гнусное тщеславіе, развитое скверным воспитаньемъ; это адской деспотизмъ, къ которому приучили меня деньги. Къ вашей совѣсти отношусь я, Княжна». Г... отодвинулъ кресла, чтобъ дать себѣ мѣсто, его смуглыя щеки раскраснѣлись. «Я стою передъ вами безоружный, нѣтъ у меня всевѣдущаго ума, всевидящихъ глазъ, нѣтъ именно того что нужно. Кромѣ вашего слова, вашего искренняго, благороднаго слова, я не имѣю никакихъ средствъ узнать истину. Вы сидите передо мной, вы остаетесь здѣсь, вы смотрите безъ гнѣва, слушаете снисходительно, но это сдѣлаютъ и другія. Что происходитъ у васъ на сердцѣ? Какая сила держитъ на этомъ диванѣ? какая мысль запала къ вамъ въ душу, какъ мы встрѣтились въ первый разъ? тогда всѣ по угламъ жужжали «онъ богатъ», всѣ указывали на меня какъ на звѣря, котораго надо разтерзать. Можетъ быть этимъ толкамъ, этой молвѣ обязанъ я,

что вы обратили на меня вниманье. Скажите, Княжна, не бойтесь обидѣть, я не уязвляемъ, грудь моя горитъ не столько жаждой любви, сколько жаждой правды. Вы видите, я весь отдаюсь вамъ, я ни одной мысли не прячу отъ васъ. . . . . любите ли вы меня? чувствуете ли, что эта любовь устояла бы противъ всѣхъ искушеній судьбы, противъ всѣхъ ея ударовъ? они вѣдь сейчасъ могутъ обрушиться на мою голову... скажите, вы ничего не потеряете.»

Княжна вышла изъ онѣмѣнія, глаза ея блеснули, она наклонилась впередъ, хотѣла что-то сказать, но вдругъ отшатнулась, вытянулась чрезвычайно прямо, опустила черныя рѣсницы, приняла видъ что или осердилась на себя за свой невольный порывъ или посовѣстилась солгать и отвѣчала съ достоинствомъ:

— Зачѣмъ вы здѣсь? зачѣмъ вы говорите со мной, если до сихъ поръ не умѣли еще сами разрѣшить своего вопроса? Я не намѣрена быть игрушкой вашихъ сомнѣній. Вѣрьте больше слову, чѣмъ дѣлу, думайте что̀ вамъ угодно. — Тутъ она проворно закрыла лицо руками, облокотилась на столъ и съ глубокимъ вздохомъ, едва внятно простонала: — Боже мой, Боже мой! —

Г... окинулъ ее глазами и съ примѣтнымъ сожалѣньемъ сказалъ:

«Ахъ, о чемъ я васъ спрашиваю? вы не можете разобрать своего чувства, оно засорено чужими мнѣньями. Вамъ и хотѣлось бы отвѣчать люблю или не люблю, да нельзя. Не люблю и мы разойдемся, намъ нечего больше дѣлать, а вы должны выдти за богатаго, вамъ нельзя обойтись безъ богатства: условія, при какихъ мы существуемъ, жизнь,

какъ она намъ дана, истины, которыя въ ходу, люди и вещи, все требуетъ, чтобъ мы удерживали безкорыстные порывы души, переламывали ее, если она бунтуетъ. Это новая обязанность, прибавленная къ обязанностямъ человѣка, это нашъ долгъ, а не дурной поступокъ, это только что самое охраненіе, только что не самоубійство.»

—Надѣюсь, я не обязана отвѣчать за чувства, какія вы мнѣ приписываете. Чего вы хотите? что можно понять изъ вашихъ словъ? Оставимте меня. Я не говорю уже о себѣ. Послѣ такихъ странныхъ подозрѣній.... но положимте, другая и сказала бы вамъ: «я право не думаю о вашемъ богатствѣ, съ чего вы взяли? кто вложилъ вамъ въ голову эту несчастную мысль?» что-жь былобъ? вѣдь вы не повѣрите, вы непремѣнно требуете ненависти, у васъ только одна правда, у васъ тотъ искренеиъ

кто скажетъ: «я безпрестанно думаю о вашихъ деньгахъ, я хочу вашихъ денегъ»; да помилуйте, что это за ужасъ!—

Лицо Княжны, лежавшее на ладоняхъ, разгорѣлось; глаза ея, долго закрытые, дурно, казалось, видѣли; она была разстроена, она была отдана на жертву обиднымъ сомнѣньямъ мужчины и, однакожь, говорила такимъ кроткимъ голосомъ, что разговоръ долженъ бы наконецъ принять направленіе менѣе безпокойное и менѣе неприличное, но въ чертахъ ея непреклоннаго собесѣдника виднѣлась все та же и одна упорная мысль.

«Нѣтъ» сказалъ онъ разсѣянно, взглянувъ въ потолокъ, «я не ненависти хочу; простите меня, я сдѣлалъ вамъ нелѣпый вопросъ. Вы несвободны, вы не можете дать мнѣ отвѣта какъ я его понимаю. Вы невиноваты, что на мо-

ей сторонѣ цѣлый свѣтъ, положеніе вашихъ дѣлъ, ваши родные, вашъ собственный разсудокъ, всѣ надежды какія вамъ внушали, всѣ обольщенья какими васъ портили, виноватъ я, что у меня столько совершенствъ. Но если вы пойдете изъ того только что надо пойти, то не забудьте, богатство, которое дастъ мнѣ такую ужасную цѣну, это богатство, оно все таки будетъ мое. Не ошибайтесь. Люди менѣе расчетливы, чѣмъ воображаютъ. Говорили ли они вамъ, что у нихъ нѣтъ такого сильнаго чувства, нѣтъ такихъ близкихъ сношеній, которыя сладили бы этотъ оттѣнокъ. Деньги важны не потому что на нихъ купишь, а потому что можешь купить. Этого удовольствія вы не узнаете, вы не будете имѣть понятія объ этой дьявольской гордости. Съ моимъ характеромъ я сдѣлаю себѣ великое наслажденіе изъ вашей зависимости. Я стану необходимымъ посред-

никомъ между жизнію и вами. Каждая вещь, чтобъ дойти до васъ, пройдетъ черезъ меня. Мужчина беретъ силой, женщина беретъ лаской. Нарядное платье, роскошная комната, бездѣлки вашего туалета — это буду я, вездѣ я, не будетъ мѣста для вашихъ глазъ, угла для вашей мысли; все что бросится потомъ подъ ноги, выкинется за окно, за все вы заплатите мнѣ нѣжнымъ взглядомъ, ангельской улыбкой. Чтожь, если современемъ встрѣтите вы кого нибудь, при комъ сердце ваше забьется другимъ образомъ и нарисуетъ передъ вами картину другаго счастія! онъ пройдетъ мимо, онъ только мелькнетъ подлѣ васъ, но оставитъ по себѣ вѣчную тоску и самое ѣдкое раскаяніе. Онъ отмститъ вамъ за меня, за эту минуту, какъ я стою здѣсь съ такимъ ребяческимъ чувствомъ и говорю противъ себя все что имѣю сказать. Вамъ придетъ на память нашъ теперешній раз-

говоръ, да будетъ поздно; вы услышете шорохъ моихъ ногъ, вы не осмѣлитесь выронить слезы, она навернется у васъ на глазахъ, но воротится назадъ... Княжна, вы покажетесь мнѣ съ свѣтлымъ лицомъ, вы станете увѣрять меня, что не знаете куда дѣваться отъ своего благополучія, — нельзя уже будетъ избавиться отъ моего богатства, до гроба надо будетъ наслаждаться имъ.»

—Это не помѣшаетъ вашему счастію, —сказала Княжна, выведенная уже изъ терпѣнія, съ примѣтной досадой.—Васъ будутъ любить искренно, вы будете думать, что это притворство... Ну, а если станутъ притворяться такъ хорошо, что вы не узнаете природы съ искусствомъ, не все ли равно для васъ? вѣдь вы заботитесь только о себѣ; вамъ, напримѣръ, нѣтъ никакого дѣла какъ слова ваши дѣйствуютъ на другихъ.—

Г... взялся одной рукою за лобъ, а другою за затылокъ, стиснулъ свою голову и заговорилъ почти шопотомъ:

«Я сказалъ что̀ ожидаетъ васъ, если вы пойдете за меня не по любви, но если откажете, то въ наказаніе за ваше благородство, за величіе вашей души,—о, я знаю длинную цѣпь страданій, черезъ которую, пожалуй, проведетъ васъ алчный свѣтъ! вы можете не встрѣтить человѣка, ктобъ вамъ понравился; можете встрѣтить, да онъ станетъ требовать денегъ, денегъ.... Княжна, я не затѣмъ здѣсь, чтобъ вы пострадали за свою искренность. Я не могу вынести этой мысли.... Вѣрите ли, что насъ здѣсь двое, что ни завтра, ни послѣ, ни въ продолженіе цѣлой вѣчности не будетъ третьяго у нашей тайны?... всмотритесь въ выраженье моего лица, вслушайтесь въ звуки моего голоса, — такъ не лгутъ, такъ не обманываютъ....»

Г... поднялъ рукою волосы, подвинулся къ столу, наклонился съ таинственностью; Княжна смотрѣла на него въ совершенномъ изумленіи, онъ увлекалъ ее за собою въ какой-то непостижимый міръ, краска на ея щекахъ начинала пропадать.

«Что я говорю?» продолжалъ онъ «забудьте мое имя, я не живой человѣкъ, я духъ, посланный къ вамъ судьбою. Она дала вамъ красоту, умъ и вѣрно прекрасное сердце, но тутъ же сдѣлала ошибку и теперь хочетъ поправить ее... На что эти чудныя сокровища? на что ваша прелестная молодость, если вы не имѣете права беречь этой святыни съ благоговѣніемъ, если въ важную минуту для женщины, въ минуту ея великаго подвига вы должны обмануть того, кто полагается на вашу совѣсть, должны поступить также, какъ поступаетъ все что есть отвратительнаго и безо-

бразнаго на свѣтѣ... Богъ только видитъ насъ... Я даю вамъ честное слово, самую страшную клятву, клянусь всѣмъ святымъ что никто не узнаетъ...»

—Чего не узнаетъ?—спросила Княжна, придвинувшись къ столу съ безпокойствомъ и нетерпѣньемъ.

Г... смѣшался, точно не предвидѣлъ вопроса или истощилъ уже все свое мужество, но передъ нимъ сверкнули вкрадчивые глаза, мелькнулъ опять этотъ лукавый взглядъ, который вѣчно ободрялъ его невѣріе. Онъ вынулъ изъ кармана пукъ бумагъ и съ злою полуулыбкой, сквозь которую бѣлѣлись его прекрасные зубы, сказалъ:

»Что я ни дѣлай съ этими бумагами, какъ долго ни ворочай въ рукахъ, какъ ни держи крѣпко, бояться нечего: на нихъ не останется слѣда отъ

моихъ пальцевъ и никакой памяти обо мнѣ. Никто не отгадаетъ откуда онѣ, гдѣ были, близь чьего сердца лежали; у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго чувства привязанности ни къ мѣсту, ни къ человѣку, — это что-то тверже мрамора, холоднѣе льда; за то и мнѣ также мало ихъ жаль, какъ имъ меня. Тутъ пять сотъ тысячъ... Вы меня любите, —они мои; не любите — они ваши.»

Г... положилъ ломбардные билеты на столъ, но они тотчасъ полетѣли на полъ. Княжна толкнула ихъ съ ужаснымъ негодованьемъ.

—Какъ видно, что вы были откупщикъ,—сказала она судорожнымъ голосомъ и залилась слезами.—Какъ вы смѣете предлагать? Я не хочу вашихъ денегъ, не хочу вашей любви, не хочу счастія.—

Г... задрожалъ. Ни угрюмыя брови, ни смуглое лицо не помѣшали радости выразиться въ его чертахъ съ необыкновеннымъ огнемъ; но это была одна секунда. Опять его неподвижный взглядъ остановился на Княжнѣ съ страшнымъ недоумѣньемъ и немилосердно допрашивалъ ее: почему она знаетъ что онъ былъ откупщикъ, кто сказалъ ей, зачѣмъ справлялась.

«Что это, Княжна? любовь или привычка желать и непривычка дѣйствовать? нѣжная рука не боится-ль просто прикоснуться къ тому, передъ чѣмъ обыкновенно не робѣетъ ничья душа? что нашли вы тутъ горькаго и обиднаго? между нами нѣтъ уже пустыхъ приличій; языкъ мой перезабылъ какъ выражался вчера!... Я даю вамъ свободу, я разрываю эти гнусныя цѣпи, которыя давятъ васъ и можетъ быть поневолѣ привязываютъ ко мнѣ...

Не сердитесь, не плачьте, взгляните на меня смѣло, вникните въ смыслъ моего поступка, поймите мое теплое чувство... Это не злой умыселъ, не насмѣшка, не искушеніе; мнѣ хочется, чтобъ вы имѣли возможность пройти свою жизнь съ той же нравственной чистотой, съ какою создала васъ природа... Но мою святую цѣль, мое доброе намѣренье я предлагаю не даромъ и требую награды. Я усталъ отъ сомнѣній, истерзанъ лицемѣріемъ; я не знаю что такое правда, дайте мнѣ встрѣтиться съ нею въ вашемъ присутствіи, сжальтесь надо мной, дайте услышать истинный звукъ вашего сердца, непорочный крикъ человѣческой души!... любовь или ненависть все равно... Я не приду въ отчаянье, я потеряю васъ и буду счастливъ: при мнѣ останется вашъ свѣтлый взглядъ, ваше благородное слово, его отголосокъ отдастся на цѣлую мою жизнь, онъ пересотворитъ ме-

ня, я все прощу свѣту, все отпущу людямъ, я умру покойнѣй, я вспомню, что видѣлъ однажды чужое сердце и зналъ чужую мысль. Что останавливаетъ васъ взять, если взять должно? не думаете ли, что я разскажу объ этомъ?... да, Боже мой, не могу разсказать, хотя бы и захотѣлъ!... Мнѣ не повѣрятъ, назовутъ лжецомъ, запишутъ въ дураки, запрутъ въ сумасшедшій домъ!... не боитесь-ли раззорить меня?... ахъ, кускомъ моего тѣла, кровью моихъ жилъ я готовъ заплатить за правду!... вы мнѣ скажете ее?»

Онъ поднялъ съ полу бумаги и выхватилъ изъ кармана еще пукъ.

«Любите вы меня или нѣтъ? милліонъ, Княжна, возьмите милліонъ.»

Она, блѣдная, сжалась, голова ея ушла въ плечи, она повернулась бокомъ и толь-

ко искоса позволяла себѣ взглядывать на это странное привидѣніе, которое стояло передъ нею такъ близко и держало на воздухѣ руку, одаренную какой-то богатырской силой. Казалось, что, если рука опустится, то подъ нею треснетъ и гранитъ. Княжна потерялась въ своихъ мысляхъ, была оглушена неслыханными словами, не приготовилась къ этому человѣку, который вздумалъ перешагнуть за границу своихъ правъ, рыться въ чужой совѣсти, посягнуть на тайны, сберегаемыя для одного неба.

«Вчера еще» продолжалъ Г..., нападая на себя, вѣроятно въ надеждѣ, что Княжна защититъ. Страстное, неистовое выраженіе его лица показывало до какой степени онъ будетъ счастливъ, если она не возметъ. «Вчера еще, вы не возмущали ничьего спокойствія, никому не было нужды до вашихъ истинныхъ

достоинствъ, завтра ихъ замѣтятъ и оцѣнятъ, завтра имъ не будетъ щета, вамъ отдадутъ полную справедливость; никто ужь не пройдетъ мимо, не повернется на одной ножкѣ, а отъ благоговѣнія окаменѣетъ подлѣ васъ; вы получите увѣренность, что огромное число изъ тѣхъ, съ кѣмъ танцуете каждый день, даже когда имъ пригрезится самый счастливый сонъ, въ самомъ необузданномъ бреду не осмѣлятся подумать, что стóятъ вашей руки... Вы явитесь въ свѣтъ, но не скажете уже ему: «я только что прекрасна, только что умна», когда ваши счастливыя соперницы, съ большимъ успѣхомъ, повторяютъ одно: «мы богаты». Вы не вступите въ такой унизительный споръ съ деньгами, и на вѣсы противъ денегъ не положете своей красоты и души.... Я сдѣлаю, весь городъ заговоритъ, что вы мнѣ отказали: это, разумѣется, подниметъ васъ въ общемъ мнѣніи. Что

вы видѣли? кого вы знаете? съ кѣмъ меня сравнивали?... великъ и разнообразенъ Божій міръ!... до сихъ поръ я заслонялъ его отъ васъ; несносный человѣкъ, я стоялъ между нимъ и вами, и каждый взглядъ вашъ поглощалъ въ себя... Есть много людей,—вотъ вамъ они,—которые моложе меня, у которыхъ больше огня въ глазахъ, больше жизни въ движеньяхъ и больше будущности на лицѣ... Не одна Москва на свѣтѣ, есть Петербургъ, Лондонъ, Парижъ... вчера васъ выбрали, завтра вы станете выбирать... Вамъ не будетъ дѣла кто изъ насъ богатъ, кто бѣденъ, кто дуренъ или хорошъ, только-бъ сердце ваше нашло, что онъ лучше другихъ... Княжна, любите ли вы меня?.. не мои руки предлагаютъ вамъ деньги... Это дѣлается между вами и невидимой силой... Я вызываю наружу все, что есть святаго въ вашей душѣ, что вѣчно должно таиться въ какомъ нибудь изгибѣ человѣческаго сердца... Да или нѣтъ? отвѣ-

чайте, милліонъ, Княжна, милліонъ!...

—Дайте—сказала она, поднимаясь съ дивана бѣлая какъ мраморъ, и протянула руку съ необыкновеннымъ благородствомъ. Вся ея осанка дышала благовоспитанной гордостью и какимъ-то высокимъ чувствомъ.

—Я вамъ вѣрю, я думаю, что могу встрѣтить человѣка, который понравится мнѣ больше чѣмъ вы. Если я васъ любила, то въ эту минуту перестала любить.—

Г... подалъ ей билеты, она содрогнулась, отдернула руку и они упали на столъ.

На другой день, въ самомъ дѣлѣ весь городъ заговорилъ, что Княжна отказала.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	стр.		*напечатано.*	*читай.*
55.	1	*снизу:*	Она видѣла какъ	Она видѣла
69.	6	*сверху:*	приготовленія	приготовленія
155.	3	——	Всѣ	Все
155.	2	*снизу:*	чернились	чернѣлись
168.	3	——	что у нихъ	что и у нихъ.
180.	6	——	наперсникіи	наперсника
214.	6	——	встрѣтилась	встрѣтились
221.	4	*сверху:*	Ваше—	—Ваше
255.	12	*снизу:*	и мнѣ	мнѣ
261.	1	*сверху:*	предкамъ	предкомъ
274.	8	*снизу:*	предпріятіе	предпріятія
281.	9	——	присмиренной	присмирѣлой.
298.	4	*сверху:*	Княжна	Княгиня
308.	8	*снизу:*	на слова	ни слова
331.	7	*сверху:*	сошелъ	дошелъ
334.	10	——	первыхъ	нервныхъ
347.	1	——	положила	наложила
388.	7	——	неудовлетворительныя	неудовлетворенныя
401.	8	——	самое охраненіе	самосохраненіе

LIBRARY OF CONGRESS
00025280994